

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Русская Троица XX века: Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев.

Что самое главное мы узнали за последние десятилетия о Революции и Гражданской войне?

Что случилось в России после февраля 1917 года? И что могло бы произойти? Сегодня нам не требуется никакого сослагательного наклонения, которого будто бы «не знает история». Последние двадцать лет русской жизни дали ответы на все вопросы.

Самое простое и очевидное – мы теперь точно знаем, чем закончился большевистский эксперимент. И поскольку известен результат, постольку можно и нужно оценивать происходившее в начале. Но не это самое важное: мы также точно знаем, что Россия все время ходит по кругу.

Теперь не надо гадать, «что же это было».

А что будет?

Да то же самое! В четвертый, пятый или бог знает уже который раз!

Сталин повторяет Ивана Грозного, Горбачев поразительно схож с Керенским.

Ельцин делает то, что делал Ленин... Конечно, различия есть, но они не принципиальны для судеб страны.

Не верите?

Приведем пример.

В 1925 году главный теоретик и идеолог большевизма, «любимец партии» Бухарин провозгласил «Обогащайтесь!», а через четыре года стал политическим трупом с биркой «правый уклон». Горбачев в 1986-м, когда за ним с восторгом наблюдала по телевизору вся страна, разрешил «кооперацию и индивидуальную трудовую деятельность», то есть по сути, тоже предложил советским гражданам обогащаться. К нему прислушались, и через те же четыре года перестройка перешла в необратимый процесс падения генсека.

Взлет Путина вполне объясним «Великим переломом» Сталина, и все это вместе подтверждает устойчивость русского менталитета. А вместе с тем успешное строительство в течение одной пятилетки «вертикали власти» показывает специфику российской государственности. Как в советском анекдоте: рабочие таскают детали с завода, чтобы смастерить из них что-нибудь полезное для себя, но результат домашней сборки неизменно один и тот же – автомат Калашникова.

Есть, конечно, «историческая колея», по которой русский этнос упорно, кругами движется более 700 лет – с Александра Невского. Двигается по-разному: то быстро, то медленно, а то и вовсе страна переходит в галоп в гонке за лидером. Так было при Петре, а еще нагляднее это произошло в начале прошлого века. Большевики пытались заставить страну догнать и перегнать человечество на пути к светлому будущему.

Они, естественно, не знали, что бегут по кругу, а посему только на коротком участке могут обогнать конкурентов. Потом те все равно даже «пешочком» покажут догоняющим спину, поскольку у них дорога иная – вперед. Конечно, и она не пряма, и прогресс понятие относительное, в каких-то принципиальных вещах он, как принято считать, вовсе недостижим. Но все же мир прошел за последнюю тысячу лет грандиозный путь, который отрицать невозможно. И даже Россия, движущаяся по кругу, время от времени перепрыгивает на спиральную траекторию; во всяком случае, из средневековья она уже определенно ушла.

Центральными фигурами российской истории первой половины прошлого века были трое вождей: Сталин, Троцкий, Ленин. Более того, есть немало оснований, чтобы именно эту «революционную тройку» признать главными персонажами российской истории за все двенадцать веков, ее условно слагающие. В таком случае это уже Троица, в которой у каждого своя незаменимая роль. Какая? Об этом – предлагаемая книга.

Самой яркой, самой талантливой фигурой из них был, безусловно, Троцкий. Точнее – он был просто гений. Можно найти сравнения, которые адекватно выразят его роль и масштаб: например, Моцарт революции, русский Наполеон. На его фоне Ленин – это Сальери. Или Кутузов, которому отечественная история приписывает победу над Бонапартом, хотя погубила гения бессмысленность его наступления и русская зима. Самая нейтральная метафора для Сталина – Чингисхан, который сегодня, между прочим, не только национальный герой посткоммунистической Монголии, но и знаковый персонаж современной культуры. А если обратиться к вершинам советской литературы,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org например, к Булгакову, то видна связь тиранического с сатанинским. Но при огромных различиях в личной одаренности на судьбы человечества повлияли все трое, и в наибольшей мере, наверное, именно Сталин.

Не менее сильно разнится посмертное восприятие этих фигур. Живее всех живых, по ритуальной формуле, оказался вовсе не Ленин, а опять-таки Сталин. Хоронили его аж четырежды: в 1953 в прямом физическом смысле, в 1956 – морально, как непогрешимого вождя, затем, в 1961, культовую мумию решили спрятать с глаз под плитой у кремлевской стены; наконец, в перестройку – снова фигурально, через полное, как тогда мнилось, развенчание сталинского образа, завершившееся крахом дела всей его жизни: распадом тоталитарной империи. Однако с началом нового тысячелетия Сталин с готовностью воскрес не просто как демиург великой державы, но как «Имя России», для иных фанатов-неформалов – даже кандидат в православные святые!

Не то – Ленин. Завершив свой земной путь, он превратился по сути в неуспокоенного призрака, чей мавзолейный кадавр выставлен на публичное обозрение, да и вообще в СССР он витал повсюду – и в массовом сознании как абсолютное воплощение идеи добра, и в памятниках, с позволения сказать, материальной культуры местного образца. Даже в «лихие и кошмарные» 1990-е самые либеральные публицисты порой не удерживались от дешевого соблазна обыграть эффектные приметы ленинского образа – к примеру, воспевая кипящую энергией коренастую фигуру, лысину и кепку столичного мэра Лужкова... «Вернуть Богу» мощи Ильича не удалось ни прогрессистам, ни консерваторам, но в последнее время как будто намечается тенденция, что его все-таки захоронят как губителя России, и наступит «смерть после смерти».

Происходящее же с Троцким в последние восемьдесят лет можно в пандан его любимой идее насчет революции назвать «перманентной смертью». Все это время его поливают грязью с самых различных сторон. Масштабы фальсификаций запредельны. Без всякого преувеличения можно сказать, что на его долю досталось и до сих пор достается клеветы больше, чем любому другому персонажу мировой истории. Если вспомнить размах хотя бы только подсоветских публикаций, от сочинений Ленина и его последователей до обычных школьных учебников, то счет тиражей идет на миллиарды!

К своим предшественникам Владимир Ульянов вполне мог бы причислить любого персонажа русской истории, выступавшего против власти, любого бунтаря, претендовавшего на коренные перемены русской жизни. Даже сами слова «бунтовщик» и «большевик» вполне созвучны, хотя ни один мало-мальски подкованный стихотворец не сочтет такую рифму удачной. И Пугачев, и Радищев, и Пестель, и Бакунин – все они были «большевики», ленинские предки. А вот Иосифа Джугашвили, по крайней мере, на вершине его славы, привлекала совсем другая «родословная»: Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый, Александр Суворов. Если же говорить о Льве Бронштейне, то он к своим предкам мог бы отнести Моисея, Цезаря, Дантона, Наполеона.

В 1991 в России тоже случилась революция. Кто же в ней «работал Троцким»? Похоже, соразмерного ему гения эта революция не выдвинула. Наверное, команда реформаторов во главе с Гайдаром и Чубайсом стала «коллективным Троцким» конца столетия, благодаря которому страна совершила некие движения не только по кругу, но хоть чуточку по спирали.

И что теперь думает о них народ?

Революция по определению должна пожирать своих детей, и она это делает неизменно. Русские революции жрут так, что чаще всего и клочка не остается.

И бессмысленно бить тревогу по поводу каких-то вражьих искажений нашей истории XX века, поскольку в самом что ни на есть узаконенном воплощении вся она – сплошная ложь и фальшь. В лучшем случае, когда с нею работают настоящие профессионалы (каких, конечно, немало во всем мире) им мешает выбор оптики – смотрят на события, на людей кто в телескоп, кто в микроскоп. Понятно, что даже при точном следовании фактам либо «лес» не виден из-за отдельных листиков, либо он разглядывается с космических высот, что тоже не помогает приблизиться к истине.

Цель этой книги – добавить в бочку дегтя российской истории каплю истины. Поэтому не станем замахиваться ни на подробное повествование об идеях и событиях, ни на полное хронологическое описание, тем более что на такое и ста томов не хватит. Довольно будет, если авторам удалось устранить

Глава 1

Ох, вспомнит еще наша интеллигенция – это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа... Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, – русской земли, а не своей только десятины! Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством не могут, не хотят, за всю историю. Интеллигенция не знала народа. Молодежь Эрфуртскую программу учила.

И. Бунин

Территория нелюбви

В начале 60-х годов XIX века власть Российской империи, как утверждала официальная советская историография, была паразитической и никуда не годной. Потому «давление под крышкой котла» неминуемо нарастало. Царь-реформатор обманул надежды крестьян: освобождение от крепостного права лишь усугубило тяготы их жизни, поскольку большая и лучшая часть земельных угодий осталась у помещиков. Но народ с передовой интеллигенцией – «революционными демократами» в авангарде все активнее борется за справедливость. Классовая борьба обостряется вплоть до революционного террора, и в конце концов императора Александра Второго убивают герои-народовольцы. Правда, коммунистические идеологи не отрицали того, что царь довольно-таки успешно усовершенствовал судебную систему, воинскую службу, местное самоуправление, а его гибель привела к реставрации многих косных порядков.

После 1991 года оценки поменялись на полярно противоположные. Оказалось, что великий Александр начал замечательные реформы, а те, кто с ним расправился, не дав довести дело до конца, – злобные экстремисты. Политики самых разных взглядов требовали вычеркнуть фамилии цареубийц из отечественной топонимики, а царю и его соратникам наконец воздать должное. Задача решена лишь частично – памятник Александру Второму теперь стоит в центре Москвы. Нашли героев и в пореформенной эпохе: Петр Столыпин зачислен в национальный пантеон как самый выдающийся деятель империи во все времена. Кроме них была, как выясняется, еще целая плеяда ярких личностей: талантливый финансист и дипломат Сергей Витте, мудрый Константин Победоносцев, «вовремя подморозивший» Россию, его гениальный тезка Леонтьев, все предвидевший, коллега последнего по философскому цеху Иван Ильин, все возвестивший и многие, многие другие...

Вроде бы логично, но с таким-то потенциалом – отчего же империю неотвязно преследовали поражения? Блестящие «государственные менеджеры» Витте и Столыпин трудились в совокупности два десятка лет – с 1892 по 1911, и почему все рухнуло практически сразу после них? Несмотря на отдельные впечатляющие прорывы, Россия и в экономике, и в оборонном деле, и в культурных сферах отставала от Великобритании, Франции, Германии, США, в самом конце – совершенно неожиданно не только для себя, но и для мира – даже от Японии. Национальный доход накануне мировой войны был в 8–10 раз ниже, чем в США. Эффективность крестьянского труда (а именно им жила вся страна без малого, 85 % тогдашнего населения) была чрезвычайно низкой. Периодически в разных губерниях и областях случался голод, от которого страдали миллионы сельских жителей. В чем другом, а в этом не соврали марксистско-ленинские толкователи: российское государство во второй половине XIX века действительно было самым слабым звеном в мировой цепи империализма и имело внутри себя целый букет антагонистических, то есть непреодолимых противоречий.

Важнейшее из них – конфликт между дворянством и крестьянством. Или, если взять проблему шире, между «двумя Россиями», словно бы двумя совершенно разными (и объективно чуждыми, сплошь и рядом враждебными друг другу!) народами в лоне одного и того же русского этноса. Между просвещенной частью общества и теми, кого звали просто народьем. Отмена крепостного права, конечно, переменяла многое во взаимоотношениях этих классов, но решающего

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org прогресса, а тем более общественной стабильности не принесла. Крестьянство по целому ряду причин – из-за особенностей общинного землеустройства, условий выкупа земли, из-за отсталости аграрных технологий и общей культуры, природных катаклизмов и т. п. – пребывало в перманентном кризисе. К тому же увеличился прирост населения, больше младенцев стало выживать. В деревне стремительно росло число едоков при прежней чудовищно низкой производительности труда. Горький в 1917 году сообщал об урожайности в России: с «площади / десятины наш крестьянин снимает хлеба и картофеля 20 пуд., тогда как в Японии эта площадь дает 82 пуд., в Англии 84, в Бельгии – 88» [Горький, 1990: 43].

Бухарин [Бухарин, Преображенский, 1994: 41] приводит другую подборку не менее показательных данных:

Каждая десятина давала средний урожай за период с 1901–1910 года, пудов

Очевидно, что при такой производительности русским крестьянам, в чьих руках, между прочим, были не одни бросовые суглинки, но и лучшие в Европе черноземы, никакие переделы – как внутри общин, так и «по мужицкой справедливости» в масштабах всей страны – помочь не могли. Кстати, видно отсюда еще и то, как далеко шагнуло земледелие в развитых странах, где урожай в 50 центнеров считается заурядным. А в Советском Союзе, да и в современной Российской Федерации урожайность зерновых... по существу не изменилась за сто лет!

Итак, отечественное земледелие что с крепостными, что без них неумолимо вело в тупик. Один из популярных в сегодняшней России ответов на роковой вопрос – почему мы веками живем так, как жить нельзя – примитивный географический детерминизм: дескать, широты не те и погода неподходящая для устойчивого земледелия. (А разве пресловутые английские туманы, засушливая жара центральной Испании или континентальный климат канадских прерий так уж сильно лучше для быта и хлеба?) И ладно еще, что ни один из «народных климатологов» не предлагает никаких собственно аграрных рецептов успеха – коль скоро таковые невозможны по условиям задачи. Но любопытно, что все подобные теории завершаются одинаковым выводом, вообще не связанным с сельским хозяйством как таковым: надо, мол, решительно отвергнуть все «чуждые западные ценности», особенно демократию и рынок, полностью изолироваться от мира и снова, как встарь, зажечь единым, могучим колхозом имени товарища Сталина. Иначе пропадем!

Нет, совсем даже не в морозах тут дело. Пусть император Александр отменил рабскую повинность на земле и в войсках, дозволил кое-какое самоуправление и суды присяжных. Но в целом общественная система и ее политический класс законсервировались, скажем так, на уровне позднего, перезрелого феодализма. В Европе и Северной Америке меж тем давно уже свершилась промышленная революция и активно складывалось гражданское общество современного образца. А среди царских подданных мужского пола, православного исповедания и русской национальности грамотных было в 1850 году 19 % – аккурат столько Запад имел в эпоху Реформации, в XVII веке! Не случайно в России в веке XIX варварскими эксцессами сопровождалась эпидемия, с которыми крестьянство не только не могло бороться, но не умело понять их причин и природы. Начальное образование сделалось общеобязательным лишь после первой русской революции, в 1908 году.

Основой основ оставалась сельская община – мать всех социализмов, когда-либо «побеждавших» в пространстве от Пном-Пеня до Ла-Паса. Что же это такое?

Если речь о дореволюционной России – это замкнутое репрессивное сообщество выморочных субъектов: полухозяев, полурабов. Имущественные права и обязанности каждому общиннику назначал так называемый мир, то есть собрание односельчан. Земельные наделы менялись с большим или меньшим постоянством, переходя из рук в руки: ни один участок никогда не становился для «державшей» его семьи полностью своим. Такой патерналистский уклад, конечно, давал его участникам определенный уровень взаимовыручки и круговой поруки (кроме тех нередких, как сказано, случаев, когда бедовать приходилось всем миром). Но он же наложил неизгладимый, как окончательно становится ясно в наши дни, отпечаток на общественные нравы и национальную психологию не только русского, но и многих других российских этносов. Именно эти исконные традиции чем дальше, тем сильнее мешают стране справляться с любыми вызовами истории.

Общинное миропонимание агрессивно отторгало все, что казалось непривычным и чужим. Люди, склонные к независимой инициативе и новшествам, либо выталкивались вон, либо кончали так, как показано в первых кадрах фильма «Андрей Рублев» – падением с колокольни в прямом или переносном смысле. В общине с ее действительно особой – казенной духовностью все должно быть «заодно, под одно» (как писал в позапрошлом веке знаток русской деревни Глеб Успенский): выделиться может только тот, кому начальство дозволило. А начальник, да и вообще каждый, кто землю не пашет, не льет на нее ведрами пот – в глазах общинника праздный нахлебник на его умученной шее. Иное понимание природы труда, как и всякую другую «баламутную» мысль, он отпихивает от себя с тупой угрюмостью или с бешеной злобой.

Потому «парень родом из народа», если сам исхитрится выбиться на начальственную или любую мало-мальски «умственную» должность, почти гарантированно превращается в настоящего тунеядца. Эти простые лица, расплывшиеся или сурово насупленные, одинаково узнаваемы на поблекших от времени постерах Политбюро и на экранах сегодняшних телевизоров.

Отсюда самый принципиальный момент. «Бездуховный» западный обыватель, планируя любой свой жизненно важный шаг, веками привык исходить из собственных возможностей – социального статуса, кошелька, свободного времени, личных умений и навыков и так далее. Типичный же россиянин как вел, так и ведет до сих пор отсчет от противного: что ему дадут сделать другие. Или не дадут ни при каких обстоятельствах. (Принцип тотальной зависимости не одних простецов обязывал, но выстраивал весь русский мир наподобие некоей несущей вертикали. Как известно, даже «наше всё», великий Пушкин много лет мечтал побывать в Европе и объективных к тому препятствий вроде нищеты, отсутствия вида на жительство или незнания иностранных языков, по всей очевидности, не имел. Но так и умер с этой мечтой, поскольку царь Николай решил назначить его невыездным.)

Соответственно, «у них» большинство нормальных людей стремится приобрести законным путем то, чего им недостает. А российская душа рано или поздно приходит к жажде истребить препону на пути к своей мечте, причем непременно «до основанья». Именно так самым всеобщим, чуть ли не единственным массовым интересом в России сделалось отрицание существующего порядка вещей. Так сложилась, а затем в первый раз разрушила государство «партия вселенского протеста», объединившая и земледельцев, и босяков, и интеллигенцию, и немало аристократов. В конечном счете этот роковой принцип породил «негативную самоидентификацию»: несколько поколений советских людей отдавали силы, а часто и саму жизнь не ради того, чтобы обустроить свой дом, но чтобы когда-нибудь их страна смогла развалить чужие. И в наши дни «национальная гордость от противного» отзывается то одной, то другой идиотской сварой с меньшими государствами, сбжавшими из-под руки такой державы. А главное – совершенно уже бессильным, но самозабвенным до полной невменяемости антизападничеством. («Что означает сегодня быть русским? – вопрошает Александр Дугин, претендующий на роль придворного историкософа. И отвечает: – Это значит быть антиамериканцем!» Генезис же ненависти к Америке, как основополагающей национальной идеи, сей мудрец выводит... аж из эпохи Киевской Руси.)

Между прочим, в тех же Соединенных Штатах народ, когда устроил у себя первую революцию, после всех бурь и невзгод добился ровно того, к чему стремился изначально. То есть независимости своей экономики от заокеанских правителей и, как следствие, быстро растущего процветания нации. Вторая гражданская война уничтожила рабство негров, и через неполных полтора столетия после нее президентом великой страны избран темнокожий политик. Да и во Франции, в Великобритании, в Италии и в «Больших Нидерландах» Тилия Уленшпигеля, нынешнем Бенилюксе, во многих других европейских странах, даже столь «новых», как Польша – цели и результаты пережитых в разные века великих потрясений совпали практически без зазоров.

У девяти из каждого десятка жителей Российской империи накануне ее краха желание было, в общем-то, одно: «Земля – крестьянам!». Много земли совершенно задаром. И еще народ мечтал о воле. Чтобы, значит, ни начальства, ни буржуев больше не было, ну а уж если без начальников совсем никак, то чтоб были все свои. Заодно и под одно! Россия «первая», огромная, инертная и косная, дошла до края в своем яростном неприятии «другой России».

Только придумали все это не Ленин, не Сталин и не Троцкий, в чем сегодня рвутся обличить каждого из них бойцы разных политических станов, с несовпадающими мотивами и приоритетами. Любой из троицы лишь использовал на собственный неповторимый манер, но с одинаковыми целями феномен, давно сложившийся в своих самых главных и неизменных сущностных чертах. Далее, как говорится, – везде.

Предки большевизма

Теперь вернемся в XIX век, точнее, к его истокам. Русские вопросы, сегодня признаваемые как бы извечными – «кто виноват» и «что делать» – стали обсуждаться в просвещенном обществе сперва подспудно, а потом и публично сразу после победы над Наполеоном. От слов периодически переходили к делу; проливалась кровь – и правителей, и тираноборцев. Советская официальная история отдавала должное народникам, а также всем другим террористам и мученикам идеи. Однако идейную связь Ленина с теми, кто до него боролся с самодержавием, эта история отрицала – раньше «шли не тем путем». Хотя некая преемственность отмечалась воленс-ноленс: каждый советский интеллигент помнил еще со школьной, а затем и вузовской скамьи родословие большевистской революции по формуле, отчеканенной самим Лениным: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

То, что Ленин одних лишь российских социал-демократов признавал подлинными борцами с самодержавием – это его точка зрения, весьма односторонняя, продиктованная собственной манией величия. Человеку непредвзятому ясно, что Ленин со товарищи – лишь один из отпрысков русской интеллигенции, враждебной когда царизму как таковому, когда «неэффективному менеджменту» отдельных самодержцев. Кроме них, были и другие. Например, кадеты, с не меньшими, если не большими основаниями воплотившие в себе «ум, честь и совесть эпохи». Кто совершил февральскую революцию 1917 года? Разве не Милюков, в октябре 1916-го с трибуны Государственной думы вынесший приговор режиму, не Родзянко, Гучков, Шульгин, собственно, и добившиеся отречения Николая Второго; не Юсупов с Пуришкевичем и великим князем Дмитрием – организаторы и исполнители убийства Распутина, которое стало, по свидетельству самого князя, «толчком и сигналом к перевороту»?

Человек совсем другого уровня культуры и образованности, нежели вожди пролетариата, известный историк литературы Михаил Гершензон видел ситуацию иначе. В знаменитом сборнике «Вехи», вышедшем в 1909 году, он пишет: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегельянство, сенсимонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, нищезанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм, – что ни этап, то иностранное имя» [Вехи, 1990: 85]. К этому стоит добавить, что и славянофильство, по крайней мере на первом, наиболее респектабельном этапе прямо выросло из романтической школы немецкой философии. Да что там, даже пресловутую русскую общину, поклонники которой находились в каждом поколении отечественной интеллигенции, впервые основательно изучил и описал в 1847 году немецкий экономист Август Гакстгаузен. Точно так же марксизм стал очередной интеллектуальной модой, привнесенной извне, а уж дальше на русской почве с ее самобытным климатическим риском... Как говорится, что выросло, то выросло.

Основоположников Маркса и Энгельса большевики увековечили на монументе в московском Александровском саду. Здесь у главного входа за месяц до начала мировой войны был открыт Романовский обелиск в честь 300-летия царствования правящего дома. В 1918 году имена монархов заменили на мыслителей-социалистов и революционных деятелей, а символы царской власти и гербы России были сбиты. В 1966-м монумент перенесли на его нынешнее место, к одному из гротов с весьма символическим названием «Руины».

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Поскольку не литературовед Гершензон, а сами большевики определяли достойнейших из числа своих предшественников, то в мемориале нашлось мало места для философов и много – для радикалов. Соответственно, «русская» часть пантеона невелика, но все же как-то отражает историю отечественной левой мысли за предыдущие полвека: М.А. Бакунин, Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Г.В. Плеханов. За исключением Чернышевского, советская идеология их не жаловала; Лавров и Михайловский практически не упоминались ни в каком контексте. Большевики предпочитали внушать (а многие и сами верили), что подлинная история человечества начинается с них; все, что раньше, не так уж существенно. Но значение идеологии – как выражаются сегодня, пиара понимали все они. За план монументальной пропаганды отвечал на первом этапе Анатолий Луначарский; скорее всего, именно его эрудиции и известной широте взглядов мы обязаны этим списком. Впрочем, совсем незадолго до того, в 1914 году Ленин назначил марксизму его «Три источника и три составные части»; зарубежные товарищи могли быть взяты и из этого опуса.

В перечне нет, например, Петра Ткачева, который в 1870-е годы соперничал в эмиграции с Лавровым и Бакуниным, выпуская революционное издание «Набат». Много лет спустя исследователи сочтут, что на его страницах был впервые сформулирован именно тот проект, который впоследствии с успехом осуществит Ленин: не стоит дожидаться полной победы капиталистических отношений, необходима воля активного меньшинства – небольшой, но сплоченной организации, которая и завоеует власть. Выходит, Ленин сумел объединить эту «орденскую» концепцию с марксистской ортодоксией, обещавшей победу не иначе как силами широких масс индустриальных рабочих. Ряд критически настроенных современников упрекал Ленина скорее в следовании французскому Луи-Огюсту Бланки, который в течение почти полувека – с 1820-х годов вплоть до Парижской коммуны, если не сидел в тюрьме за очередной мятеж, то вновь и вновь пытался вместе с горсткой единомышленников свергнуть законную власть в своей стране. Причем совершенно неважно какую: сперва королевскую, затем республиканскую, после опять императорскую... В то же время Ткачева нередко называют «идеологом русского бланкизма». Да и мера личного риска, на который был когда-либо готов идти наш Ильич, рядом с судьбой неслыханного Бланки, что называется, не стояла.

В России нынешние молодые не то что перечисленных имен не вспомнят, но уже и Ленина с Троцким представляют себе довольно смутно. Между тем не так много найдется фигур мирового масштаба, порожденных Россией и изменивших ход истории. Весь XIX век в обыденном сознании среднего европейца расплывчато маячил великий царь Петр, кажется, строивший корабли на голландских верфях и понуждавший придворных к ежедневной бритве, чтобы вкусить цивилизации. Редкими сполохами крутой этнической экзотики выпрыгивал его вполне еще бородатый «предок», быть может, даже родной папа Иван Грозный («получивший прозвище Vasilevitch по причине своей крайней жестокости», как сообщило подписчикам-французам одно вполне уважаемое издание того столетия). Более прочно присутствовали в этом сознании Николай Первый и все трое Александров. В их совокупное правление Россия вела самые знаменитые войны, начиная с наполеоновской; тогда был создан Священный союз, подавлялись национально-освободительные восстания в Польше и революции в Центральной Европе. Впрочем, и тех знают по сей день весьма приблизительно – достаточно вспомнить изыски современного кинематографа, где то один, то другой петербургский император, бывший несомненным европейцем по происхождению и по образу жизни, предстает в обличье, больше напоминающем сельского барина.

Михаил Бакунин – по-видимому, первый русский не из правящего дома, придворных кругов или генералитета, кто вошел в действительно всеобщую историю. Мы бы рискнули даже утверждать, что до него образ России был белым пятном на политической карте мира в ее «интеллектуальной проекции». Афоризм Бакунина: дух разрушающий есть дух созидающий – сделался известен всем. И с этим своим девизом он явился, наряду с Марксом, подлинным духовным отцом Ленина. В России, как было сказано, самодержавие даже собственной элите давало лишь один выбор: либо раболепствовать, либо уходить в оппозицию – от «внутренней» или реальной эмиграции до вооруженных мятежей.

Русские, кого преследовала власть или просто допекла жизнь на родине, бежали из страны всегда. Кто попроще – в дикую глушь, на необжитые земли; люди просвещенные старались укрыться в вольных городах и замках Европы. Но первыми настоящими оппозиционерами среди эмигрантов стали Бакунин и Герцен, поскольку за границей они активно занимались политикой, публично критикуя

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org отечество и отстаивая собственную систему взглядов. То есть вели себя как признанные европейцы, при этом сохраняя все связи со своей страной. Две эти фамилии в 50–70-е годы позапрошлого века звучали в мире примерно так же, как сто с небольшим лет спустя – Солженицын и Сахаров.

К Александру Герцену Ульянов относился, судя по всему, не без одобрения, коль скоро определил ему место, как выразились бы учтивые китайцы, «преждерожденного». Но идеи лондонского эмигранта как таковые Ленина явно интересовали меньше всего: коль скоро Герцен не принадлежал к «марксидам», значит, заблуждался по определению, пусть сколь угодно искренне. Более того, с Марксом этот социалист-аристократ был в личной вражде. Потому, наверное, Герцена и «не взяли в разведку» на скрижали памятника. Однако опыт политика, который первым из русских начал использовать для своей борьбы типографский станок, а особенно его практика ввоза в страну нелегальной литературы, несомненно, оказались востребованы ленинской «Искрой».

Бакунин совершал европейскую революцию 1848 года, будучи одним из ее лидеров, сидел в тюрьме, бежал. Вместе с Марксом он создавал «Первый интернационал» – Международное товарищество рабочих. Именно его особенно рьяно проклинали умеренные русские интеллигенты накануне и после 1917 года, считая учителем большевиков. Как писал один из «веховцев», член партии кадетов Петр Струве: «Восприятие русскими передовыми умами западноевропейского атеистического социализма – вот духовное рождение русской интеллигенции... Таким первым русским интеллигентом был Бакунин, человек, центральная роль которого в развитии русской общественной мысли далеко еще не оценена. Без Бакунина не было бы «полевения» Белинского, и Чернышевский не явился продолжением известной традиции общественной мысли» [Вехи, 1990: 138].

Струве, как видим, делает основной акцент на «западническом» атеизме Бакунина, считая его важнейшей предпосылкой триумфального шествия социализма в России. Но и он и, что поразительно, последующие поколения советских идеологов полностью игнорировали феномен анархизма, в развитие которого Бакунин внес огромный вклад. Упорство, с каким Ленин отстаивал «диктатуру пролетариата», то есть полное уничтожение прежней государственности как первоочередную задачу, определенно имеет связь с анархизмом бакунинского толка – тот тоже не признавал эволюционных методов.

До последних дней СССР вся советская «попса» на историко-революционные сюжеты представляла это направление политической мысли совершенно дефективным, хотя по своей утопичности анархизм несколько не превзошел марксизма. Вдобавок здесь идеологи столкнулись с досадной проблемой – и старались, как смогли, ее замять. Бакунин, бросив вызов Марксу, по сути, победил основоположника на поприще реальной политической конкуренции. Немецкому философу в борьбе за «Интернационал» пришлось перевести его руководящие органы за океан, где «коммунистический орден» и зачех вдали от своих основных сил.

Совсем недавно в Москве показали длинный, идущий с утра до вечера спектакль «Берег утопии» по драматической трилогии англичанина Тома Стоппарда. С одной стороны, конечно, хорошо, что нынешнее поколение узнает Бакунина, Герцена и других родоначальников социализма хотя бы в британской версии с ее психологическими вывертами. С другой – образ великого анархиста тут представлен в не слишком серьезном, даже несколько фарсовом ключе. Словно над ним поработала государственно-патриотическая цензура, с советских времен тщательно следившая, чтобы Бакунин оставался в глазах публики таким политическим недорослем.

Сам Ленин среди своих русских наставников особо выделял Николая Чернышевского – откровенно слабого писателя и довольно блеклого мыслителя-утописта. Даже то небольшое «свое», что Чернышевский внес в воображаемые картины жизни освобожденного человечества – например, фантазии насчет брачных отношений в светлом будущем, – шло, как можно заподозрить, от превратностей собственного семейного быта. По свидетельству коммунистического ренегата Николая Вольского (более известного под псевдонимом В. Валентинов), все, что было напечатано Чернышевским в «Современнике», молодой Ульянов прочитал «до последней строки и не раз». Это умственное сродство, несомненно, дает представление об интеллектуальных потенциях будущего вождя революции. Как писал впоследствии он сам, «величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления» [Волкогонов, 1994, т.1: 69]. (Надо понимать – такими, как самый революционный из героев романа «Что делать?»: то есть высыпаться на гвоздях и поедать в огромных количествах говядину, с пренебрежением отказываясь от апельсинов?) Вероятно, знаменитого террориста Сергея Нечаева, мистификатора и провокатора, чье имя стало нарицательным в среде русских народников и анархистов, солидарно осуждавших его методы, Ульянов к тому моменту просто еще не прочел...

Столь же адекватное свидетельство времени дает история жизни самого Чернышевского. В 1862 году он был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, объявлен «главным врагом Российской империи» и приговорен к каторге. В тяготах сибирской глухомани он прожил двенадцать лет, отказываясь просить о помиловании. Другой эпатажный лидер общественного мнения, литературный критик Дмитрий Писарев, также был арестован «за агитацию» и четыре года отсидел в тюрьме. Экзекуции сочинителей, ни разу не бравших в руки оружия, – одно из множества преступлений «либерализма» при Александре Втором. Последовавшие позже выстрелы Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова и оправдание террористки судом присяжных показывают всю глубину отторжения просвещенным обществом политической системы, где с передовыми по духу и по сути реформами благополучно уживалось самое примитивное и тупое поправление нрав человека.

А вот марксистскую теорию Володя Ульянов начинал осваивать по Плеханову. «Молодой Ульянов был очарован появившейся на российском книжном рынке работой Н. Бельтова (Плеханова). Бельтов принес, наконец, с горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи» [Волкогонов, 1994, т.1: 80]. Объемистый том под заголовком «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» составил целую эпоху в истории русского марксизма. Перефразируя самого основоположника, можно сказать, что его идеи стали опиумом, вызывавшим «эпидемию привыкания» у всех, кто попробовал однажды.

Этим не исчерпываются заслуги Георгия Валентиновича. Уехав за границу и там сблизившись с лидером русских марксистов, Владимир Ульянов совершил свой личный прорыв в политике: будучи прежде одним из множества агитаторов «за революцию», он благодаря авторитету Плеханова, совместной работе в «Искре» и собственной активности сумел занять видное место в социал-демократической нише. Собственно, вплоть до 1917 года это и составляло его основной политический капитал. Есть, впрочем, другая версия: Плеханов был одной из очень немногих действительно крупных личностей, с кем когда-либо Ленин имел личное общение. Потому его, возможно, и «пустили» на упомянутый памятник, хотя за каких-то пару месяцев до мероприятия в Александровском саду Плеханов, в буквальном смысле в гроб сходя, вовсе не благословлял, а наоборот, проклинал большевизм и большевиков...

Так кто же из революционеров-предтеч повлиял на мировоззрение Ленина в большей степени: Нечаев или Ткачев, Бланки или Плеханов?

Вопрос, как представляется, не имеет большого смысла. Идеология Ленина была крайне незатейлива по сути: во-первых, создать Организацию, во-вторых, свергнуть власть и взять ее самим. Ему хватало веры во всемогущую правоту учения Маркса, а философские, исторические и прочие аргументы служили лишь «симптомами заболевания».

...Итак, народники в 1870-е годы вступили в активную борьбу с режимом и вывели ее фактически на уровень вялотекущей гражданской войны, не затухавшей почти полвека до того момента, как она превратилась в тотальную. Уже следующая генерация, «Народная воля», сумела добиться принципиально важной, как ей виделось, цели – самого царя убили, но к свободе и справедливости страна не приблизилась.

Здесь как раз уместно вспомнить еще одно роковое противоречие чисто психологического свойства. В основе, выражаясь на современный манер, самоидентификации тех революционеров, да и просто легиона порядочных людей, в том числе вовсе не державших замахнуться на устои, лежало навязчивое переживание некоего неоплатного «долга перед народом» и неизбывной «вины» перед ним же. Исходило оно, на первый взгляд, из одного только осознания

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org факта, что простой мужик-кормилец вынужден надрываться в тяжком физическом труде, а интеллигенция, будь она сколь угодно разночинной, от этих тягот «дезертирует». Можно ли такое признать виной? На деле мысли о ней составляли лишь внешнюю оболочку запутанных душевных комплексов. Существо проблемы даже и не в том, что механизм, называемый сейчас социальным лифтом, в местах пребывания интеллигенции работал с куда большим КПД, чем в сельской среде. Крестьянство было ущемлено в правах, голодало и маялось всем миром, сбившись в массу, откуда «шаг влево, шаг вправо» – считался побегом. А любому разночинцу, если выпадали тяготы в его автономном плавании, то в точности по пушкинской формуле: «нет, не так, как вы, а иначе!». Если же он за привычку к вольнодумству либо еще какие «государственные преступления» отправлялся на каторгу, это и тогда, как правило, было результатом свободного и вполне осознанного – личностного выбора. В «коллективном бессознательном» русского мира любой намек на собственную индивидуальность, отдельность есть ітрех перед «обществом», хуже пьянства и даже воровства. Вот в этом-то и кроется глубинная суть расхождений между пролетариатом и интеллигентом, настоящая причина уверенности первого в своей правоте и вечной виноватости второго...

Духовные ценности новой класса, главнейшая из которых – свобода не просто совести и слова, но мышления как такового, неизбежно и очень скоро утратили всякую связь с исконно-посконным менталитетом. Однако народ в этой системе понятий оставался «хорошим» по определению, и любить его полагалось из всех душевных сил. Во что бы то ни стало, невзирая на любые ужасы, написанные на его общем, так сказать, лице. По большому счету подобная умственная раздвоенность не могла привести ни к чему, кроме мизантропии, порой загнанной в глубины подсознания, но драматически неизбежной. Воспаленно-яркой нитью прорастает этот тягостный настрой сквозь все духовное наследие российского «шестидесятничества» не только XIX, но и XX столетия. Свою глухую тоску представители течения вплоть до наших дней, казалось бы, уже вовсе не оставивших места иллюзиям, по-прежнему пытаются подавить сверхдозами политкорректной любви к униженным...

Но у дворянина Ульянова, сколько ни штудируй Полное собрание сочинений, подобных чувств не сыщешь. Сказать точнее, мизантропии в его текстах полно, а вот долга или вины не заметно. Скорей придется убедиться, что «заодно, под одно» с Российской империей автор презирает и все русское.

Синдром иммунодефицита

Ту всеобщую атмосферу, в которой росли Владимир Ульянов и его будущие соратники, писатель Юрий Трифонов, сын крупного сталинского функционера, расстрелянного как «враг народа», описывал век спустя следующим образом: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том: какова болезнь и чем ее лечить? Категорические советы, пророчества и проклятия раздавались в стране и за границей, на полутайных собраниях, в многотысячных газетах, модных журналах, в кинжальных подпольных листовках. Одни находили причину темной российской хвори в оскудении национального духа, другие – в ослаблении державной власти, третьи, наоборот, в чрезмерном ее усилении, одни видели заразу в домашних ворах, иные в поляках, третьи в бионовщине, от которой Россия сто лет не могла отделаться... Были и такие, что требовали до конца разрушить этот поганый строй, а что делать дальше, видно будет. Да что происходило? Вроде бы все шло своим чередом: росли города, бурно раскидывались во все стороны железные дороги, дельцы нагребали состояния, крестьяне бунтовали, помещики пили чай на верандах, писатели выпускали романы, и все же со страной творилось неладное, какая-то язва точила ее» [Трифонов, 1985: 7].

Людам, помнящим горбачевские реформы, легко ощутить дух времени, о котором писал не доживший до перестройки Трифонов. В 1980-е люди тоже испытывали нетерпение, поскольку все разом вдруг осознали, что живут еще в прошлом столетии, тогда как Европа и Америка, Япония и Австралия уже шагнули из индустриальной эпохи в информационное общество. Через столетие произошло повторение пройденного: разница в качестве жизни «совка» и «золотого миллиарда» оказалась настолько чудовищной, что никто не хотел десятилетиями дожидаться лучшей доли. Сейчас легко рассуждать, что эволюционный путь был бы вернее, что надо было действовать осторожно, шаг за шагом, не разваливая страну, что демократы хотели коренной ломки, а нужны были постепенные преобразования. И тогда тоже находились умники, пытавшиеся отговорить от

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org великих потрясений. Но потерявшая терпение страна ломанулась другим путем.

В позапрошлом веке железной поступи прогресса аккомпанировали, как говорилось, шепоты и вопли душевных противоречий. Все их отразила, как умеет она одна, великая русская литература. Характерный пример дает Лев Толстой, оказавшийся не столько зеркалом русской революции, сколько увеличительным стеклом, от которого горячий материал может вспыхнуть при подходящих условиях. Фактически этот «матерый человечище» – один из вдохновителей морального бунтарства, отвергавший государство и казенную веру, за что впоследствии веховцы ему и «врезали по полной».

«Толстой сумел привить русской интеллигенции и ненависть ко всему исторически-индивидуальному и исторически-разнообразному... Этим он морально подрывал возможность для русского народа жить исторической жизнью, исполнять свою историческую судьбу и историческую миссию. Он морально уготовлял историческое самоубийство русского народа. Он подрезывал крылья русскому народу, как народу историческому, морально отравил источники всякого порыва к историческому творчеству. Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны» [Из глубины, 1991: 83].

Прав ли Бердяев, вынося суровый приговор гению? (Ленин, также отмечавший социально-политический эффект от произведений Толстого, выразил по сути ту же мысль, только более мутно и коряво.) Прав, но лишь отчасти – постольку, поскольку верно описал ситуацию. Увы, собственные манифесты Бердяева той поры – в частности, его энтузиазм по поводу «исторического творчества» – выдают историческую недалекость. Войну, которая не могла иметь ни малейшего отношения к подобному творчеству, ибо вовсе не выражала никаких действительных интересов российского народа и государства, следовательно, вела из тупика прямоком к национальной катастрофе, – эту войну блестящий мыслитель встретил с восторгом недалекого оптимиста: она-де «покажет миру мужественный лик России, установит внутреннее соотношение европейского востока и европейского запада». Вот и показали, и установили...

Нарождавшаяся буржуазия относилась к самодержавию зачастую не менее критично, чем интеллигенция. Новые интеллектуальные и политические веяния, проникавшие из Европы, не встречали сопротивления в «порядочном обществе». Как и век спустя, легитимность власти рушилась в умах от любого, пускай самого мелочного сравнения отечественной жизни с соседской – «цивилизованной». Точно так же бурно расцветшая независимая пресса возбуждала неприязнь к устоявшейся системе ценностей и институтов, подпитывала радикальные течения. В то же время «близоруко ревнивое отставание нераздельного обладания властью, – как сформулировал позже Петр Струве, – со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчужило от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической власти... Систематически отказывая... интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства» [Из глубины, 1991:282].

Еще одним постоянным источником нестроений была Польша с ее упрямой тягой к свободе. Единственный безусловно «государствообразующий» – как любят сегодня выражаться (правда, совсем по другому адресу) наши казенные патриоты – народ из всех, что империя когда-либо в Новое время поглотила насильственным путем, так и не был ею «переварен». Он-то, вполне может стать, и внес решающую струю заразы в «синдром иммунодефицита», поразивший гигантский организм.

Если вспомнить более давнюю историю, то здесь обнаруживается один почти забытый у нас (и совершенно игнорируемый польской патриотической словесностью, начиная с Адама Мицкевича), но крайне примечательный момент. Екатерину Вторую, в чье правление осуществились все три раздела Речи Посполитой, на самом деле нисколько не тешили эти акты геополитического разбоя, в которых гораздо сильнее были заинтересованы Берлин и Вена. По свидетельствам современников и историков, ослабевшую Польшу императрица предпочла бы сохранить в качестве вассального, но суверенного государства. Такая уния представлялась тем более реальной, что в молодости у Екатерины, еще не взшедшей на престол, случился роман с послом при российском дворе Станиславом Августом Понятовским, которому через пару лет суждено было стать последним из польских королей. Кто знает, возможно, как раз в интимном общении эта выдающаяся женщина почерпнула некое важное знание об

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org особенностях национального характера поляков, впоследствии удержавшее ее от опасных в дальней перспективе шагов? Государственная мудрость Екатерины Великой проявилась в том, что она решительно отказывалась от присоединения этнически польских территорий, ограничившись «восточными кресами», где преобладали православные украинцы с белорусами, жили малочисленные литовцы и... евреи. (Как выяснилось потом – тоже отнюдь не подарок с точки зрения имперских интересов, но то уже отдельная история.)

В историческую ловушку вляпался внук Екатерины Александр Павлович, когда по итогам Венского конгресса согласился принять как «дар победителю Бонапарта» бывшее Герцогство Варшавское – самое что ни на есть срединное (и психологически центральное!) пространство польской нации. Алчная Пруссия, принижая своей бесславной ролью в наполеоновских войнах, воспротивиться этому решению не могла. Но привилегии, розданные императором всем без изъятия сословиям Царства Польского, не помогли сохранить стабильность. Пыхнуло уже через пять лет по окончании «дней Александровых», при младшем брате Николае и со средним братом Константином в роли фактического наместника. Последний Польшу и поляков особенно жаловал, жил там почти постоянно вплоть до декабря 1830-го, когда мятеж стал реальностью. Даже предлогом для самого знаменитого поступка этого великого князя – отказа занять трон в другом кровавом декабре – стал морганатический брак с польской аристократкой, хотя павловский кодекс лишал престолонаследия только детей от такого брака, но не их отца... Впрочем, совсем не случайно первое польское восстание совпало с полной и окончательной победой в умах европейцев идейного течения романтизма, перевернувшего все былые понятия о суверенитете личностей и наций.

Еще опаснее со стратегической точки зрения оказалась география в новом раскладе. На самой западной оконечности Российской империи впервые за всю историю возник чудовищно уязвимый выступ, на карте аккуратнo вложенный между двух других, которые в бумажной проекции образовывали точное подобие пасти крокодила. За верхнюю челюсть Померания с Восточной Пруссией, снизу – германская Силезия. Собственно, в тот момент и лишились навсегда малейшего смысла любимые многими современными державниками байки о «естественном континентальном братстве» русских и немцев, которым-де постоянно мешали слиться в экстазе то козни гадины-англичанки, то пошлая возня французишек-дармоедов. Рано или поздно «челюсти» должны были сомкнуться на добыче; это и произошло в самом начале Первой мировой войны.

Осознание исторического промаха, однако, явилось гораздо раньше. Жесткий до непреклонности, как о нем принято думать, император Николай Первый в 1831 году, при первых неудачах на тогдашнем польском фронте, отправляет без малого истерическую записку своему ближайшему другу, будущему наместнику в Варшаве графу Паскевичу: «Россия не может извлечь из Польши, при нынешнем ее состоянии, никакой ощутимой пользы». Ради спокойствия в остальных частях империи царь был готов все коренные польские земли «вернуть на Запад» – пусть там с ними разбираются как хотят. Тогда решительному генералу удалось спустить на тормозах «компрадорский и пораженческий» план, но через двадцать с лишним лет тревоги вернулись с новой силой. Во время роковой для Николая Павловича Крымской войны он уже сообщал с постаревшим Паскевичем намерения «усовершенствованный» маршрут ретирады из Польши аж за Днепр, до города Бобруйска. Но Пруссия с Австрией предпочли уклониться от решительных действий, и свой конфуз сановные приятели вскоре столь же дружно унесли на тот свет...

А совсем немного времени спустя на авансцену с озадачившей многих стремительностью врывается еще и еврейский вопрос, лишь недавно казавшийся мелким и частным, а тут вдруг – принципиально важный для судеб России в грядущем столетии! Люди более осмотрительные, даже будучи близки к власти, все настойчивей говорили о безусловной необходимости реформ, только обязательно постепенных. Все остальные требовали радикальных перемен, вплоть до революции. Таких оказалось большинство.

Магия имен

Для проектирования настоящей и будущей жизни государства необходим особый «язык общения» – концепции, теории, мифы, идеологемы. Например, при Горбачеве в роли «ярлыков-слов», действующих «как самостоятельная сила, независимо от их содержания» [Бердяев, 2004: 301–302] стали употребляться

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «гласность», «правовое государство», «хозрасчет», затем – «административно-командная система» и «рынок». А за столетие до него соотечественники, неравнодушные к политике, гвоздили друг друга иностранными словами «пролетариат» и «буржуазия»; «эксплуатацией», «конституцией»... наконец, «революцией» в качестве решающего аргумента. Зародившийся в Европе марксизм к концу XIX века как-то враз овладел русскими умами, что кстати, немало удивляло старину Мавра на склоне лет: мол, им-то зачем понадобилось в аграрной стране? Исторический парадокс – «Капитал» был переведен на русский язык даже раньше (1871), чем на нем вышла полная Библия, переложенная с прежнего церковнославянского канона, из-за которого смысл ее веками оставался темен для простого народа.

Меж тем вполне «почвенная» идеология народничества переживала кризис – крестьяне не откликнулись на попытки интеллигенции поднять их на борьбу. И все героические жертвы, увенчавшиеся цареубийством, не дали результата за два десятилетия. Иными словами, вера в спасительную роль общины-артели нисколько себя не оправдала. Последними заметными в России фигурами этого периода считаются Лавров и Михайловский, но сегодня ясно, насколько они были «местного значения». И тут как раз появляется марксизм, который финансирующие по Европе «тургеневские» и «чеховские» лишние люди с воодушевлением доставили в Россию как очередной заманчивый продукт заграничной цивилизации.

Почему Владимир Ульянов «подцепил» именно марксистскую бациллу, а не стал, скажем, кадетом или эсером?

Для кадетской партии он был, с одной стороны, слишком радикален, с другой – маргинален. Здесь шла открытая публичная борьба, выдвигались люди талантливые и как сейчас принято говорить, успешные, но чуждые архаичного варварства как в своем отношении к властям предрержащим, так и в собственном кругу. Ульянову, чтобы проявить себя и выбиться в лидеры, требовалась ниша потесней да попроще.

При ином стечении обстоятельств он, наверное, мог бы податься к эсерам. Там – тот же социализм как цель, радикализм, доведенный до безжалостного террора. Что касается модели общества, которую стремились воплотить эсеры – хозяйственной и политической демократии, осуществляемой через представительство «организованных производителей» (профсоюзов), «организованных потребителей» (кооперативных союзов) и «организованных граждан» (народного парламента и органов самоуправления), – все это никак нельзя признать большей утопией, нежели социализм по Марксу.

Наверное, ленинский выбор можно счесть в известной степени случайным. Известно, что сам Маркс на все лады проклинал Россию – «оплот европейской реакции». Но так уж вышло, что в конечном итоге именно русские стали его самыми преданными учениками; правда, само учение при этом исказилось до неузнаваемости. В случае Ульянова, скорее всего, сработала не столько тяга к последней моде, сколько семейное воспитание и еще более старые пласты, говоря условно, генной памяти.

Эсеры были во многом близки к славянофильству; по крайней мере, точно так же они пшрузились с головой в поиск, бессмысленный и безрезультатный, «особого пути для России». Ульянов же по социальному происхождению (а отчасти и по крови) мог склониться скорее к западничеству, одной из разновидностей которого в русском восприятии и оказался марксизм. Собственно, к этой альтернативе в немногих ее вариациях традиционно сводилось едва ли не все предложение на российском «рынке идей». К чему призывал соотечественников, например, Достоевский, а несколько десятилетий спустя – Бердяев, Франк, Струве? «Обратиться к Христу»! Им ли, религиозным мыслителям, было не знать особенностей христианства в стране, где оно, в отличие от Европы, так и не срослось до конца с плотью и кровью народа, не впиталось в глубины национального духа? В здешних упованиях на жизнь по Нагорной проповеди реализма никак не больше, чем в большевистской вере в рай земной.

Но вот, предположим, уверовал человек в такую вещь, как неизбежность перехода от одного общественного строя к другому, обусловленная экономическими факторами. Священное писание коммунистов – «Капитал» гласит: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а, следовательно, и капиталистическая собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания». Вывести человечество из диалектического тупика призван пролетариат, который упразднит одним махом и капиталистическое производство с рыночными институтами, и ту форму организации общества, что обусловлена оным производством.

Любопытно, однако, процитировать этот фрагмент «Капитала» дальше: «[Отрицание отрицания] восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства». И вот этими словами заканчивается основное содержание главного марксистского текста! который был доступен каждому, более того, обязателен для прочтения всеми, получавшими высшее образование. Показательно, что за все годы советской власти официальные идеологи так и не удосужились объяснить: почему на смену частной собственности придет непременно индивидуальная, а не какая-то еще, и как она должна выглядеть?

Усвоив подобную методологию сделался ли Ленин «лучшим и талантливейшим», а самое главное, единственным законным наследником немецкого мыслителя, как твердил десятилетиями советский научный коммунизм?

Нет, конечно. Совокупность взглядов и идей, которые когда-либо отстаивал Ленин, пересекалась с философией Маркса лишь отчасти. У основоположника он заимствовал постулаты о неизбежности гибели капитализма и победы социализма, упразднении частной собственности и буржуазного государства, о пролетариате – могильщике буржуазии. Но подлинным его «коньком» были создание партии революционеров (как точно определит Сталин – «ордена») и диктатура пролетариата, что напрямую из «Капитала» и его апокрифов никоим образом не вытекает. Если пофантазировать, то с подобной парой тезисов Ленин вполне мог бороться за революцию и в рядах эсеров. Пускай их орден отстаивал идею не «пролетарской», а скажем, «революционной диктатуры»: на деле речь шла об одном, поскольку диктатура того или иного меньшинства – феномен вполне реальный и хорошо известный в истории, а вот диктатура пролетарского класса в стране, где он, согласно Марксу, еще не оформился в этом качестве, – вещь совершенно фантастическая.

Впрочем, можно на этот «когнитивный диссонанс» взглянуть с другой стороны. Очевидно, что марксизм стал заметным явлением в жизни Европы не только потому, что создал настоящую идейную основу для развития политической борьбы на левом фланге общества. Не кто иной, как большевистские «извратители» в итоге своего эпохального эксперимента вознесли интеллектуальное и научное значение самого Маркса до невиданных высот. Благодаря последующим усилиям Ленина, Троцкого и Сталина работы немецкого философа, одного из множества ему подобных, изданы миллиардными тиражами, без преувеличения, на всех языках мира и занимают важнейшее место в современной культуре.

Многое можно вычитать у Маркса. Под его пером наемные работники фабрик и заводов с их мелкими бытовыми заботами, обычными житейскими драмами и общечеловеческими трагедиями впервые – и на долгие годы превратились в «невиданную в истории общность людей», некоего коллективного демиурга. Как точно заметил Бердяев: пролетариат становится словно бы богоизбранным народом, на который возложена особая миссия. Только выбор Иеговы не нуждался в объяснениях, да и кто бы их стал спрашивать со Всевышнего? Вот решил Он, что «это хорошо», и завел особые отношения с племенем, которое счел самым подходящим для «воспитания Богом через выполнение исторической миссии». (В таких примерно терминах описывал смысл существования любой из наций немецкий философ XVIII века Иоганн Готлиб Фихте. Современники, впрочем, его идей явно недооценили: предтеча гегельянства был изгнан с университетской кафедры по обвинению... в атеизме.) Маркс же с невыносимой дотошностью обосновывает указку своего перста характером производства, формирующим особый класс общества, где роль скрепы выполняют в числе прочего сами технологические процессы.

Красиво развил тему Георг Лукач – поразительно яркая фигура мировой философии: потомственный дворянин и еврей по происхождению, участник венгерских восстаний 1919 и 1956 годов – в знаменитом труде «Geschichte und Klassenbewußtsein» (1923; на русском языке «История и классовое сознание» была полностью издана лишь 80 лет спустя). За это Лукач получил комплимент от Бердяева, назвавшего его самым умным из всех марксистов. Примерно так же

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org его оценивал и великий писатель Томас Манн. В обиход советских догматиков сочинение, обруганное из последних сил угасавшим Лениным, так и не вошло, но стало классикой современного неомарксизма. Согласно Лукачу, Карл Маркс, следуя за Гегелем, «заменяет субстрат развития субъектом», в роли коего выступает пролетариат, и тем самым придал своим схоластическим конструкциям производства прибавочной стоимости смысл и значение новой эсхатологии – учения о спасении человечества.

Здесь, правда, можно задаться вопросом: не перемудрил ли основоположник с терминологией? Подходя строго этимологически, самое старое значение латинского слова *proletarius* – человек, занятый производством исключительно детей, ибо никаких иных навыков и орудий он не имеет. Одно из дополнительных значений в жаргоне древнеримских низов – даже что-то вроде «мудака», не в смысле умственных способностей, а в первичном, анатомио-физиологическом плане. К тому же в эпоху классической античности у свободнорожденных жителей Вечного города, обладавших полноценным гражданством, любой труд, кроме руководящего, воинского или аграрного, по традиции считался неприличностью – долей исключительно рабов, вольноотпущенников и массы «понаехавших тут». Стало быть, тем римлянам, кто не имел богатых и знатных предков или хотя бы клочка пашни, а притом не желал рисковать, выслуживая в легионах земельный надел и пенсию, оставалось кормиться государственными подачками (именно оттуда известный всему миру лозунг «Хлеба и зрелищ!»); кроме хлеба, бесплатно раздавали по определенным дням требуху с городских боен – «висцералии»). Либо, записавшись в клиентелу к какому-нибудь нобиле, оказывать разные мелкие услуги патрону, в основном, как сказали бы сейчас, пиаровского, но при необходимости и филерского, и даже киллерского свойства. Иными словами, древнейшая из всех профессий его величества пролетариата – халявщик.

Слова со временем меняют смысл: в век Просвещения пролетариями стали называть просто всех неимущих, независимо от особенностей их социального происхождения и причин бедности. Но только Карл Маркс впервые за всю историю философской и экономической мысли наделил этим брендом целый класс людей, производящих реальные блага. Почему и зачем – это он сам объяснял довольно расплывчато, как и многие другие дефиниции в своих трудах. Однако ход оказался настолько успешным, что на сто с лишком лет термин «пролетариат» вошел в лексикон всего мыслящего человечества, а в значительной его части популярен по сей день. Для наших краев он, похоже, и вовсе сделался, по выражению тех же древних, *potem oten*, то есть «имя – судьба» (или, быть может, «диагноз?»).

Как бы там ни было с терминами, но в нынешней России с ее неизбывным историческим нигилизмом грех не напомнить лишний раз, что Маркс был действительно выдающимся мыслителем, сыгравшим важную роль в духовной и интеллектуальной жизни человечества. Гениально понятие «капитала»; сегодня его вполне оправданно можно интерпретировать как особый род виртуальной реальности, где образы-идеи, точь-в-точь как в «пещере теней» у Платона или в эссе Бердяева, приобретают самостоятельную, более того, системообразующую общественную роль. И такие открытия, как «стоимость товара рабочая сила» или значение эксплуатации, нынешняя действительность скорее подтверждает, чем опровергает. Наблюдая grimасы текущего кризиса в стране и в мире – можем ли мы с уверенностью сказать, что марксовы идеи доминирования материального начала, приоритета производства над всеми остальными сферами жизни, диалектика производительных сил и производственных отношений так уж полностью изжили себя? Концепции «овещнения» (то есть, с нынешних позиций, все той же виртуализации мира), преодоления отчуждения, значения креативности, которыми Маркс увлекался в ранний период, становятся по-новому актуальны в информационную эпоху. Совсем иное дело – его трудовая теория стоимости, прогноз «относительного и абсолютного» обнищания пролетариата (впрочем, во многом как будто подтверждающийся применительно к большинству стран Третьего мира и к отдельно взятой Российской Федерации). Равно и упования на некий глобальный социум нестяжателей, чьи характеристики столь неудачно пытался детализировать Энгельс в своих одиноких фантазиях после смерти друга-соратника.

Все это, однако, не дает оснований считать Маркса лично причастным к тому, что произошло в России в XX веке. В роли руководителей конкретных рабочих движений ни он, ни Энгельс себя вовсе не проявили. «Первый интернационал» способствовал распространению социалистических идей, но сколько-нибудь серьезной роли в их развитии не сыграл. Как крестьянская община подвела надежды возлюбивших ее народников на скорое пришествие дивного нового мира,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org – точно так же и трудящиеся в Европе и Америке игнорировали диалектику пролетарской борьбы с буржуазией: большинство из тех, кто уже был более-менее устроен в своих делах, не проявили отчетливого желания переквалифицироваться в гребкопатели. Кроме того, Маркс попросту слишком долго писал «Капитал», и к моменту окончания этого труда политико-экономическая ситуация почти повсеместно уже мало напоминала ту, с которой довелось начинать.

Завершая тему «магии имен», осталось вспомнить, что Ленин со товарищи после 1903 года присвоили их сразу два. Первое официальное: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Второе – уточняющее, поначалу скорее формальное, нежели содержательное: большевики. Оно, как показала история, было политически выигрышным в силу своей выразительности (здесь прямое указание и на силу его носителей, и на их революционный максимализм!); стало быть – «в скобках маленькое б». А оно хоть и мало, но в графическом представлении, да еще с двумя «латными наплечниками», превращается в последний, безошибочно запоминающийся штрих.

С 1918 года ленинцы, подчеркивая универсальную всеохватность своей миссии и ее, так сказать, историческую неизбежность для любого и каждого, отказались от слов «социал-демократическая рабочая». Они назвали себя коммунистами: Российской (вскоре – Всесоюзной) коммунистической партией большевиков – ВКП(б). Наконец, в 1952 году партия становится просто Коммунистической, с добавлением двух букв из названия созданного ею государства – КПСС.

Эта эволюция точно отражает содержательные изменения в деятельности организации. Согласно Марксу, общество при капитализме становится полем борьбы лишь двух классов – буржуазии и пролетариата. (Исторический опыт Англии XIX века, которую он выбрал основным объектом своих исследований, и впрямь как будто подтверждал вторичность роли что крестьянства, что аристократии.) И из этого противостояния, когда подавляющее большинство населения превратится в наемных работников, обязана так или иначе возникнуть новая общественная формация – коммунизм. Забегая вперед, можно утверждать, что в России куда более «правильными» и последовательными сторонниками Маркса, нежели ленинцы, оказались как раз меньшевики, чье течение в целом пошло от Плеханова. Они готовились к развитию капитализма в России и всему тому, что он со временем обязан принести, отказываясь «перепрыгивать через ступеньки».

Смена названий выразительно характеризует и специфику адаптации марксизма к российским условиям. «Социал-демократия» здесь очень скоро стала ассоциироваться с умеренностью и компромиссом, что для Ленина являлось презренным соглашательством и «социал-предательством», по сути равнозначным отказу не просто от революционного переворота, но от коммунистической перспективы. Не случайно вождя двадцать с лишним лет кряду так бесил девиз ревизиониста марксовых наук Эдуарда Бернштейна: «Движение – всё, конечное цель – ничто». Слово же «коммунизм» долго завораживало простых русских людей загадочным «высоким штилем»; это для носителей европейских языков самоочевидна его связь с такими банальными житейскими понятиями, как common, common, gemein и т. п. Сакральные формулы, чей смысл темен для непосвященных, часто служат неплохим подспорьем в реальной войне..

Наконец, «настоящих рабочих» вплоть до сталинской индустриализации было попросту слишком мало в России, да и главные вожди – сплошь из интеллигентов. В первые двадцать лет «пролетарское» государство строили фактически одни мужички-богоносцы под водительством профессиональных иждивенцев-революционеров. А после, когда в передовой класс принялись назначать едва ли не всю страну, нужда в таком определении для единственной политической партии отпала сама собой.

И жадно ждем-с!

Надо признать, что у Владимира Ульянова были не только идейные, но и очень веские личные причины ненавидеть государство, в котором он родился и провел первые тридцать лет своей жизни.

Не сказать, что гибель Александра, любимого старшего брата Владимира Ульянова, была рядовым эпизодом в борьбе народовольцев, но и отнести ее к ключевым событиям, по меркам эпохи, тоже вряд ли возможно. Однако в

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org исторической перспективе казнь очередного заговорщика, даже не успевшего, а только «намеревавшегося» совершить покушение, оказалась фатальной для романовской династии и всего российского государства, развязав «кровную месть»...

Впрочем, когда Ленин желал и призывал поражение России в японской, затем в мировой войне, он не был особо оригинален. К концу 1918 года представители разных слоев российской элиты с энтузиазмом встречали немецкие войска в Киеве – «матери городов русских»; то же самое, вероятно, могло бы случиться и во множестве других мест рухнувшей империи. Диссиденты и либералы всех стран и времен с восторгом встречают каждое поражение своего – «как-же-меня-доставшего!» государства от чужаков, которые в их глазах неизменно предстают более разумными, справедливыми и вообще более «прогрессивными», чем власть в своем отечестве. Даже если речь идет о ничуть не менее авторитарной и жестокой императорской Японии, как у множества русских интеллигентов начала XX века. Или о коммуноидном Вьетнаме, об одичавшем вконец Ираке и ближневосточной гон-компании профессиональных беженцев в четвертом поколении – как у перенявших эстафету интеллигентов Европы, США и даже Израиля.

Не случайно «чистый» либерализм, начав с сочувствия униженным, в конце концов неминуемо скатывается к упоению всяческой левизной и к воспеванию полной, казалось бы, своей противоположности – социальной агрессии. При условии, что направлена она против пошлой буржуазности мира, где правят якобы «образованные белые мужчины». (На самом деле не правят уж давно! Ярчайший тому пример – история Билла Клинтона, который на пике власти пережил позорный скандал с девицей Моникой и едва не лишился президентских регалий, а совсем недавно от лица своей великой державы покорно просил прощения у азиатского коммунистического диктатора, дабы спасти двух других девиц, отличившихся самонадеянностью вполне либерального свойства.)

Бердяев, разоблачая революцию и свихнувшихся на ее почве интеллигентов, писал: «Вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание класса трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительность и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посяторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера» [Бердяев, 1990: 100]. Не исключено, что философ, начинавший как марксист, свел все проблемы к духовным, нравственным и интеллектуальным оттого, что прозревал ту эпоху, когда во многих странах фактически исчезнут бедность и угнетение. А терроризм – как «мультикультурный», так и прямой физический – будет расцветать еще пышней и страшней.

Но конкретно для Владимира Ленина левая идея оказалась, по всей очевидности, всего лишь оружием, подвернувшимся под руку в пылу схватки. Настоящей его целью была не защита ближних, тем более дальних, а захват верховной власти. Только она одна была способна утолить жажду мести.

Увы, режим Николая Второго ежедневно, ежечасно укреплял это чувство, как мало какой другой. Всеобщий раж захватывал и таких людей, как лирический поэт Константин Бальмонт, в жизни, что называется, мухи не убивший. Его более даровитый коллега Иван Бунин в эмигрантских «Автобиографических записках» язвительно припоминал, в числе прочих, распространявшееся в первую революцию стихотворение Бальмонта «Наш царь»:

Ваш царь – Мукден, наш царь Цусима,
Наш царь кровавое пятно
Зловонье пороха и дыма.
В котором разуму – темно.
Наш царь – убожество слепое.
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел.
Царь висельник, тем низкий вдвое.
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой.
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходышкой,
Тот кончит – встав на эшафот.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
И еще один знаменательный факт. Горький в своем известном панегирике вождю революции цитирует самого Ульянова. Слушая рассказы о родине, тот вздыхал: «А я мало знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка – и почти всё». Притворства тут не было: чистая правда.

В свои двадцать пять Владимир Ульянов отправляется в «привилегированную» сибирскую ссылку, оттуда прямоиком за границу. Обрато в Россию его притягивают лишь революции: сначала первая, да и тот трехлетний период был большей частью прожит в полуавтономной Финляндии; только после февраля 1917-го – снова в Петроград под защитой пресловутых вагонных пломб. Потом еще дачный Разлив, совсем ненадолго, и уже безвыездно – Москва, дальше Горок захворавший Ленин не бывал. Ни школьного, ни студенческого братства. Привязанность к родному брату Александру – та, конечно, вошла в официальную легенду, но вот любил ли Володя другого своего брата и сестер, мы, в сущности, не знаем. Про настоящих друзей тоже не слыхали. Брак с Надеждой Крупской начинался, судя по всему, как фиктивный (такая практика, широко распространившаяся среди русских революционеров, была, с одной стороны, близка заветам Чернышевского, с другой – сродни правилам уголовного общака: наличие «законной половины» облегчало связь заключенных с товарищами на воле). Да и после этот брак многим казался довольно-таки странным. А гипотетический роман Ленина с Инессой Арманд вообще непонятно на чем был основан. Похоже, нормальных отношений с людьми он иметь вовсе не мог, лишь к политическому противнику Мартову проявлял некоторую симпатию, да и то на расстоянии. На ближних смотрел всегда сверху вниз – недаром в его окружении задерживались только люди, согласные на роль преданных учеников. Даже никакого, как сейчас говорят, трудового коллектива, не считая чуждых производительного труда революционеров, не было никогда в его жизни. Поразительно: общепризнанный национальный лидер совсем ни с какой стороны свою нацию не знал! А по характеру вообще «чувствовал себя немцем».

Обратимся снова к «Вехам». У их авторов, при всей критике в адрес «государственных отщепенцев» – интеллигенции, невозможно найти ни одного положительного высказывания о политической системе своего государства. «Полицейский режим калечит людей, лишая их возможности трудиться», – так о самодержавии отозвался Булгаков. Не менее умеренный Струве характеризует ситуацию 1909 года «возрождением недобитого абсолютизма и разгулом реакции».

Все как в известном религиозном постулате: «оба хуже». Лучше один Бог, а земные антагонисты – одинаково бесы, только и того, что один примелькался давно, даже дозволяет по своей дряхлой расслабленности кое-какие поправки жертвам. Другой искушает без конца... а что, собственно, он сулит? Тотальную модернизацию зла под видом обновленного счастливого бытия! Увы, в реальной жизни общества высокий богословский принцип не применить никак. Следуя третьим путем – полной непричастности ни к одному из зол, можно прийти лишь в отшельничество, какими красивыми именами ни назови одинокую холодную обитель. Но и там бесы достанут всенепременно, и примутся рвать на части...

Когда подобные психологические сшибки овладевают лучшими умами – национальная катастрофа становится неизбежной.

Показательно, что на отдельных участках «общего фронта» революции роль ее ударных сил выполняли не только озверевшая в окопах мировой войны солдатня, беднота и люмпены заодно с прочими местными суррогатами пролетарского класса, не столько даже интеллигенты-бунтари, но и целый ряд нерусских национальных общин или диаспор – евреи, латыши, китайцы и другие.

На тему «Евреи и русская революция» написано уже столько, что разглядеть весь этот неподъемный массив на прострaнстве одной книжки невозможно просто физически, да и необходимости такой нет. Нетрудно, впрочем, заметить, что все доводы и выводы оппонентов в сухом остатке сводятся, примерно как спор славянофилов с западниками, к единственной альтернативе со скромными вариациями. Вот один из двух генеральных тезисов: «Евреи порочны по самой своей натуре, так как их религия человеконенавистническая, а Родины у них нет. Испокон веков генетическая хитрость, жадность и умственное вырождение склоняли каждого еврея к ростовщичеству, гешефтмахерству, спаиванию русской нации и прочим паразитическим имитациям труда; подобные занятия, в свою очередь, послужили прививкой ненависти к исконным, народным, а также духовным и соборным началам, коими Святая Русь превосходит целый мир. В конце концов сионисты во главе с Троцким закономерно обращают злобу иудейскую против России и всего русского. Именно поэтому евреи так массово

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org бросились в революционеры, и в гражданскую войну они зверствовали лютей всех других, вместе взятых».

Тезис противоположный: «Активность евреев в революции была, несомненно, очень высока. Можно даже считать, «несоизмерима с общей численностью» – хотя что в таких делах следует признавать нормой; применимы ли вообще процентные разрядки к катаклизмам истории? Но если и правда это, то полностью объясняется фактом, что евреев царский режим угнетал особенно жестоко и изоциренно, не давая им свободно перемещаться по стране, выбирать место жительства и профессию. Что касается утверждений, якобы после революции евреи целиком захватили власть в России и заняли все какие есть руководящие посты, – это явный нонсенс: такую статистику надо изучать не по брошюре «Десионизация», а по отчетам Совнаркома! И кстати, между прочим: «Протоколы сионских мудрецов» тоже фальшивка, это давно доказано серьезными исследователями. Ее один только бедняга царь и принимал своим слабым умишком за чистую монету, но вот, скажем, начальник петербургской охраны генерал Глобачёв – тот уже ни в какую! А вообще наш долг – напомнить вам, что не бывает преступных наций, есть лишь отдельные преступники в любой из них без исключения, и пусть каждый отвечает лично за себя».

Не желая вступать в маловразумительный и бесперспективный диспут по существу, заметим от себя лишь одно. Если власть отнимет у любого народа что-нибудь такое, чем он свободно располагал еще вчера, – только не стоит под этим понимать блага, чисто умозрительные по меркам повседневной жизни большинства (вроде нашей независимой прессы и свободных выборов, или возможности слетать в Париж на выходные, да хоть бы и «двух «волг» на один ваучер»), но лишь то, чем дорожит каждый: свой угол, заработок, даже просто чекушку после смены и пол-литра в выходной, – вот тогда ответное озлобление оказывается куда сильнее и опаснее, чем тоска по вешам, не виданным никогда. Часто оно переходит все пределы.

В России евреям с екатерининских времен, когда их счет в стране из-за разделов Польши подскочил за каких-нибудь тридцать лет сразу на сотни тысяч, не дозволялось почти ничего, никогда и нигде. Но вели они себя при этом вполне тихо, сообразуясь с вколотенной за века привычкой не высывываться. Однако при Александре Втором положение стало меняться коренным образом. Прежде всего для торговцев, сумевших выхлопотать себе гильдейскую марку, и для мастеровых, – а в еврейской среде, практически полностью отлученной от земли (к редким исключениям как раз принадлежала семья Льва Троцкого), каким-нибудь, пусть самым нехитрым ремеслом владели, наверное, четверо из пяти мужчин. Этих людей перестала обязывать – пусть неофициально, лишь де-факто – черта оседлости; до 200 тысяч еврейских семей нашли себе место в посадских кварталах Москвы и других крупных городов центральной России, многим даже в столицу Петербург сделалось «вольно».

И вот, после гибели царя-освободителя, его наследник-«миротворец» с «серым кардиналом» Михаилом Катковым (кстати, начинавшим свою деятельность как либерал) и обер-прокурором Святейшего Синода Константином Победоносцевым начинают отыгрывать назад. В первую голову – в еврейском вопросе. В 1890-е годы московский градоначальник десятками уничтожает местные синагоги – понастроили тут, а где свидетельство о регистрации? Ах, просрочено?! Тысячи людей в спешном порядке гонят с обжитых и оплаченных квартир, выселяя в неизвестность... Новой «оттепели» им пришлось дожидаться до 1906-го: хоть откат в реакцию после Октябрьского манифеста Николая Второго наступил очень скоро, но права этносов он затронул на удивление мало, сосредоточившись в основном на преследовании оппозиционных политиков и свободной прессы.

Так, может, те молодые евреи в комиссарских кожанках, о ком поэт Багрицкий сочинял романтические сюжеты с садомазохистским подтекстом, мечтали отомстить за беду старших братьев, совсем как наш Ильич? Во всяком случае, взгляды родоначальников современного сионизма Теодора Герцля и Зеева Жаботинского в их жизни уж точно не сыграли той роли, что идеи Маркса – для Ленина.

А третий из Александров свое почетное прозвание получил просто за то, что при нем Россия не воевала ни с какой страной и даже не имела крупных восстаний на своей территории. С этой точки зрения он действительно уникален в списке русских царей; но если добавить хотя бы только вышеописанные «заслуги перед Отечеством» (а их у нас обсуждают почему-то редко и с явной неохотой, когда это делают не евреи), то придется признать, что задачам русской революции «миротворец», почивший вроде как до срока, но своей

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org смертью, поспособствовал никак не меньше, а возможно, и гораздо больше, чем его отец и сын, убитые революционерами...

Но если роль евреев описана более-менее и осмыслена хотя бы на таком уровне, то поистине удивительно вмешательство маленького латышского народа даже не в российскую, а по сути, в мировую историю. Природа и причины этой «пассионарной вспышки» остаются загадкой, возможно, и для самих современных латышей. До Гражданской войны прибалтийские крестьяне – «нация батраков», как додумались их обозвать ура-патриоты газпромовской России, – не отличались воинственностью сверх норм местной истории и своего социального класса. Там если действовали застарелые исторические счеты, то в основном с местными же немцами, которые издавна завладели большей и лучшей частью земельных угодий на территории нынешних Эстонии и Латвии. И вот эти мирные люди превращаются в железную гвардию большевизма, «красных преторианцев». Они охраняют Смольный и Кремль, сражаются на всех фронтах Гражданской и побеждают гораздо чаще, чем проигрывают, не сдав ни одной позиции без приказа. Латышские стрелки представляли собой колоссальную силу даже просто физически: на пике войны их численность, по некоторым данным, достигала 80 тысяч! (Хотя надо полагать, не все в составе тех дивизий были этническими латышами; иначе выходит, что в «стрелках» служил каждый четвертый латыш призывного возраста.) Как бы там ни было, латыши буквально взяли штурмом шестую часть земного шара – а потом так же организованно, как действовали в боевой обстановке, отступили на прежние скромные рубежи.

Однако все эти тайники народной души крайне мало заботили и Ленина, и Сталина, и Троцкого. Нациям они отводили хоть и важную, но исключительно инструментальную роль в своих планах. К тому же Ленин был «страшно далек от народа», не только от русского крестьянства, но вообще от жителей России. Точно так же далек был Троцкий от традиций и обычаев своих предков. (Совершенно нелепы манакальные упражнения тех «народных витий», что не раз и не два, но при каждом упоминании Льва Троцкого непременно добавляют в скобках: «Лейба Бронштейн». Слово он когда-нибудь старался от кого-то скрыть свое происхождение, или же фамилия Троцкий настолько типична для коренных русаков, что если срочно не схватить за руку и не вывести на чистую воду, то ни один читатель не заподозрит ни сном ни духом. Но дело-то в том, что при жизни Льва Давидовича местечковым именем его не звал ни один человек, по крайней мере, лично с ним знакомый. Ни в каком «штетле» Троцкий отродясь не проживал, вообще связей с этой средой не имел и даже поболтать с носителями идиша при самой большой нужде сумел бы, вероятно, не иначе как только переделывая по собственной догадке слова литературного немецкого языка.)

Сталин, вероятно, хотя бы смолodu знал Грузию несколько ближе, но лишь в преломлении ее книжной – церковной и поэтической духовности, да еще со стороны низов общества в маленьком городке. С корневой жизнью Сакартвело он соприкоснулся лишь в детстве, да и то постольку, поскольку в Гори за пределами старой крепости, воздвигнутой на скале, нет и сейчас четких границ меж городской застройкой, полями и виноградниками, а тогда подавно не было. Вино делают на каждой улице; даже если нет у тебя ни одной лозы – сосед поделится. Сельская родня, хоть и неблизкая, имелась тоже, как практически у любого кавказца. (Трогательную фантазию на тему этой несбывшейся линии в жизни правителя сочинил Фазиль Искандер в романе «Сандро из Чегема»; ни одному автору, не родившемуся в тех краях, написать такое не удалось бы.) Позже Сталин решил вовсе отвернуться от своей природы, сам себя назначив не просто полпредом, но родным сыном «самого талантливого, самого выдающегося народа из всех» – русской нации. И его поклонники в нынешней России эту идею принимают на ура. Уж кто-кто, а Иосиф Виссарионович для них – никак не «черножопый»!

Обстоятельства сложились так, что личный душевный протест будущих харизматиков, их неприятие родной крови и почвы попали в резонанс со стихией перезревшего народного бунта. И вот в общей сложности тридцать пять лет они руководили страной – «немец из русских», «русский из грузин» и «еврей-гражданин мира».

Вспоминается случай, который описывали, каждый по-своему, и Герцен, и Гершензон. В середине 1835 года, вернувшись из заграничной командировки и сдав экзамен на звание доктора наук, двадцатисемилетний Владимир Печерин был назначен экстраординарным профессором греческого языка и древностей Московского университета. Осенью и зимой он с блеском читал курс лекций и... мечтал во что бы то ни стало бежать из России. Летом 1836 года он навсегда

Печерин прожил долгую жизнь, завершившуюся в стенах католического монастыря в Дублине. Беглец обрел, казалось бы, все, чего искал – новую родину и веру по своему вкусу. Кроме, быть может, одной малости. Если верить «Былому и думам», то лишь после смерти Печерина среди его бумаг обнаружили четверостишие, впоследствии ставшее знаменитым на весь мир. Хотя сам он публиковал множество стихов, исключительно по-русски (и, что любопытно, по преимуществу ностальгически-патриотического содержания), но те сегодня известны лишь специалистам. Вот оно в самой распространенной из списочных версий:

Как сладостно отчизну ненавидеть И жадно ждать ее уничтоженья! И в разрушении отчизны видеть Всемирного денницу возрожденья!

Согласно нескольким другим биографам, Печерин успел не раз публично покаяться в своем русофобском порыве... Все же вслед за Гершензоном рискнем утверждать: в этих его строках – ключ к пониманию развития российской интеллигенции всех эпох, в том числе, вероятно, и будущих. Ненависть – сила, несомненно, не меньшая, чем любовь. А быть может, и большая. Потому что даже самая маленькая ненависть, в отличие от самой великой любви, не блекнет и не угасает, если ей не дадут найти какой-нибудь сравнительно безопасный, ненасильственный выход. Она лишь раскаляется под спудом, рано или поздно грозя взорваться. И тут уже окажутся забыты любые первопричины: «Долой всё! До основанья».

Глава 2

Первоначальное воспитание важнее всего, и это первоначальное воспитание, бесспорно, принадлежит женщинам.

Ж. Руссо

Генетика вождизма

Ленин, Сталин и Троцкий – три лица, три ипостаси большевистского этапа русской революции; если сказать резче, трехглавая гидра большевизма. За свою жизнь во власти они побывали и соратниками, и политическими оппонентами, и непримиримыми врагами. Поэтому понять одного невозможно, не рассматривая всех в их взаимных отношениях.

С одной стороны, мифы о Ленине и Сталине составляют соответственно «лениниану» и «сталиниану». С другой – существует великое множество разоблачительных публикаций, выступлений, произведений искусства. По сути, не менее мощные «контрлениниана» и «антисталиниана».

Памятники, учебники, книги, фильмы, море других источников документальной и художественной информации свидетельствуют и «за», и «против». Получается многомиллионная совокупность артефактов, посвященных этим персонам. Каждый поступок, любой факт или просто слух употреблен многократно и передается до сих пор; все это вместе образует, без преувеличения, уже некую «инфосферу», если не окутывающую целиком земной шар, то накрывающую территорию бывшего СССР и еще изрядный кусок Европы. Бог и дьявол, святые и бесы, герои и палачи – любые крайние оценки идут в дело при изображении участников великой смуты двадцатого века. И мешают понять, что и как происходило в реальности.

С Троцким ситуация в России и проще и сложнее.

Проще потому, что только с ним одним из троицы здесь связывается понятие абсолютного зла, и только так в общественном сознании продолжает жить после своей смерти Лев Давидович Бронштейн. Его пятилетка на Олимпе почти в одночасье сменилась потоком яростной критики и просто злобной хулы, который, как это ни удивительно, задает тон и сегодня. никакой «русской троцкианы» не существует, зато «разоблачением троцкизма» до сих пор увлеченно занимаются и прикремленные зюгановские коммунисты в своих рядах,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org и национал-патриоты в заботах о «России для русских», и изысканные критики буржуазно-либерального толка. Порой Троцкому даже приписывают знаковую формулу Бернштейна насчет движения и цели. Но это совершенно невинная путаница среди моря клеветы.

Сложнее, поскольку для остального мира Лев Троцкий был и остается масштабной величиной, явлением не только в политике, но и в культуре. Российская общественная мысль, пытаясь навязать ненависть к одному из выдающихся сыновей страны, повлиявшему на судьбы всего человечества, демонстрирует варварство, очевидное непредвзятому взгляду.

Начнем с того, что в последние годы так сильно занимает умы противников коммунизма – с этнических корней вождя революции. По своему национально-культурному происхождению один из них принадлежит к «государствообразующему народу» лишь отчасти, двое других вовсе не имеют отношения.

Дитя Марии

В официальной советской версии идеологического культа, если интерпретировать ее как извращение знакомых христианских догм, Ленин имел двойную ипостась. Всесильный и всезнающий бог-отец, создатель новой веры, творец государства и в то же время воплощение гуманизма, «самый человеческий человек» – большевистская травестация Христа, с малолетства осененного особой революционной благодатью.

Образ прирожденного совершенства в те годы, «когда был Ленин маленький с кудрявой головой», пропагандировали канонические байки о детстве вождя, картинки в учебниках, значок, который носили младшие школьники – октябрята. И здесь, совсем как в евангельских сюжетах, ведущее значение в родительской чете придавалось матери. Та, словно по заказу, тоже носила имя Мария (то, что ее девичья фамилия была Бланк, долгое время разрешалось знать лишь специально допущенному контингенту граждан, поскольку все советские годы негласно, но отчетливо внушалось представление о Ленине как идеальном воплощении русскости; идейно-патриотическому фантому не полагалось и не позволялось быть ничем иным). Крещена она была в лютеранстве. Возможно, еще и поэтому старшие члены семьи отнеслись столь терпимо к многожды воспетому коммунистической «агиографией» отказу юного Володи от церковных таинств?

Иными словами, советская идеология признала за Марией Александровной Ульяновой статус матери богочеловека, неизменно служившей опорой спасителю мира. В годы маргинальных скитаний будущего вождя она оставалась за главой семьи, щедрые материнские субсидии служили как бы страховочным фондом, последним ресурсом, который позволял Владимиру Ульянову вести странную жизнь «профессионального революционера». На образ дополнительно работала казнь первого сына Александра – то ли жертвенного агнца, то ли аналога Иоанна Предтечи, чьи деяния и мученическая смерть проложили дорогу Идущему вослед.

Несомненно, что с позиций сегодняшнего российского православия, при безраздельном господстве застывшего официоза «сверху» и истощенного неопитства «снизу», одна только мысль о возможности и допустимости подобных параллелей есть сатанинское кощунство. Стоит, однако, припомнить их широкую распространенность и вполне органичное восприятие во многих областях христианского мира. Так, в СІІІА чернокожие священники в своих проповедях и сейчас сравнивают с Иисусом Авраама Линкольна, охотно обыгрывая в числе прочего такие совпадения их биографий, как рождение в семье плотника и смерть в Страстную Пятницу.

Фигура Ильи Николаевича Ульянова тоже удачно вписалась в эту традицию. Как и святой Иосиф, он в семейных преданиях играет второстепенную роль. От имени ветхозаветного пророка, которого полуязыческая сельская вера превратила в громовержца, образуется добродушное, уютно русское Ильич. Ильичей «по высшему разряду» было в советской истории, как известно, аж двое, притом очень разных. Но и общих черт фольклор им приписал немало.

У Ульяновых был собственный дом в Симбирске – деревянный и одноэтажный, с антресолями, как большинство тогдашних жилищ среднего класса в провинции, однако достаточно просторный. Во всяком случае, для нескольких поколений

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org советских людей, устраивавших свои семейные гнезда в бараках, мазанках и избах, в коммуналках и хрущобах, вид его служил вполне убедительным свидетельством непролетарского происхождения вождя.

Более удобной для мифотворцев оказалась основная профессия Ульянова-старшего – педагог. Занятие, традиционно уважаемое в большинстве обществ мира, хотя нигде не гарантирующее богатых доходов, а порой даже затрудняющее доступ в высшие сферы. То, что Илья Николаевич был важным чиновником именно по части образования, а не по какой-нибудь другой, позволяло затушевывать «классовый изъян». Большая семья с разновозрастными детьми также подкрепляла пропагандистский сюжет – в такой семье как бы по определению не может вырасти индивидуалист-эгоист, хотя реальная жизнь слишком часто опровергает расхожие представления.

Подобно святому Иосифу, рано умерший отец Владимира Ульянова не успел узнать о деяниях не только среднего, но и старшего сына. Можно сказать, хоть в этом смысле повезло умеренному прогрессисту...

Первые годы жизни Владимира совпали с пиком служебной карьеры отца, произведенного тогда в чины статского, а затем действительного статского советника, что соответствовало званию генерал-майора на военной службе. Начиная с этой ступени и полагавшегося к ней ордена, подданным давались права потомственного дворянина. [1 – Интересен послужной список Ильи Николаевича Ульянова. Он закончил Астраханскую гимназию с серебряной медалью в 1850 году и физико-математический факультет Казанского университета в 1854 со степенью кандидата математических наук – немалые достижения в 23 года. Столь же убедительна завершающая часть его биографии. Приведем извлечение из формулярного списка: «Правительствующего Сената по департаменту Геральдий от 25 ноября 1871 г за № 5326 произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством с 11 ноября 1870. ВСЕМИЛОСТИВИШЕ награжден за отличную службу орденом Св. Станислава 2-й ст. 22 декабря 1872. Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 17 августа 1874 г за № 16 назначен директором народных училищ Симбирской губернии 11 июля 1874. ВСЕМИЛОСТИВИШЕ награжден за отличную службу орденом Св. Анны 2-й ст. 25 декабря 1874. ВСЕМИЛОСТИВИШЕ награжден за отлично-усердную службу чином действительного Статского Советника 26 декабря 1877. Приказом Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения от 15 декабря 1880 г. за № 15 оставлен на службе на один год по выслуге 25-летнего срока с 11 ноября 1880. Предложением Г. Товарища Министра Народного Просвещения от 27 апреля 1881 г. за № 6126 назначена ему, за выслугу 25-ти лет, в пенсию полный оклад жалованья одну тысячу р., со дня выслуги 25-ти летнего срока, сверх содержания на службе с 11 ноября 1880. Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 7 декабря 1881 г. за № 10 оставлен на службе на четыре года с 11 ноября 1881. ВСЕМИЛОСТИВИШЕ награжден за отлично-усердную службу орденом Св. Владимира 3 степени 1 января 1882. ВСЕМИЛОСТИВИШЕ награжден орденом Св. Станислава 1-й степени 1 января 1886. Состоя на службе, умер 12 января 1886».]

Впоследствии жизненный успех отца мог дурно повлиять на самоощущение сына, вплоть до развития у него психологических комплексов. Ведь достижения самого Владимира в дореволюционный период оборвались с выпуском из гимназии – ни полноценного образования, ни общественного признания. Между тем именно благодаря своему сословному статусу революционер Ульянов имел различные поблажки от «царских сатрапов»: так, в ссылку в 1897 году он ехал не в арестантском вагоне под конвоем, а самостоятельно, как свободный человек.

От родни по материнской линии ему достались весомые материальные блага. Понятно, что семья, жившая в глубокой провинции, хотя и в губернском городе, не принадлежала к верхним слоям российской элиты. Но все же по нынешней классификации ее вполне можно отнести к «верхнему среднему классу». На доходы от имения, составившего долю Марии Бланк в отцовском наследстве, Ленин жил и в пору своей незадавшейся адвокатской деятельности, и особенно когда стал профессиональным революционером, которому работать нельзя никак, а кушать тоже очень хочется...

Когда Ленина начали свергать с пьедестала, с засекреченной частью родословной разобрались доподлинно. Оказалось, дед по матери был сыном еврея и шведки, а женился он на немке из обеспеченной семьи. В свою очередь, по отцовской линии имел место брак русского с крещеной калмычкой (чей род, по некоторым данным, происходил из Монголии). Итак, вождь – на четверть русский, на четверть калмык, на четверть немец, на восьмую долю

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org еврей, и на последнюю восьмушку – швед! Некоторые авторы усматривают в происхождении Ильи Николаевича еще и чувашский след. Пожалуй, в менее закрытом и репрессивном обществе такая генеалогия работала бы на «божественный» миф лучше, чем на его разоблачение. Получается, что корни Ленина уходят к разным этносам и культурам, даже разным религиям – не только к христианству нескольких деноминаций и к иудаизму, но и к далеким буддистским предкам. Здесь сошлись все основные составляющие российской истории. Помимо исконно русских корней:

– наследие варягов, каковые, согласно летописной традиции, первыми «пришли и володели» Русью; даже, судя по всему, дали ей имя на века (в финском языке этнонимом Ruotsi до сих пор обозначают шведов);

– еще более древний угро-финский субстрат (с ним, по многим антропологическим данным, тесно связаны тюркоязычные ныне чуваша), плотно перемешавшийся со славянством на северных и восточных русских землях;

– влияние степняков, так или иначе связанных с Ордой, чье иго на Руси длилось без малого два половиной столетия,

– немецкая кровь, парадоксальным образом роднящая Ленина с его главным врагом – все Романовы, начиная с Петра Третьего и Екатерины Великой, имели германское происхождение, регулярно подкреплявшееся династическими браками;

– наконец, частично ассимилированные евреи, чей народ, как говорилось, послужил мощнейшим ферментом в революционной судьбе России, а затем в ее культуре и науке.

В далекие 1920-е, когда образ Ленина «раскрутили» как сверхчеловека, а с телом его поступили по причудливо смешанному рецепту богоравных египетских фараонов и мощей христианских святых, эта родословная вполне могла бы быть признана официально, поскольку соответствовала той всемирно-исторической миссии, которую новый бог возвещал человечеству – он обещал спасение всем без различия наций и культур.

Коммунистическая власть пошла другим путем. Изначально большевики были глобалистами: «у пролетариата нет отечества». Впрочем, примерно так начинало и христианство, а потом все-таки национальные признаки проявились у различных церквей.

От калмыцких предков Владимир Ульянов унаследовал слабо выраженные монголоидные признаки в чертах лица. Сознательно или невольно эту особенность подчеркивали художники в коммунистических странах Азии. На скульптурных и живописных портретах, вплоть до почтовых марок, выпущенных в прошлом веке в Монголии, Китае, Вьетнаме или Северной Корее, Ленин выглядит настоящим соплеменником авторов. Зато в русском театре, кинематографе и отчасти в станковой живописи аккуратно ретушировались приметы заурядности, тем более «порчи»: невысокий рост, рыжеватый оттенок волос, картавость и некоторая суетливость в движениях. Даже плешь, абсолютно ничем не выдающуюся, кроме раннего (на третьем десятке лет) появления, искусники ухитрились замаскировать под благообразное «сократовское» высоколобие. Вероятно, именно по этой причине в ленинской иконографии сравнительно редко использовались портреты молодого, но уже теряющего шевелюру Владимира, каким он был, например, в сибирской ссылке. Слово бы этот человек за всю свою жизнь имел только два возраста – из кудрявого отрока мгновенно превратился в серьезного мыслителя зрелых лет, да таким и оставался до самого конца. Как видим, изобразительный канон сложился и закаменел навсегда по законам, общим для любых конфессий, какие только разрешают смертным портретировать свое божество. Ведь точно так же нет ни единого намека на какой-либо «переходный возраст» равно у Христа и у античных богов и героев, в какие бы века их ни рисовали и ни ваяли.

Смена фамилии с Ульянова на Ленина в национальном аспекте полностью нейтральна. Первая имеет как бы более народный оттенок, вторая же в ехидных интеллигентских фантазиях вполне способна вызвать картинку, как ее носитель «соображает на троих» с героями русской литературной классики – Онегиным и Печориным. Однако к антуражу политической борьбы псевдоним подошел куда лучше. Прежде всего потому, что имеет всего два слога и звучит не в пример энергичнее. В старой России не только поэты, но и любой прилежный выпускник классической гимназии хорошо знал, в чем превосходство хоря над амфибрахией этим стихотворным размером соответствуют метрические единицы

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «Ленин» и «Ульянов». Кроме того, псевдоним гораздо удобнее для образования производных слов. «Ленинец», «ленинизм» (по метрике соответственно дактиль и анапест) – почти столь же ударно, а на «ульяновизме» (пеон четвертый, для русской поэзии совершенно выморочная стопа) язык сломается, разве что обернуть в родимую «ульяновшину» или «ульяновство». Но первый набор русских суффиксов чаще всего придает словам негативную окраску, да и второй небезупречен в этом смысле. Впрочем, Ленин мог бы остановиться и на какой-нибудь другой из своих партийных кличек – например, на созвучном Тулине или ямбическом Ильине. Здесь, как и в случае со словом «большевики», достаточно случайный выбор обернулся политической удачей.

После краха коммунизма история с «национальным вопросом» получила продолжение. Вождя не только свергли с пьедестала, но фактически лишили доминантной, что бы ни воображал при жизни он сам, этничности. Теперь «разоблаченные» еврейские предки для многих служат доказательством его исконной чуждости национальным интересам русского народа. Странно, однако, что известные эпизоды сотрудничества Ленина с германским генштабом никто как будто не связывает с немецкой линией в его происхождении. Впрочем, у историка Дмитрия Волкогонова можно найти утверждение, что гитлеровский военачальник Модель, начавший свою карьеру как раз в годы Первой мировой, приходился дальним родственником Ильичу [Волкогонов, 1994, т.1: 52].

Иноплеменники правили Россией не только в советскую эпоху. «Стопроцентно русскими» по происхождению можно признать, пожалуй, некоторых поздних Рюриковичей да первых Романовых. Петр Великий был последним «этническим туземцем», а завершивший династию Николай Второй имел менее одного процента русской крови. Ленин со своим генетическим интернационалом вполне органично встраивается в этот ряд. Скорее, появление в верхах российской политики Маленкова, Черненко, а затем Горбачева, Ельцина, наконец, Путина с Медведевым – можно было бы считать отклонением от тысячелетней нормы. Впрочем, не факт, что до краха Российскую империю, а затем СССР довели именно правители-инородцы.

«Дэдаас швилико»

Сталинская ономастика и наиболее закрыта, и в то же время наиболее логична в своем развитии. За долгий срок правления он смог безупречно подогнать автобиографию под миссию, назначенную самому себе.

Еще при жизни Сталина были известны его сверстники, от которых можно было узнать кое-что о родословной большевистского царя, начиная с прадеда по отцовской линии. Его единственный дядя по этой линии погиб молодым, скорее всего, неженатым. Все братья Иосифа умерли в младенчестве. Но больше – словно никого и ничего, что выглядит довольно странно для кавказских изводов, обыкновенно обширных и прихотливо разветвленных. Когда Сталин правил страной, под его крыло перебрались многие родственники, но все по линии жен, особенно первой, Екатерины Сванидзе. С его же стороны – ни один. Этот факт неизбежно провоцирует психологические теории и гипотезы насчет одиночества с детских лет, когда даже чувств и навыков родственного коллективизма негде обрести.

Подобное «обрубание концов», обычное для спецслужб и преступного мира, поразительно у публичного политика, тем более лидера мировой державы. Это, в частности, дает случай тем противникам Сталина, что свихнулись на поисках «еврейского следа», записать и Иосифа Виссарионовича в агенты сионизма. Якобы Джуга по-грузински – еврей, ну а «швили» в отличие от «дзе», «ва» и так далее – это суффикс (?!), который дается только инородцам, так или иначе ассимилированным в Грузии. Даже имена Иосиф и Виссарион, с точки зрения этой просвещенной компании, «не похожи на грузинские». Вот как раз последнее – сущая правда: у грузин они звучат «иосэб» и «бэсарин». Все остальное – дурацкие фантазии. Слово «джуга» не только не подразумевает еврея, но вообще не грузинское, хотя тамошние гуманитарии согласны, что оно могло употребляться в очень древние времена. Однако что оно значило, толком не объяснил никто (при этом одна из этимологических догадок примечательным образом связывается со «сталью»).

Зато в осетинском есть существительное дзуг, означающее стадо или отару. На кударском диалекте – в тех краях, где Цхинвал, а совсем рядом и Гори, оно произносится «джуг». Фамилии, образованные от этой основы, весьма

Имеется, впрочем, и «армянская», и «княжеская», и немало других версий происхождения Сталина. По самой причудливой из них, Сосо мог оказаться незаконным сыном знаменитого путешественника Николая Пржевальского, который якобы побывал однажды в Гори, там познакомился с Екатериной Джугашвили, подрабатывавшей в гостиничных прислугах, и даже посылал ей деньги после отъезда. Хронология у апокрифа вроде как убедительная, и портретное сходство двух мужчин бросается в глаза. Правда, ни один сколько-нибудь авторитетный источник эту легенду не подтверждает, вдобавок некоторые прямо указывают, что закоренелый холостяк и странник Пржевальский вовсе не интересовался женским полом, а исключительно молодыми ординарцами...

Любопытно, однако, что Сталин, уже сделавшись всесильным вождем, как будто нисколько не старался пресечь даже самые нелепые слухи о своем кровном родстве. Можно предположить, что в душе ему даже больше импонировало считаться тайным потомком местного князя или смоленского дворянина с польской (на самом деле – ополяченной украинской) фамилией, чем сыном безвестного сапожника. Именно безвестного – вплоть до того, что в своей канонической автобиографии Сталин почти ничего не сообщил о человеке, давшем ему первую фамилию. Сегодня мы знаем приблизительную дату и месту рождения Бесо Джугашвили, имеем кое-какие представления о его отце и старшем брате, но вынуждены лишь догадываться, как жил он сам, когда и отчего скончался (даже даты смерти сообщаются разные). По одним данным, он умер в больнице, по другим – был зарезан во время пьяной драки в духане. Вдобавок у одних биографов можно почерпнуть сведения, будто Бесо не умел читать и писать даже на родном языке, пил горькую и нещадно избивал сына-младенца – единственного выжившего из троих (или четверых: тут тоже расхождения). Другие же утверждают, что Джугашвили-старший был вполне благопристойным, хоть и неудачливым представителем, как выражаются сейчас, малого бизнеса; что кроме грузинского он знал русский и еще тьму языков Кавказа, любил декламировать наизусть поэму «Витязь в тигровой шкуре». Но если вдруг простой сапожник и так умничает – не иначе, впрямь еврей?

Скорее всего, здесь мы имеем дело с сознательным выстраиванием все того же богочеловеческого мифа, только в другой аранжировке, которая предписывает сверхприродной сущности отрешиться от порочащих связей со всем земным. Виссарион Джугашвили, таким образом, превратился в еще одну бесплотную «пьесу для механического пианино» с вариациями на тему святого Иосифа, бывшего лишь номинальным родителем. Хотя в реальности это имя досталось не сапожнику, а как раз его всемогущему сыну, и оказалось более чем судьбоносным. Ведь Иосиф из книги Бытия, поначалу отвергнутый единокровными братьями и превращенный в жалкого раба, благодаря своим необычайным достоинствам выбился в главные распорядители всех богатств великого Египта! Но Сталину его собственное имя, похоже, не нравилось. То ли даже такой выдающийся «омен» он считал для себя слишком мелким, то ли прозвище того Иосифа – Прекрасный – подсознательно раздражало невзрачного рябого семинариста; а может, причиной была незавидная роль другого Иосифа, евангельского плотника.

Все же Сталин помнил товарищей своего детства и вполне дружелюбно относился к некоторым из них, следовательно, общие воспоминания вряд ли могли быть чересчур тягостными. Да и было это детство скорее захудалого мещанина, чем совсем уж обездоленного пролетария: во всяком случае, работать с малолетства Сосо не пришлось – учился, играл со сверстниками, мечтал сочинить великие стихи... Несомненно, он был в определенном смысле дэдашвилико: в традиционном грузинском миропонимании скорее «маминым ребенком», нежели маменькиным сынком. Это Кеке из последних сил тянула его вверх – к образованию, вопреки противодействию (судя по всему, далеко не зверскому) со стороны отца, желавшего передать отпрыску свою профессию [Сталин, 1946]. [2 – любопытна, однако, характерная деталь в изысканиях доморощенных психоаналитиков, приписывающих отцовскому влиянию особое пристрастие Сталина к сапогам, которые он, как известно, предпочитал любой другой обуви: лишь считанные портреты запечатлели вождя в ботинках, да и то при парадной форме генералиссимуса. С этой версией возможно согласиться постольку, поскольку в грузинском, как и в русском (в отличие от ряда других языков) слова, обозначающие мастера по шитью и ремонту обуви и саму обувь с высокими голенищами, являются однокоренными.]

Созревшему Сталину, однако, пришлось ради мифа об особой миссии отбросить и эту память. Не знать своего и своих, быть другим, неведомо кем (кстати, в

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
одном из родственных русскому языков смешное, по здешним понятиям, выражение «быть кем-то» и означает дословно: стать знаменитостью, выбиться наверх).

Известно, что его сын Василий как-то раз принялся объяснять младшей сестренке тайны их общего происхождения следующим образом: «Раньше наш папа был грузин»... Окончательный выбор партийной клички решай сразу две задачи большевика Джугашвили. Во-первых, он избавлялся – пусть не во внешности, но хотя бы на бумаге – от слишком очевидного этнического колорита, тем самым делая первый шаг к полной смене своего естества. Во-вторых, псевдоним должен был подчеркивать особые качества его носителя: мужество, твердость и даже, так сказать, пролетарскую индустриальную жилку. Сталин, Каменев, Молотов – все это типичные «говорящие имена».

Выходит, в жизни Ленина и Сталина материнская любовь сыграла, у каждого по-своему, одинаково важную роль. И у обоих плоды этой любви трансформировались в абсолютный эгоцентризм!

Одесса-мама

Истоки Троцкого, начала его биографии изучены меньше, чем происхождение Ленина и Сталина. Да и было оно вроде бы наиболее прозрачным из всех – как есть «умный еврей». Но по-своему тоже неординарным.

Если, например, Каменев (Розенфельд) и Зиновьев (Апфельбаум) после революции нигде не использовали своих настоящих фамилий; можно сказать, от них «открестились», да и в имена-отчества внесли немалую путаницу, то Лев Давидович Бронштейн представлялся ею довольно часто. Еврейского происхождения он не только не стеснялся, но иногда публично упоминал о нем, как о факторе, существенном для принятия политических решений. Псевдоним Троцкий – попросту имя из чужого паспорта, то ли украденного молодым революционером, то ли подаренного ему дальним родственником (большинство источников, однако, сходится в том, что законный обладатель документа служил надзирателем в тюрьме). Фамилия достаточно нейтральная, по всей очевидности, одного корня с городом Троки Виленской губернии, ныне Тракай. Ее в принципе мог носить и поляк, и ополяченный или обрусевший литовец, и особенно белорус; единственный «намек» можно усмотреть в том, что Виленщина, как почти все западные области Российской империи, входила в черту оседлости и имела множество еврейских местечек.

Между тем Лева Бронштейн родился и провел первые годы жизни вовсе не в местечке, а на хуторе в окрестностях Елисаветграда (нынешний Кировоград, областной центр Украины) [Троцкий, 1991]. Его отца по современным меркам можно счесть фермером средней руки, что весьма необычно для еврейской судьбы в России того времени. Евреи-колонисты были феноменом, встречавшимся фактически лишь в Новороссии; сесть и вести хозяйство на тамошних свободных землях им дозволил Николай Первый, когда этот край, еще сравнительно мало освоенный, остро нуждался в стимулах к развитию, в частности, в притоке предприимчивых мигрантов из внутренних областей. Семья Бронштейнов была большой, как у Ульяновых: Лева родился в ней пятым, предпоследним ребенком (правда, выжили, как и у Джугашвили, не все, но большинство). Со временем ее глава зарабатывал все лучше и даже основательно разбогател. Второе поколение среднего класса – очевидная параллель с Лениным, чей родитель собственным трудом и умом вышел из разночинцев в потомственные дворяне, заслужив чин штатского генерала. И политическая карьера Льва Давидовича задалась с первых шагов, так что у него почвы для комплексов неполноценности или Эдипа явно не было. При этом мать Троцкого Анетта Львовна, в девичестве Животовская, в его жизни играла вряд ли меньшую роль, чем бывает в большинстве семейств евреев-ашкенази.

Как и Ульяновы, Бронштейны жили в прилично обустроенном собственном доме, где имелся даже клавесин. При этом сельскую жизнь во всех подробностях Троцкий явно знал куда лучше, чем подавляющее большинство его соратников по партийному руководству, поскольку в детстве и юности непосредственно к ней прикоснулся. Сам он вспоминал о сочувствии, которое испытывал к наемным работникам отца, объясняя этим свою обостренную тягу к социальной справедливости. Трудно сказать, насколько точны «командирские» воспоминания. Ясно, однако, что с пролетариатом в марксовом понимании этого слова ни один из трех будущих вождей не был связан точно так же, как и с

Небезынтересно также то, что Анетта Львовна имела тесные семейные связи с Одессой; там Лева учился и воспитывался почти десять лет. Известно высказывание молодого Троцкого: «Одесса похожа на Париж, но только лучше».

Сегодня немногие знают, что Одесса в конце XIX – начале XX века была одним из важнейших городов империи: четвертым по величине после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы. Даже Киев вплоть до последних предвоенных лет существенно уступал ей по численности населения, да и по своему культурному и экономическому значению. А если вспомнить, что это был главный порт на всем Черном море (до чьих берегов Стамбул тогда еще не успел дошагать от своей босфорской теснины), то становится понятно, почему весь следующий век выходцы из этого города составляли самую активную часть российско-советской интеллектуальной и артистической элиты.

Это в поздние советские годы Одессе стали навязывать роль рассадника всяческого еврейства, по сути, местечка гигантских размеров, а при царях, да и еще долгое время спустя она выглядела куда интересней. Город, заложенный в 1794 году, строился по европейским образцам. Основатели – адмирал Осип Дерибас, урожденный неаполитанец, выдающийся военный инженер Франц Деволан из Антверпена, градоначальник герцог де Ришелье, родственник знаменитого кардинала в шестом колене, и другие задумали его не только как крупный центр международной торговли, но и как очаг науки, просвещения и культуры на южных окраинах, только что окончательно присоединенных к Российской империи. Не случайно уже в 1809 году в Одессе открылся первый городской театр, который в следующем веке с энтузиазмом посещал юный Бронштейн, большой любитель оперы; а в середине 1820-х – Ришельевский лицей, будущий Новороссийский университет. Здесь блистали звезды европейской оперы Адельaida Ринальди и Анжелика Каталани, Джузеппе Марини и Аделина Патти. В 1847 году в Одессе дал шесть концертов Ференц Лист. В музыкальной культуре следующего столетия она славится как город, подаривший миру Давида Ойстраха, Эмиля Гилельса, Святослава Рихтера. В Одессе начинали художники Иван Айвазовский и Василий Кандинский; ей посвящены тысячи литературных сюжетов, от Пушкина до Рабиновича (того из них, что стал известен под именем Шолом-Алейхем)...

Итак, жизненный путь будущего политика начался не в привычной евреям тесноте и изоляции, а в атмосфере уникального смешения этносов и культур с отчетливым влиянием заграницы: не только соседних, столь же «местечковых» в ту пору Греции, Румынии и Болгарии, но всего Средиземноморья, а также франко-германского мира. И этот путь тоже вполне укладывается в библейский контекст – в части, где говорится о превращении Савла в Павла. Только в случае Льва Давидовича «смена знаков» жупела правоверной общины на ее духовного наставника свершилась в обратном порядке. Однако он, подобно апостолу Павлу, имел решающие заслуги в строительстве большевистской конгрегации, будучи автором важнейших «посланий». И смерть его оказалась столь же трагична. Впрочем, не станем забегать вперед.

Их университеты

Попытаемся оценить уровень познаний, приобретенных каждым из троицы, и их культурные влечения.

Володя Ульянов с отличием закончил классическую гимназию, где образование имело изначально гуманитарную ориентацию, но давало достаточно широкий круг знаний и по ряду других предметов. Самая ясная картина с иностранными языками: независимо от того, что проходили в гимназии (три основных европейских плюс начала латыни и древнегреческого), он при бабке и матери немках должен был с детства владеть германской речью. Проведя полтора десятка лет за границей, наверняка довел эти навыки до автоматизма; весьма неплохо знал, надо думать, и французский, по-английски же в основном читал прессу. Но, что любопытно, в Полном собрании сочинений нет ни одного оригинала текстов, писавшихся вождем не по-русски, хотя при некоторых даны примечания, что это перевод.

По физике с математикой Володя также имел отличные оценки, хотя бы потому, что отец в них специализировался смолоду, но никакими глубинными озарениями по этой части, кроме «неисчерпаемости атома», Ленин даже в официальной

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org мифологии не отметился. Помимо всего прочего, к сыну большого начальника учителя вряд ли могли сильно придирааться, даже если он не нравился кому.

Судя по дальнейшему, Владимир Ульянов хоть и вышел из гимназии с медалью, но особой любознательностью и эрудицией даже в гуманитарных сферах не отличился. Серебряный век русской культуры и Золотой век философии вообще словно бы прошли мимо него. Знаменитое словечко «белибердяевщина», придуманное оппонентом никак не меньшей, чем сам Бердяев, профессиональной мерки – феноменологом Густавом Шпетом, вполне могло бы принадлежать и Ленину, чьи заслуги перед мировой философией не в пример скромней. Ну ладно, провел человек добрую половину взрослой жизни за границей, с родной духовной культурой соприкасался мало. Но он ведь и западной почти не интересовался: жил в Париже, художественной столице мира, а ни театр, ни живопись его не увлекли. Разве что Бетховена слушать любил.

О характере человека говорит не только то, что достоверно известно публике, но и то, чего о нем не смог узнать никто. Так, архитектуру Ленин явно игнорировал: столько лет прожил в Европе, сохранилось множество его писем отсюда – и ни в одном никаких эстетических впечатлений от Франции, Германии и других стран с богатейшей культурной историей. Это тоже показатель.

Если заглянуть, к примеру, в сочинения Пушкина, то на одну библейскую реминисценцию обнаружится десяток из эллинско-римской античности. У Ильича ничего подобного: он и идейную историю того же христианства не помнил никогда! В советское время иногда писали, что у юного Ульянова были проблемы с гимназическим Законом Божьим. И в этом Ленин оказался, по всей очевидности, верным последователем Бакунина, который писал: «Христа надо было бы посадить в тюрьму как лентяя и бродягу»; «Одна лишь социальная революция будет обладать силой закрыть в одно и то же время и все кабаки, и все церкви» [Бердяев, 1990: 56].

Человек, выросший в православной стране, абсолютно не понимал и не принимал ее религии, оттого все экзистенциальные поиски великой литературы для него были чем-то вроде «духовной сивухи». Порой одно лишь случайное упоминание «боженьки» в разговоре приводило Ленина в ярость на грани истерики. Да только отечественная интеллигенция хоть и отвергала в большинстве своем казенную церковность, однако найти сколько-нибудь заметную творческую личность, у которой подобное отношение распространялось бы на Христа – задача не из простых. Исключения были редки даже среди революционеров. Самые ранние, декабристы, шли на эшафот, перекрестившись. Белинский, один из первых убежденных социалистов, писал Гоголю: «...но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какой-нибудь, а тем более православной церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» [Белинский, 1967: 515]. С наибольшей четкостью и лаконизмом эту позицию выразил народоволец Андрей Желябов, участник убийства Александра Второго: «Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса соцреализма Максим Горький: «Христос – бессмертная идея милосердия и человечности» [Горький, 1990: 87]. Для Ленина ничего этого словно бы не существовало.

Можно, конечно, заметить, что основные писательские опыты вождя должны были служить руководством к действию для малообразованных масс простого народа. Но эта публика и Салтыковым-Щедриным вряд ли зачитывалась, а цитат из произведений сатирика у Ленина огромное количество – наверное, больше, чем из всей остальной русской классики. Еще он особенно часто и охотно цитировал произведения Гоголя, Некрасова и роман Гончарова «Обломов». Иными словами, все то, что с максимальной легкостью и простотой удавалось пристроить к обличению правящего режима и его прогнивших классовых опор. Горький утверждал, что Ленин любил «Войну и мир». Однако в Толстом вождь разглядел «мужика, юродствующего во Христе», – и как это он, интересно, дошел до мысли такой? А вот Чернышевский его, наоборот, «глубоко перепыхал». Из литературных пристрастий становится понятен уровень эстетического восприятия действительности. Скромно говоря, не ошеломляющий высотами.

Скупые сведения о дальнейшей учебе будущего руководителя страны по окончании гимназии позволяют сделать вывод, что систематического высшего образования он так и не получил. В Казанском университете не продержался и семестра; после долгого писания прошений добился возможности сдать экзамены

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org экстерном. Испытаний назначили немного, и за год Ульянов с ними справился. Правда, непонятно, что же за юрист из него вышел, если сдал всего два семестра? Как бы то ни было, последующая деятельность Ульянова-Ленина показала, что право он не воспринимал ни как социальный феномен, ни как науку. Основопологающие понятия: частная собственность, презумпция невиновности, естественные и приобретаемые права человека – были ему абсолютно чужды.

Таким образом, все, что мы можем узнать о духовной культуре Ленина (точнее, то, что в ней не проявило себя никак), выдает в «пламенном революционере» неглубокую натуру типичного филистера, консервативного в одних отношениях, сознательно невежественного в других.

У юного Бронштейна возможности жизненного старта были вроде бы скромней, но не так уж намного. Правда, еврейское происхождение помешало поступить в гимназию, куда его собирались отправить родители; связанные с этим обстоятельства вынудили в последний год учебы перевестись в Николаев. Вот уже первая причина не питать симпатий к империи, в которой выпало родиться – и там же начало революционной деятельности.

Свое основное образование он получал в Одессе в заведении иного типа – в реальном училище. По своему фактическому статусу и уровню подготовки они мало отличались от гимназий, только в училищах основной упор делался не на гуманитарные, а на естественные и технические предметы. Соответственно, «классики» имели преимущество при поступлении в университеты, «реалистам» было и проще, и логичнее продолжать учебу в политехнических высших школах. Так сложилось, что среди воспитанников и преподавателей одесского училища Св. Павла преобладали немцы; они вообще охотней всех других в России шли по инженерной части. Но не только немецкий, а любые иностранные языки (мертвые, в отличие от гимназии, не входили в школьный курс) там вели природные носители. Нравы, по воспоминаниям Троцкого, были в общем терпимые, хотя случались конфликты, один из которых и привел его в самую первую, николаевскую «ссылку». Но честолюбие и способности влекли юного Бронштейна вперед и выше: все, что мог, он взял от учебы за семь лет. Иногда можно встретить утверждения, что в эмиграции Троцкий посещал и даже закончил Венский университет.

Несомненно, во всяком случае, то, что в конце 1890-х он яростно занимался самообразованием. А оно, сдается, у евреев, чей народ был веками отлучен от любых государственных школ в большинстве стран, по одной этой исторической причине сплошь и рядом приносит столь впечатляющие плоды, каких лишь единицы из «чисто коренных» сумели бы достичь домашними средствами. Лев прочел массу литературы, используя школьное знание французского и немецкого, выучил еще английский и итальянский, пробовал даже написать капитальный труд сразу «о сущности масонства» (ох, припомнят потом ему эту сторону юношеской любознательности заодно с названными особенностями а идиш коп – точнее бы сказать. *Judenkopf*, поскольку идишу в той голове как раз места не нашлось) и «о материалистическом понимании истории»...

У Сосо Джугашвили, несмотря на православное исповедание, были свои трудности. В 1886 году мальчик из бедной семьи, но с неплохими задатками попытался было поступить в Горийское духовное училище. И потерпел фиаско – только потому, что обучение там велось на русском языке, которого он почти не знал. Но уже через два года овладел им настолько, что его приняли сразу во второй подготовительный класс, а затем и в училище. Преданная мать сумела выхлопотать казенную стипендию для вдовьего сына.

В 1894 году Иосиф Джугашвили с отличием закончил четырехлетний курс училища и был рекомендован для поступления в Тифлисскую духовную семинарию. В ее стенах и прошли следующие пять лет. Екатерина к тому времени, видно, тоже «получила повышение»: она, как пишут современные авторы, уже не прачка, а портниха, то есть опять-таки имеет свой маленький бизнес. И хотя в семинарском общежитии условия совсем не те, что в имении или усадьбе, все же Иосифу не приходилось подрабатывать самому, а как будущий духовный пастырь он мог рассчитывать, что после рукоположения займет не самое последнее место под солнцем империи.

Однако, по собственным воспоминаниям Сталина, вот с какой ситуацией он столкнулся в одном из немногочисленных и лучших по тем временам учебных заведений Закавказья – и, что называется, нырнул в нее сразу с головой. «Тифлисская православная семинария являлась тогда рассадником всякого рода

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org освободительных идей среди молодежи, как народническо-националистических, так и марксистско-интернационалистических; она была полна различными тайными кружками».

Николай Бердяев, будучи религиозным философом, рассматривал проблему вглубь: «Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу... Ряды разночинной «левой» интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинаристской молодежи... назревал бурный протест против упадочнического православия 19-го века, против безобразия духовного быта, против обскурантистской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться, естественно по-русски – экстремистски. Вместе с тем нормальный юношеский максимализм превращал христианские установки в жажду социальной правды» [Бердяев, 1990: 40].

Из воспитанников богоспасаемого заведения в центре Тифлиса, ставших революционерами, наряду со Сталиным и более многих других известен, например, дворянин Кутаисской губернии Ной Жордания, один из отцов-основателей современного грузинского государства в пору его первой краткой независимости (1918–1921). Только Жордания на «раскольническом» втором съезде РСДРП в 1903 году сделал политически неудачный выбор: примкнул не к большевикам, а к меньшевикам. И во время первой революции выступал против вооруженного восстания, за легальную рабочую партию. А раз меньшевик, значит – «мокрица вялая» (так потом выбранит все тбилисское правительство социал-демократов Исаак Бабель в путевых заметках из Абхазии); следовательно, и свободу своей страны Жордания был обречен проиграть.

Часто об исходном образовании Сталина отзываются пренебрежительно – мол семинарист, да еще недоучка. Между тем в духовных семинариях учились реформатор времен первого Александра Михаил Сперанский, литераторы-демократы Чернышевский, Добролюбов и другие видные люди того века, которых можно многим попрекнуть, но вот в невежестве их никто никогда не обвинял. Прикинем: начиная с училища первой ступени, молодой человек в течение десяти лет постигал основы вероучения и различные гуманитарные предметы. Даже одно только Священное писание само по себе – литература отнюдь не бесполезная. А кроме него есть еще и специальные, и общеобразовательные дисциплины: библейская история, история Церкви, русская словесность и русская литература, русская и всеобщая история, физика, математика, логика, психология, литургия, церковное пение.

Хуже всего, как известно, у вождя дело обстояло с иностранной речью. Видимо, потому, что в семинарии учили по преимуществу мертвым языкам. Латынь, конечно, дает немало важных ключей, в меньшей степени – древнегреческий, а иврит тогда еще нигде не стал государственным языком, на нем лишь читали Тору и молились иудеи. Да ведь Сталину и такие скромные познания очень долго применять было негде: за границей он, в отличие от Ленина и Троцкого, не жил годами. Между тем даже неполный аттестат давал Иосифу Джугашвили право преподавания в начальной школе. Это означает, что за ним, смутьяном неблагодарным, церковные и светские власти признали социальный статус интеллигента. С таким указанием его фамилию и вносили в полицейские досье.

Безусловно, характер образования Сталина отразился на его манере поведения и особенно на сочинениях – общий стиль катехизиса, бесконечные риторические вопросы. Более того, по похожему образцам оформляется при нем и вся марксистско-ленинская пропаганда, обращаясь к схоластическим приемам, отточенным церковью за полтора тысячелетия. При этом в сталинских текстах практически отсутствуют упоминания библейских персонажей, поговорки, афоризмы, пришедшие из Священного писания, но отдельные формулы используются.

По мере успехов Сталина в борьбе с оппозицией антирелигиозная пропаганда постепенно умеряет пыл, начиная с середины 1930-х. Правда, поначалу это затрагивало сущие мелочи, вроде возвращения невинных новогодних елочек в 1935 году. И к церкви Сталин стал «поворачивать лицо» не в самый опасный период Великой Отечественной, как принято считать, а значительно раньше. Еще в 1929 году, отвечая в газете на поздравления трудящихся по случаю дня

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org рождения, он выражается с явными библейскими аллюзиями: «Ваши поздравления и приветствия отношу за счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию» [Волкогон, 1994, т. 2: 123]. Христианское обращение «Братья и сестры», которым Сталин начал свое первое публичное выступление в дни войны, тоже, надо полагать, давно назревало в его сознании.

И здесь также возможна некая «авраамическая» аналогия, только в случае с верой Джугашвили – не параллель, а полный перпендикуляр. Можно вспомнить Булгакова, определенно связывавшего свой образ Воланда именно с фигурой Сталина. Великое Зло, однако же, может по своей прихоти спасти людей достойных от мелкой, но смертоносной пакости (как и получилось, правда, ненадолго, в случае самого писателя); выходит, эта сила «Творит добро, всему желая зла». Но тут же рядом вспоминается и Великий инквизитор Достоевского: изначальный служитель добра, возжелавший присвоить себе одному и всю правду Христа, и в конечном счете Его Самого...

Классическая гимназия, реальное училище, семинария – те «университеты», где сформировались умы будущих вождей революции. Стартовые позиции, как видим, были более-менее схожи, и качество подготовки существенно не отличалось. По всем показателям – весьма добротный уровень среднего образования. Но Ленин, похоже, умственно так и застыл на этой отметке, а вот Троцкий и Сталин наращивали, как смогли, дальнейший потенциал. Возможно, разница обусловлена еще и тем, что Сосо Джугашвили и Лева Бронштейн с ранних лет жили самостоятельно, вдали от родителей и утверждались в коллективе сверстников собственными силами.

Одним словом, в детстве и юности троих представителей тогдашнего среднего класса из всех его трех слоев – сверху донизу – почти ничего экстремального не обнаруживается, за вычетом семейной трагедии Ульяновых. Но и там эмоции могли бы сгладиться без моря крови. Что же позволило именно этой троице возглавить вселенскую резню?

Глава 3

Ленин вошел в движение, как персонификация воли к революции. и он изучал марксизм, изучал развитие капитализма и развитие социализма под углом зрения его революционного значения. Плеханов был революционером, но Плеханов не был человеком воли, и при громадном его значении, как учителя русской революции, он был в состоянии учить ее только алгебре, а не арифметике революции... В этом пункте лежит переход от Ленина-теоретика к Ленину- политику.

К. Радек

четыре действия воли

За всю историю России ее властей предрержавших не любил почти никто из подданных. Почти никогда. Если же случалось, что большинство искренне желало поверить в «хорошего царя», тем яростней были плевки в сторону «бояр» – каковые, конечно, всякий раз оказывались хуже некуда. Порой, как в годы Большого террора, это приводило к самым немыслимым и трагическим сшибкам – как сейчас модно выражаться, когнитивным диссонансам – в индивидуальном и массовом сознании.

Но в любые времена лишь очень немногие личности были готовы пройти путь отторжения правящего режима до самого конца. Будь этим пределом открытый словесный протест («Соблюдайте вашу Конституцию!»), как у диссидентов при «вегетарианских» застойных генсеках, или нынешние марши несогласных. Либо революционная агитация, заговоры и террор – при царях. Надо думать, и психологические качества, необходимые для этих поступков, различаются в разных исторических условиях...

Владимир Ульянов, Лев Бронштейн и Иосиф Джугашвили одинаково начали свою взрослую жизнь с отказа от нормальной для их социальных слоев карьеры: образование, профессиональный и служебный рост, а уж затем, если заблагорассудится – занятия политической. Впрочем, и с нормальной, в

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org европейском понимании, политикой в подмороженном миротворцами-бедоносцами государстве обстояло примерно так же, как сто с лишним лет спустя: ее почти целиком подменили придворные интриги, бесконечные провокации штатной и внештатной охраны и слепоглухонемое брожение низов.

Общий алгоритм формирования профессионального революционера: кружок неравнодушных, ведущих между собой горячие споры о политике, экономике и о возможностях развития общества. Затем попытки повлиять на эти материи, подтолкнув движение в желательную сторону – участие в совместных, сплошь и рядом рискованных, делах в группе единомышленников. Закономерный итог: ссылки и тюрьма для экстремистов, подло оскорбивших священную нашу державу, которая лучше их, вместе взятых, «знает, как надо». На каждом этапе, само собой, отсеиваются осторожные и нерешительные, более других склонные к конформизму.

Согласно жизнеописанию Чингисхана, составленному учеными китайцами, средневековые кочевники-степняки звали своих вождей людьми длинной воли. У нашей троицы эта штука оказалась и длинней, и тверже, чем у множества соратников. Пройдя все три стадии, Ульянов стал поначалу «Ильиным», Бронштейн заявил о себе как о «Львове», Джугашвили же еще в тот ранний момент сделал самый прицельный выбор из всех. Он взял себе псевдоним Коба – в честь реальной фигуры, отметившейся в истории Грузии (если опять же судить по европейским меркам) как замысловатая смесь Робина Гуда с бароном-разбойником. Вопреки любым модернистским теориям насчет «сияющих вершин», исконный темный смысл обряда современной инициации, несомненно, тот же, что в глубокой архаике: смерть-роды, превращение зеленого юнца в полноправного члена воинского братства с обязательной сменой имени, а стало быть, и самой сущности человека.

В политической биографии Ленина, точь-в-точь как в его канонической иконографии, налицо всего лишь два, так сказать, агрегатных состояния. Только здесь, в отличие от официальных портретов, никаких переходных этапов не то что нельзя представить умозрительно, исходя из всеобщих законов развития, но и невозможно зафиксировать традиционными средствами исторической науки. Какими бы доводами ни сыпали его покойные и ныне здравствующие поклонники, факт, что вплоть до поздней осени 1917 года Ленин был лишь одним в сонме конспираторов, без особого успеха пытавшихся раздуть из искры пламя. А в последнее пятилетие жизни он непрерывно побеждал то одного, то другого сильнеешего противника, правил шестой частью земного шара, получил венец нового марксистского пророка и большевистского царя, в конце концов – даже подменил своей персоной божественного Отца. Случись Владимиру Ильичу помереть от какой-нибудь ничтожной хвори или попасть под омнибус году, скажем, в 1916-м – так скорей всего, ни одно из его имен не сохранилось бы в памяти человечества. Даже в истории партии действительно важных событий, в которых он к тому времени сыграл ключевую роль, раз-два и обчелся: разве что организация и проведение Второго, фактически учредительного съезда РСДРП в 1903 году. После уже и время – точнее, любой месяц и каждый день без признаков вождя революции – не приносит Ульянову-Ленину заметных дивидендов, и Родина не слышит, не знает одного из пропащих своих сыновей, затерявшихся слишком давно и далеко.

А затем, фактически без следа какой-либо «раскачки», Ленин врывается в плеяду лидеров российского общества, в кратчайший срок становится политиком мирового класса, одним из «сопродюсеров» человеческой цивилизации, какой она сложилась к нашим дням. Пятилетка на пике борьбы и власти превзошла на много порядков по масштабу достигнутого все предыдущие три десятка лет... как бы сказать поточней – наверное, все-таки не мышинной, но скорее, хорьковой возни. Секрет чудодейственного преображения маргинала в сакрального вождя не раскрыт до сих пор. Правда, те же китайские мудрецы что-то там толкуют о божественной соразмерности вещей. Может ведь стать и так, что в личности Ленина особых загадок не было и нет (к тому, собственно, наши соображения в первых главах), а на самом деле большевистского царя «сыграла свита» в лице 170-миллионного народа. Слепила в точности под стать своим заветным ожиданиям – всему ничтожному, великому и ужасному, что только могло народиться и умереть в этой толще.

В «арифметике революции», о которой писал Карл Радек, – те же четыре простейших действия. Сложение малых сил для решения грандиозной задачи. Вычитание, сиречь организационно-политическая, а то и физическая редукция растущего в дурную бесконечность контингента разных «меньшевиков» и вообще любого, «кто не верит в победу сознательных, смелых рабочих», а значит,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «ведет двойную игру» (как настроил в 1905 году все тот же раззудевшийся К. Бальмонт). Умножение социальной и духовной энтропии, проще говоря, хаоса во всех структурах общества, чтоб легче стряхнуть с вершины засидевшуюся власть. И когда наконец та скатится бездыханной к ногам победителей, – долгожданное деление. Кому-то малую толику господского добра, а кому – те самые командные высоты, что позволят вот такими же невеликими силами вновь и вновь вычитать у отнявших. Чтобы дальше делить уже переделенное, складывая по трагикомично недолгим, в перспективе истории, «ящикам» – отдельным сегментам вертикали. Умножая то хозяйственные, то политические капиталы, которые при такой математике неизменно будут эфемерными...

Увы, – как подметил по довольно схожему поводу один современный экономист, – умение делить неравнозначно умению считать. Впрочем, это у русских революций оно так. Да еще в Третьем мире, где битых полвека чуть не каждый племенной вождь, задумавший скушать печенку соперника, тем паче «выгнать из страны империалистов» (если таковые слишком мешали совершенствоваться в арифметике), давал понять, что вдохновлен не чем иным, как примером первых состоявшихся могильщиков буржуазии. И действительно, орудовал простейшими числами сплошь и рядом на их манер. А те ему в качестве личных бонусов еще вкусенького прибавляли, безбожно обсчитывая русских, украинских, таджикских деток... Подбрасывают даже и сейчас, из последних кризисных сил полуживой державы – несколькими кацикам, что сумели особенно звучно испортить воздух в непримиримой общей борьбе с наспех подмалеванным давнишним жупелом.

Сдается, только на проклятом Западе тамошние насквозь обуржуазившиеся мятежники удосуживались, как правило, выучить еще революционную алгебру. Да и то в давно прошедшие века.

По закону Голливуда

Политическое созревание Троцкого длилось меньше, чем у Ленина, и его первое явление партийному миру выглядело куда ярче. В 23 года он – на Первом съезде, где его воспринимают как самостоятельную и сильную фигуру. Сначала он поддерживает Ленина, потом отвергает его идею партии как жестко централизованной организации. Всего через два года Троцкий взмыл как ракета, став одним из лидеров революции не где-нибудь, а в Петербурге. у совсем молодого человека в патриархальной стране способность заставить себя слушать и вести за собой одной только личной волей, без приказа свыше – несомненный признак харизмы национального уровня. Позже Троцкий сходит с этой орбиты, но перемещается без потерь в другие слои политической атмосферы. Там он тоже заметен, и когда приходит время, моментально снова взлетает ввысь, чтобы с 1917-го творить российскую и мировую историю. Двенадцать лет спустя Троцкий, покинув Советский Союз, все еще продолжает борьбу, много и блестяще пишет. И здесь он, словно удаляющаяся от Земли комета, оставляет яркий след вплоть до своей трагической гибели.

У Сталина гоже «две жизни». Его восхождение к абсолютной власти – долгий, упорный и мучительный труд. Из рядовых подпольщиков, кому от репрессий достается хуже всех, к революционному профессионализму и вхождению в региональную партийную верхушку. Но и там Сталин постоянно терпит лишения, а в конце концов переживает тяжелейший кризис в туруханской ссылке без каких-либо надежд на лучшее. После революции – пять лет на важных ролях в команде, но ох как долго еще быть ему не Отцом народов, а аппаратным манипулятором. И у него, как в случае с Лениным, «второй раздел» политической биографии вроде бы не вытекает непосредственно из первого. Если проделать тот же мысленный эксперимент с ранней смертью, приключившейся до великого перелома – как в реальности было со Свердловым, Фрунзе и многими другими лидерами большевиков, – то придется сделать вывод, что и Сталин тогда попал бы в учебники истории лишь десятком строк.

А он за последние двадцать пять лет из прожитых 73-х превратился в крупнейшую фигуру мировой истории! Масштаб эпохальных деяний Сталина и его чудовищных, немыслимых преступлений против человечества таков, что потомки, вероятно, еще не один век будут ломать головы над вопросом, что же он совершил на самом деле и как ему это удалось. Вроде бы только вчера многим казалось, что спустя полвека после смерти Сталина общество должно приблизиться к некоей «единой», менее эмоциональной и более отстраненной, объективистской точке зрения. Оно и сдвинулось, только не так, как ожидали:

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org мертвый вождь сейчас не просто «гальванизируется» силами продажных телевизионщиков и злобных обожателей в штатском, но «воистину воскрес». Эхо его поступи все отчетливее отдается в массовом сознании и поведении не только российского, но воленс-ноленс многих соседних народов, даже вовсе к нему не расположенных. Влиятельность материализовавшегося призрака, скорее всего, будет дальше только возрастать. Это не обязательно означает полное оправдание сталинизма: просто обществу придется признать Сталина своим историческим отражением, квинтэссенцией русской жизни и ценностей.

Если подытожить краткий обзор революционных биографий в категориях важнейшего, по Ленину, из искусств – кинематографа, то истории трех вождей могут выглядеть примерно так.

Ленин: 15 лет – роли третьего-второго плана: пять лет – главная роль, и еще около 70 в пантеоне «легенд и мифов Голливуда»;

Троцкий: 15 лет – наиболее видная роль второго плана, еще пять лет на центральных ролях, 15 лет – «самый плохой из всей банды плохих парней». Получив в конце долгой схватки заключительный смертельный удар, как положено по сценарным канонам, злодей превращается в привидение, которым выжившие участники драмы пугают детей. За последней строкой титров – полное забвение и попкорн.

Сталин: 15 лет – квалифицированная массовка, что-то вроде каскадерской группы. Пять лет в затемнении в глубине первого плана, но часто упоминается в основных диалогах. Аж тридцать лет – в титульной роли, а в дальнейшем и по сей день функции этого персонажа невиданно разнообразятся. «Эффективный Джо» то держит на себе краткую экспозицию какого-нибудь сюжета, то возникает во флэшбэках, иногда присутствует на планах в виде памятника или же мистическим двойником существа, которое вовсе не должно появиться на подмостках, но непрерывно занимает своей персоной всех действующих лиц. «Эстрагон и Владимир хотят повеситься, но у них нет крепкой веревки. Завтра они принесут веревку, и если Годо снова не придет, повесятся. Они решают разойтись на ночь, чтобы утром вернуться и снова ждать Годо. «Идем», – говорит Владимир. «Да, пошли», – соглашается Эстрагон. Оба не трогаются с места». (Финал пьесы Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» в кратком пересказе, составленном неизвестным автором для Интернета.) Наконец, придуман и такой коронный пиаровский трюк, как посмертная номинация на главную роль в еще не снятом фильме.

А какую «фильму» о собственных приключениях смотрели сами революционеры? Ради чего каменный мешок в равелине и стылая тундра, подвиги нищей маеты или более комфортное и безопасное, но все же таки незавидное прозябание в европейских столицах, в бесконечных коммунальных сваргах с соплеменниками?

Принципиальный ответ на эти вопросы дали еще у истоков движения Бакунин и Нечаев.

Катехизис беспредела

Михаил Бакунин показал, что и один в поле воин, можно в одиночку сразиться с целой системой и если не побеждать, то по крайней мере, выстаивать. Он же задал цель – уничтожение ненавистного государства.

Сергей Нечаев, несмотря на весь «демонизм натуры», о котором охотно вспоминают биографы (будто бы этот тщедушный человечек, сидя в предварительном заключении, одним своим взглядом заставлял лютых церберов носить на волю письма и оказывать ему прочие нелегальные услуги!), оказался, как нынче говорят, типичным лузером, поскольку ничего из своих грандиозных планов осуществить самолично ему не удалось. Кончилось все одноразовым «съедением чижики» – убийством несчастного студента Иванова, первым в России гласным политическим процессом и полным разгромом нечаевской группы «Народная расправа». Однако именно он не только составил генеральный кодекс правил, которым должен следовать истинный революционер, но и вполне убедительно показал своим примером, как к этому стремиться. Вот трагический парадокс: почти все собратья Нечаева по бунтарскому призванию на словах решительно отвергли его методы. Но на деле к ним прибегали – с теми или иными оговорками – очень многие. В том числе сам Ленин, и Сталин, и Дзержинский, и еще легион «пламенных сердец». Хотя, разумеется, ни один

Катехизис Нечаева безукоризненно последователен и логичен: позиция доведена до предельного заострения, можно бы сказать до абсурда, если б через несколько десятков лет она не была реализована в пределах целой страны с многомиллионным населением. Более того, рискнем утверждать, что в дальнейшем эти «вершины духа» послужили основой для весьма своеобразного антропологического отбора, а тем самым повлияли на формирование национального характера в его новейшей истории. Посему стоит припомнить текст целиком.

«Отношение революционера к самому себе

§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции.

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении, таким образом, решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, товариществом не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все высшие и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократский, военный, в литературу, в третье отделение и даже в зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловерности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом, неистощимой сокровищницей и сильной помощью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория – женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни – пустые, обесмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третью и четвертую категорию мужчин.

Другие – горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу.

§ 22. У товарищества ведь нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всепокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобшению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революцию народную товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образу – движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низложением одной политической формы для замещения ее другой и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всепокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача» [Революционный радикализм в России: век девятнадцатый, 1997].

Подобно всем абсолютам, эта запредельная революционность оставалась практически недостижимой для большинства последователей в их реальной жизни. Если, скажем, Ленин со товарищи более-менее строго воплощали

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org нечаевские принципы в отношении своих противников, то к себе самим они были отнюдь не столь требовательны, как предписывал «катехизис». Правда, в иных случаях действовала просто инерция житейского поступка с собственной логикой событий. И здесь вновь проступает богатый набор параллелей «идейной» нелегальщины с уголовным миром: вот так же человек, угодив смолоду в тюрьму за случайную мелкую кражу, нередко становится в силу одних обстоятельств убежденным рецидивистом, а дальше, вполне возможно, даже «вором в законе», кому, как и нечаевским революционерам, положен принципиальный отказ от собственности, семейной жизни и вообще от любых социальных норм. У «профессиональных революционеров» (изобретение этой формулировки, кстати, приписывают Троцкому) в классическом варианте выбор был тоже небогат – между жизнью от сходки до схватки и смертью от чахотки или по приговору военно-полевого суда.

Все же у большинства борцов с самодержавием идеология нечаевщины так или иначе сочеталась с обычной жизнью среднего человека, с ее компромиссами и стремлением к личному счастью. Бывало и так, что революционеры покидали свое поприще – иногда насовсем, чаще на время и вращались с немалым успехом в законопослушное общество. Характерен пример Леонида Красина: профессиональный инженер, участвовавший в экспроприациях и налетах, после незавершенной революции выпал из политики на добрый десяток лет и, надо думать, вполне комфортно чувствовал себя на производстве...

Так кем же все-таки был Нецаев: титаном самопожертвования, фанатиком высокой идеи (каковую в подражание аргю современной политкорректности вполне можно бы окрестить «альтернативным гуманизмом») – или носителем целого букета опасных душевных заболеваний? Их проявления – не только социопатия в форме «нравственного идиотизма», но и атрофия даже собственных (не говоря о ближнем!) ощущений физической боли с закономерной утратой инстинкта самосохранения. Довольно схожий анамнез отмечался восторженными летописцами у некоторых других известных революционеров, например, у сталинского соратника Тер-Петросяна по кличке Камо.

В просвещенном, но сколь же наивном, с точки зрения сегодняшнего опыта, девятнадцатом веке эти особенности еще могли восприниматься как «загораживающий духовный» (или, наоборот, «непреодолимый животный») магнетизм. В России конца двадцатого столетия, выполнившей и все генеральные, и, как говорили при социализме, встречные планы революционной перестройки нации, синдром получил определение, куда более емкое и точное. Позаимствованное – вполне в духе всепобеждающих «смесительных упрощений» русского человека – аккуратно у преступного мира. Для индивида: отморозок. Для его поведения: беспредел.

Симптоматично то, что не только в уголовной среде беспредельщики всякого рода к нашим дням фактически дожили «законных». Блатной жаргон с причитающимися нравами победно утверждается на вершинах российской государственной политики и поощряемых ею разновидностей отечественного бизнеса. Покорби любой из столпов, обнаружь «единственного и истинного революционера», он же разбойник лихой. Копнуть еще глубже – и тогда, не исключено, проступит искрящийся бешенством взор самого Сергея Геннадиевича Нецаева.

После такого – что ж удивляться сталинскому обличью «имени Россия»?

Время пророков

Выбор Володи Ульянова, потерявшего почти в одночасье отца и брата, вполне возможно понять умом. Мир его рухнул в тот самый момент, когда у всякого нормально развивающегося молодого человека должен завершаться первый опыт самоидентификации. Наверное, нечто похожее происходило в тех условиях с многими «русскими мальчиками» из интеллигентских семей. (Кстати, если припомнить получше кое-какие детали литературного образа, безмерно умиляющего толпы народу и после Достоевского, – не покажется ли самым значащим из всех факт, что бестрепетная ручонка калякала не купленную за свои деньги специально для целей познания и творчества, но предложенную явно наугад, а главное, чужую карту звезд?)

В дальнейшем бездетность самого Ленина, вероятно, служила еще одним фактором радикализма, способствуя общей неукорененности быта и облегчая

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «прогулки по Европам». Троцкий и Сталин, напротив, заводи детей, нарушив нечаевский завет (что, конечно, создавало им определенные сложности), но и это общего дела не меняло. Благо тогдашнюю власть и безумец не смог бы заподозрить в изуверстве, с каким годы спустя тот же Сталин отправлял на смерть или в приюты-тюрьмы малолетних детей своих бывших соратников.

Если говорить о возможностях нормальной карьеры, то священникам, в которые вроде бы налаживался поначалу Сосо Джугашвили, для пользы дела, конечно, лучше уметь очаровывать воображение прихожанок. Но вполне позволительно быть и рябыми, и сухорукими, и мрачными с виду – лишь бы человек был божий да умел проникновенно общаться с паствой, хотя бы соплеменной. В сохранившихся записях выступления вождя звучат несколько монотонно (что, впрочем, можно списать на примитивные технические средства и чужой для него язык). Но по крайней мере, своим родным Сталин явно должен был владеть, совсем как тот претендент на должность лингвиста в научном институте из бородатого грузинского анекдота, – «дзалиан, дзалиан каргад». Ну очень хорошо.

А вот у Ленина, помимо его особых интересов, с самого начала имелся еще целый ряд препятствий. Даже незавершенное юридическое образование все же позволяло заниматься какой-никакой практикой. В январе 1892 года Владимир Ульянов получает от управления Петербургского учебного округа университетский диплом первой степени и зачисляется помощником присяжного поверенного. Пускай не «сам господин адвокат», но тоже дело престижное, а при успехе приносящее неплохой доход, как легальный, так и не вполне гласного характера. Однако сдается, подвела его как раз внешняя непрезентабельность: неказистая фигура, ранние залысины, кривизна на один глаз (бывшая, впрочем, скорее плодом медицинской ошибки в детстве и последующего самовнушения, нежели действительно органического порока). А в первую очередь дефект важнейшего профессионального инструмента: речи. Плюс полное отсутствие жизненного опыта, необходимого для успехов в подобных делах. Это уж когда прочно уселся на троне, каждый недостаток с готовностью превращается в достоинство, любое дело царских рук и ума – совершенство по определению. А в начале пути так легко и заманчиво всякий свой личный провал списать на свинцовые мерзости системы, благо те очевидны с избытком.

Льву Бронштейну природные данные позволяли с ходу обогнать обоих товарищей сразу на пару голов; его полет сдерживало лишь государственное клеймо еврейства. Что раздражало вдвойне, поскольку сам он, как говорилось, этой своей принадлежностью не дорожил, тем более ее не пестовал и не пытался восстановить давно отмерших связей, а просто принимал ее как данность. Стало быть, и Троцкому оставался тот же способ быстро «набрать очки» в кругу сочувствующих – политика с оттенком недозволенного. Надо заметить, что в этом смысле наибольшую фору имел как раз неказистый Ульянов: человек, у которого проклятое государство навсегда отняло брата за одну лишь попытку уничтожить главного гонителя прав и свобод, автоматически привлекает к себе доброжелательное внимание оппозиционеров любого толка. Но несомненно, верил он и сам в исключительность своей персоны: зачастую, впрочем, эта убежденность оборачивалась банальным эгоизмом. В любой стране в ее «интересные времена» заявляет о себе особенно много личностей, претендующих на монопольное обладание истиной. И как раз такими временами этот тип людей востребован: к ним охотно прислушиваются, а кое-кого в конце концов даже причисляют к пророкам. Ульянов оказался из их племени.

Он пишет и зачитывает в нелегальных кружках рефераты с критикой взглядов народников. Ведет занятия с рабочими за Невской заставой и на других рабочих окраинах Петербурга. Летом 1895-го выезжает на полгода за границу, в Швейцарии знакомится с членами группы «Освобождение труда», посещает Плеханова и Аксельрода (в обществе последнего он провел целую неделю в окрестностях Цюриха), договаривается с ними о постоянных контактах и об издании сборника «Работник». Знакомится и с зятем Маркса, авторитетным социалистом Полем Лафаргом.

По возвращении Ульянов, обросший связями и накопивший кое-какой авторитет, собирает группу единомышленников, назвавшихся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Просуществовал этот союз примерно два месяца, после чего Ульянова и соратников арестовали. И отсидка – тоже во благо: пускай в историю молодой Ильич еще не вошел как следует, но уже солидно в ней отметился!

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Между тем по образу жизни в этот ранний период Ленин – точь-в-точь законный отпрыск декабристов или разбуженного Герцена. Нетрудно найти общий язык с важными людьми и снискать их расположение, когда родительские средства позволяют целыми днями вести неспешные диспуты об увлекательных предметах, прогуливаясь по живописным долинам и холмам. Заботиться о хлебе насущном даже для себя одного, не говоря о молоке для детишек, Владимиру Ульянову не приходилось. Из хлеба он, сидя в тюрьме, лепит плосечки в форме чернильниц, молоком пишет совсекретные послания, затем рабочий инструментарий отправляется в рот. Забава отменная – за неимением лучших, а «гениальная ленинская конспирация», о которой придуманы соответствующие легенды, здесь явно дело десятое. Конечно, царский каземат не самая комфортная обитель для потомственного дворянина, но таких, как он, здесь не унижают и не издеваются над ними, не гоняют на работы, а читать и писать позволяют сколько угодно, главное, практически что угодно. За четырнадцать месяцев – всего четыре допроса, то есть один сеанс не слишком утешительного общения приходился на сто с лишним суток. Словом, далеко не Лубянка с Гулагом, даже и не ссылка в Туруханский край (именно в подобных местах среди революционеров отмечено больше всего самоубийств и смертей от чахотки или других болезней, которые удалось бы вылечить в более цивилизованных условиях).

Ульяновские сочинения этого времени читать из простого любопытства не рекомендуем никому. Не шедевры – ученические опусы. Тем не менее, Ульянов одним из первых пропагандистов марксизма внутри самой России становится широко известен узкому кругу радикалов. Это вам уже не просто младший братишка, которому герой-мученик вытирал сопли, а без пяти минут Старик! (Будет у Ленина потом и такое прозвище, разделенное, кстати говоря, с Троцким.)

Затем его высылают в Восточную Сибирь – в ту ее часть, которая в наши дни сходит за местную Швейцарию – под гласный надзор полиции на три года. Сегодня этот «кандальный путь» поражает воображение: Ленин не только отправлялся в ссылку как свободный человек, но по выходе из тюрьмы получил разрешение задержаться в Петербурге на небольшой срок, которого, однако же, хватило, чтобы провести несколько совещаний в «Союзе борьбы». Жандармы не препятствовали. Затем не спеша, проездом через Москву он три месяца путешествует в село Шушенское. По дороге встречается с единомышленниками, посещает библиотеки, в Красноярске видится с тамошними политическими ссыльными. Шушенское стало для Ульянова настоящим «домом творчества» – здесь он охотится, рыбачит, заказывает присылку все новых книг, которые приходят скоро и беспрепятственно. Наконец, «доводит до ума» свою первую крупную работу, начатую еще в тюрьме.

Капитальное чтиво

Казалось бы, гениальность Ленина должна была полностью выразиться в его многочисленных сочинениях – 55 томах литературного наследия.

В советское время основные ленинские трактаты, важнейшие статьи и даже многие краткие высказывания подлежали обязательному изучению на разных уровнях, начиная со средней школы. В ПСС можно выделить четыре больших теоретических работы: «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности», «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция».

Название для первой из них, как выяснилось, придумал Струве еще в ту пору, когда считал себя марксистом и общался со своим будущим врагом. Азы экономики юрист Ульянов осваивал строго по Марксу, точнее, по «Капиталу» и по «Анти-Дюрингу» Энгельса. Почитывал также Каутского, Гильфердинга. Каждый, кто знаком хоть немного с теоретическими основами этой дисциплины, обнаруживает поразительную картину: Ильич совершенно не интересовался трудами современных ему экономистов! Работы Альфреда Маршалла, Уильяма С. Джевонса, Вильфредо Парето, Макса Вебера – словом, абсолютно все, что составляло в то время вершины экономической теории, просквозило мимо нашего универсального гения.

Следуя заветам учителя, он в своем дебютном трактате под псевдонимом Ильин доказывал, как положено нормальному западнику, что капитализм в России

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org развивается постольку, поскольку растут рынки. Ирония истории заключается еще и в том, что после своего выхода в свет в начале XX века этот труд был в целом одобрен научным и политическим сообществом, однако именно его едва ли не демонстративно обходили вниманием комментаторы и менторы всего советского периода. Почему?

Скорее всего, из-за несоответствия между «общим и удельным весом» текста, сильно нагруженного разнообразными статистическими выкладками, и дальнейшей участью его основной посылки. Ведь автор, используя марксову схему постоянного и переменного капитала для выявления баланса и обоснования развития внутреннего рынка, по сути убеждал, что в России, как во всей Европе, неизбежно восторжествуют капиталистические отношения. Идея ясна, выводы вполне корректны и тщательно обоснованы. Но очень скоро история, не в последнюю очередь дальнейшими стараниями самого Г-на Ильина, абортировала российский капитализм. Так что уже через два десятка лет по выходе трактата любоваться стройностью его тезисов и оценивать безупречность доказательств было как минимум странно.

Однако в полемике с народниками он сыграл свою роль. И экономисту-самоучке книга, безусловно, прибавила репутации: писателей в России читали и тогда, и еще девяносто лет спустя. Притом платили хорошо: книга была напечатана в количестве 1200 экземпляров ценою в магазине в 2 рубля 50 копеек.

Надо сказать, что в советские годы полсотни ленинских томов – конечно, тоже пощипанных цензурой, но в «особливо бережном» режиме – служили для самых любознательных уникальным источником информации, которую было трудно или вовсе невозможно получить где-либо еще, не вызывая неотвязных подозрений. Любой читатель, интересующийся реальной историей, мог отыскать в них немало такого, что плохо увязывалось с пропагандистскими догмами. Возьмем в пример первую же таблицу из «Развития капитализма...»: данные о структуре крестьянских хозяйств одного уезда Таврической губернии.

Вникнув в цифры и произведя нехитрые подсчеты, задумаешься поневоле: как изменилась жизнь! И в какую же сторону изменилась она?

При советской власти человек, отчаявшийся ждать продуктивных милостей от родного государства, тужился на шести сотках вырастить картошку с огурцами на прокорм семье. А при царе в 80 процентах таврических хозяйств один только посевной клин, то есть в основном поля пшеницы, большей частью шедшей на продажу, составлял от пятисот до пяти тысяч типовых совковых «фазенд».

Это, подчеркнем еще раз, без площадей, на которых растили всякие прочие «заедки» или держали скот. Малоземельным и бедным был от силы один двор из десятка, а остальные девять, во всяком случае, в той зажиточной губернии, имели в своем распоряжении очень даже приличные земельные наделы. А им все было мало, подавай еще!

Тогда выходит, вот этим «еще» и поборол наш Ильич помещиков с буржуями. А вовсе не ставкой на убогие ноль целых две десятых. Только что же случилось потом с восьмьюдесятью процентами победителей, каким таким нехорошим чудом все завоеванные ими богатства скукожились до размеров одной отдельно взятой дачки со «скворечником»?..

Следующее крупное произведение – «Материализм и эмпириокритицизм». Философский труд, написанный в годы реакции после первой революции, Ленин сначала собирался назвать «Записками рядового марксиста». Стало быть, вполне трезво оценивал свой уровень познаний в данной области. Как определил этот уровень Бердяев: «В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х, 70-х годов прошлого века» [Бердяев, 1990: 96]. Последнее, впрочем, логично: какую еще «золотую эпоху» и брать за образец эпигону, как не время расцвета своего учителя? Другое дело, мог ли вообще этот ученик когда-нибудь превзойти его не в расстрельных приказах, а в философской полемике.

Логично по-своему и все остальное. С кем Ленин спорит, чьи идеи опровергает в фундаментальном научном труде? Маха, Авенариуса, Беркли. Первый был в то время усталым старцем, доживающим на покое свой век, второй скончался, когда совсем еще зеленый Владимир Ульянов лепил себе тюремные игрушки из

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org хлебного мякиша, третий – аж в середине восемнадцатого столетия! Перелистайте любой учебник философии, хотя бы и изданный в советское время. Даже в нем на рубеже XIX–XX веков отмечена целая плеяда громадных умов и талантов: Кьеркегор, Ницше, Рассел, Бергсон...

Впрочем, можно допустить, что отстаивая правоту материализма столь примитивным образом, Ленин мимоходом поспособствовал будущему, пускай не очень долгому, расцвету отечественной науки. Вернее, ее естественных и технических дисциплин. Насаждать сервильную догматику в тех сферах было довольно сложно, местами даже рискованно, да и не столь важно, зато от клерикальных шор они освободились, казалось, навсегда.

Увы, в сегодняшней духовно-возрожденной стране, где школьники судятся напропалую то ли с учебником биологии, то ли с самим покойным сэром Чарльзом и через одну упаковываются в «платочек целомудрия» за версту до церковной ограды (внутри ее совсем ведь некому просветить бедняжек, что в настоящем исконном каноне службы он не обязателен для незамужних девиц); где столетнему академику-физику приходится с юношеским пылом отбивать психические атаки подходящих ему годами в правнуки «экспертов по креационизму»... Где ведущим национальным мыслителем исподволь провозглашается православный философ, известный энтузиаст фашизма – он, правда, до этого своего «обращения» высказывал немало действительно мудрых вещей, зато на четвертый год после разгрома рейха написал статью, в которой не сожалел ни о чем, кроме головокружения от успехов в версии *des Herrenvolkes*. Мол, слишком многое фюрер делал не совсем верно, не очень грамотно: здесь не дотянул, там, наоборот, перегнул – только потому он и пал, а вот если бы почаще прислушивался к мнениям Ильина Ивана Александровича... В стране, где люди генеральского звания распространяются в газетных интервью об успешно сработанной русскими гениями секретной штучке для чтения самых важных мыслей главного противника... Одним словом, в такой России дубоватые ленинские мудрствования могут, как ни странно, показаться порой и более разумными, и в чем-то даже более симпатичными, нежели оголтелое вставание с колен на уши.

Очередной трактат, сочиненный в те же долгие годы политической безвестности и безнадеги – «Империализм как высшая стадия капитализма». Для советского агитпропа он оказался, пожалуй, наиболее полезным из всех капитальных ленинских трудов. Маркс описывал английскую действительность первой половины XIX века, а сто лет спустя, естественно, возникла необходимость в корректировках. Вот Ленин и попытался дать анализ политических противоречий, обусловленных особенностями современной ему экономики. То, что Ильич беспардонно «одалживался» у других, например, у того же Рудольфа Гильфердинга – не так важно. Каким он был экономистом, мы уже убедились. Главное, что оригинального содержания здесь нет вовсе ни грана, критика монополизма бесцветна и скучна. Но потом сочинение все же пригодилось как единственное описание не слишком противоречивой модели мира «по ту сторону».

Главный порок этой модели состоял в том, что вносить в нее дальнейшие принципиальные коррективы не позволялось уже никому, раз великие люди поумирали, а загнивающий с 1916 года капитализм – все никак. Допускался лишь «пересказ своими словами» в любом количестве копий. Ну и нашим головам, соответственно, стало массово нездоровиться. У одного из авторов сохранилось в прямой связи с этим презабавное воспоминание. В середине 60–х годов прошлого столетия ему, как и всем тогдашним советским школьникам, пытались внушить на уроках географии, будто современные Соединенные Штаты неукоснительно делятся на «промышленно развитый Север, бывший рабовладельческий Юг и колонизируемый Запад». Будучи заинтригован столь явной несуразницей, пылкий юноша вскоре дознался, что классификация в учебнике списана слово в слово из того самого ленинского трактата. Сочиненного, как оказалось, отнюдь не над свежей могилой 35-го президента США Джона Кеннеди, а всего-то спустя полвека после отмены рабства в южных штатах и восемь лет после полного присоединения «индейской территории» Оклахомы...

Не менее странно и то, что важнейшим своим произведением Ленин считал «Государство и революцию», где обосновывал многочисленными выдержками из Маркса и Энгельса, а также историей Парижской коммуны необходимость диктатуры пролетариата и тотального уничтожения существующей организационно-бюрократической системы. Меж тем, как мы знаем, еще при жизни Маркса положение рабочих стало меняться, в соответствии с этим изменялись формы политической борьбы. В переписке классика словосочетание

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
«диктатура пролетариата» встречается пару раз. А в 1918 году тогдашний ведущий теоретик марксизма, прямой наследник Энгельса по идейной линии Карл Каутский написал специальную брошюру под таким заголовком. К тому времени термин широко использовался в дискуссиях социалистов разных стран; особенно активно к нему обращается Ленин.

Без малого сотню лет Ленина критикуют за то, что он вместо диктатуры пролетариата построил диктатуру то ли партии, то ли просто вождя. Конечно, сам вождь давал для этого основания. В 1917 году, накануне революции он определял переходный этап от капитализма к коммунизму, как «демократию для гигантского большинства народа и подавление силой, то есть исключение из демократии эксплуататоров, угнетателей народа». Но если в России условия демократии должны диктовать «гигантское большинство», тогда при чем здесь пролетариат? Потом, уже после победы Ленин сам признавал, что тотального уничтожения бюрократии не получилось. Иллюзии по поводу «постепенного отмирания государства» могут удивлять даже не своей наивностью, а тем, как долго и упорно Ленин отстаивал их значение – когда казалось, уже пора было скромно перевести стрелку на менее скользкие темы. Однако в стойкой симпатии к этому своему сочинению подспудного смысла было никак не меньше, если не больше, чем во всех других ленинских «фундаментальных научных открытиях», имевших свойство безнадежно устаревать еще в момент рождения. Ведь именно «диктатура пролетариата» послужила той волшебной палочкой, вернее, дубинкой, с помощью которой вождь отворил врата в советский социализм (или «казарменный коммунизм», или административно-командную систему, а то и подавно «Кратократию» – это изысканное определение принадлежит историку Андрею Фурсову, который в 1990-е проявил себя глубочайшим аналитиком советской власти, почище Джиласа и Восленского, а эпоху спустя переключился целиком на немудреную апологетику власти нефтегазовой). Впрочем, об этом позже.

Но быть может, посредственный ученый Ленин имел величайший дар публициста; может, писал он так ярко и захватывающе, что глаголом мог прожечь каждое сердце и увлечь на смертный бой?

Кто попробует вникнуть в эту сторону его сочинений, убедится, что писано действительно с изрядным темпераментом. Множество «ударных» цитат из классики, поток ругани в адрес оппонентов; становой же хребет выдран, что называется, с мясом из корпуса древнеримской риторики, у Катона Старшего с Цицероном: «Карфаген должен быть разрушен!» и «Доколе, о Каталина?..». Долой!.., надо брать... надо... – без конца один и тот же набор лобовых тезисов, вколоченных бубнящими повторами.

Дореволюционная публицистика Ленина имеет ярко выраженный схоластический характер в духе своего времени и среды. Как в Средневековье ученые монахи спорили всерьез, сколько чертей может уместиться на кончике иглы, так российские социал-демократы распространялись о «буржуазии», «пролетариате», о достоинствах последнего и его великой роли в будущем и т. п. Теоретические дискуссии о программе, об аграрном вопросе и по всем остальным направлениям не только оказались по преимуществу бесплодными, но и проявили после 1917 года свою полную бессмысленность: ничто ведь не пошло так, как намечалось в «диспозициях». За исключением одного – Партии и ее Диктатуры.

Действительно, коммунистическая партия была важнейшим социальным институтом того строя, что возник в результате революции. Она превратилась в некую надгосударственную сетевую конструкцию, объединявшую все отрасли и виды деятельности. В системе политического руководства это была новая, быстро оформившаяся каста наподобие прежнего служилого дворянства, в системе хозяйственного управления – становилась программно-целевой структурой, обеспечивавшей социалистическую модернизацию. В моральном отношении этот институт подменил собой церковь, контролируя выполнение нравственных установок, социализацию и воспитание новых поколений, корректируя эти установки по мере развития общества.

Но можем ли мы обнаружить в данном феномене хоть какие-то следы той концепции, не говоря о теории партии, что была бы сформулирована и описана собственно Лениным?

Нет, не можем. Более того, ни о чем подобном не говорится даже в официальных пособиях по истории КПСС. Потому что в статьях и письмах вождя практически и нет ничего на эту тему, кроме настойчивых требований

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «партийной дисциплины» и «демократического централизма». Да и преемник Сталин проявлял в этом смысле подозрительную пассивность, даром что при нем в партшколах появились кафедры партийного строительства. Получается, что важнейший институт вырос как бы сам собой, в силу общих потребностей социального организма, которому большевистская революция помогла появиться на свет. И большевики – не родители его, лишь повитухи.

Так на заре времен среди нескольких родовых кланов, объединенных соседством, общей охотой и набегами, возникал в одночасье, совершенно неведомая откуда, военный вождь и принимался всех «строить по-новому». Почему, для чего – этого, конечно, ни родичи-общинники, ни он сам объяснить не могли не то что, как выражаются ученые, эксплицитно, но даже и на пальцах.

А просто – так история захотела. (Любопытно бы, кстати, порасспросить Рамзана Кадырова: имеется ли у него теоретическая база для поэтапного перехода Чеченской Республики в составе РФ от военно-демократического строя к развитому феодализму? Только ведь этот вождь новой формации в ответ вполне может пальнуть в лоб из позолоченного пистолета. И будет, наверное, прав на свой манер.)

Даже на 56-м году от рождения СССР, когда в его новую конституцию вдруг включили приснопамятную шестую статью о руководящей и направляющей роли партии, это явно не было результатом интеллектуальных разработок с глубоким осмыслением действительности, но лишь простой констатацией давно свершившегося факта. Можно полагать, и ее в числе прочего имел в виду Юрий Андропов, когда шесть лет спустя неожиданно огорошил публику заявлением: «Мы не знаем общества, в котором живем». Жаль, что умер, не успев растолковать свое послание.

А еще немного спустя, в «лихие девяностые» (к которым сегодня резонно присовокупить и вторую половину 1980-х) тогдашние охранители бранили Горбачева: мол, взялся перестраивать страну без замысла и плана. Только и знает «демократизация» да «гласность»... Затем, практически без передышки и почти неотличимыми словами, только много истеричней и злей, разросшаяся на порядок «абзац-команда» начала поносить Ельцина: вот-де и этот строит наобум, сам не зная что!

Но какой смысл требовать от последнего генсека КПСС, тем паче от порвавшего с ней первого президента России большего, чем от отцов-основателей партии и великих вождей всего мирового пролетариата?

Блаженны строящие.

Малый политический бизнес: офис в Париже

«Революционный» отрезок жизни Ульянова-Ленина занимает примерно четверть века, пока он не превратился в государственного политика. 1895-й стал для него годом перехода от пропаганды к организации политических структур для нелегальной борьбы. Первый результат – «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – оказался однодневкой.

Следующий – участие в организации и издании газеты «Искра». И этот, говоря современным языком, проект был тоже не слишком долговечен, не в последнюю очередь из-за борьбы, развернувшейся между Ульяновым и ветеранами русского марксизма. Советские учебники, по обязанности преувеличивая роль Ленина в работе газеты, чересчур туманно сообщали о том, что после Второго съезда «Искра» так и не стала органом большевиков.

Тем не менее, в организации учредительного де-факто съезда российских социал-демократов газета и все, что происходило вокруг нее – работа редакции, транспортировка тиражей, дискуссии – несомненно, сыграли важную роль. В заслугу Плеханову, Мартову, Ленину надо поставить своевременность затеянного. Не будучи лидерами тогдашнего политического процесса, в том числе и борьбы с самодержавием, российские марксисты в 1903 году опередили более «продвинутые» организации – кадетов, эсеров и всех, всех остальных. Правда, потом в силу разных причин, включая весьма неконструктивную позицию Ленина, фора в партийном строительстве была упущена.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Все же и этому периоду нельзя отказать в определенных достижениях. Как подметил Г.Лукач, Ленин фактически сумел соединить марксистский экономический детерминизм с установкой на активное включение в политический процесс партии как особого субъекта, которому принадлежит руководящая роль. Да еще нашел способ удобно расширить понятие «пролетариат», включив в него беднейшую часть крестьянства. В итоге получилась учение, вполне заслуживающее «троцкистского» термина – о перманентной революции, которая может происходить в любой момент в любых подходящих обстоятельствах. «Не объяснять происходящее, а изменять мир», – писал Маркс в тезисах о фейербахе. Успехи основоположника по части исполнения собственных заветов можно признать лишь относительными. А Ленин именно это и сделал.

К тридцати годам он уже имеет право претендовать на лидерство, а в возрасте Христа являет себя и собирает сторонников. Брюссельско-лондонский съезд 1903 года действительно стал событием: впервые рождение политической партии происходило подобным образом. Главным вопросом довольно неожиданно оказалась не программа – за что следует бороться и против чего, а устав – кто и почему может считаться членом партии. За несколько месяцев после съезда Ульянов выпустил целый ряд работ, посвященных этим животрепещущим проблемам, а оппоненты начали обвинять его в «бланкизме».

В советских учебниках писали о разделении якобы только в тот момент окончательно оформившейся партии на два течения. Точнее было бы – на две фракции, однако таких определений по большей части старались избегать, поскольку тогда фракционером пришлось бы назвать и Ленина, – а это слово еще в первые годы после революции приобрело в России куда как нехороший оттенок. Он ведь и был именно фракционером в самом что ни на есть «отрицательном» смысле: меньшевики получили свое название из-за частных пертурбаций кворума при выборах ЦК и редакции «Искры». На самом деле они еще много лет, вплоть до июля 1917-го будут составлять большинство в рядах РСДРП. Так что навязанная им кличка оказалась не только политически вредной, но в какой-то степени даже противоестественной. Спихнулись они, однако, слишком поздно; пока же и самих меньшевиков, и их оппонентов больше занимал вопрос не «как называться», а «какими быть». Первые пропагандировали труды Маркса, сотрудничали с европейскими социалистами, активно использовали выборы и думскую трибуну для продвижения социал-демократических идей, занимались просвещением рабочих, создавали профсоюзы. Вторые горели желанием как можно скорей начать вооруженное восстание, готовили боевые дружины и грабили инкассаторов ради содействия делу революции и... для собственного «подогрева».

Как ни парадоксально, но залог окончательного исторического успеха Ленина кроется в формуле его супостата Бернштейна: конечная цель ничто, движение – все. Совсем не так важны были позиции большевиков по аграрному или национальному вопросу, даже по вопросу о сроках революции и ее истинном гегемоне, как то, что к 1917 году в распоряжении Ленина находилась, говоря современным языком, сетевая структура, пусть не поражающая размахом, но все же имевшая вполне положительную «кредитную историю». По сомнительной оценке Троцкого на начало того года в партии российских большевиков насчитывалось 23 тысячи членов [Троцкий, 2006: 33]. В современной РФ с ее ощутимо меньшим населением при таких-то потенциях нет смысла даже обращаться за регистрацией в Минюст: завернут с порога из-за «малочисленности». Но это и было самое настоящее, если воспользоваться опять-таки современными терминами, незаконное формирование, в то же время – бренд, пусть не самый заметный, но вполне реальный, охвативший целые регионы и отдельные отрасли.

В этом можно было бы усмотреть полное торжество ленинского партийного замысла – жестко централизованной организации, всегда готовой к решительным действиям. Но такое было бы сильным преувеличением. В критический момент 1917 года никаких признаков торжества первого параграфа устава, за который боролся Ленин в 1903-м, не наблюдалось – в партию были записаны 350 тысяч душ, практически каждый кто хотел. Главное в другом: на политический рынок Ленин выходил не в одиночку, а с «зарегистрированной на свое имя фирмой», в отличие от Троцкого. И это обстоятельство оказалось судьбоносным семь лет спустя, при решении вопроса о преемстве власти.

Тогда резонно спросить: почему партия была у Ленина, а у Троцкого «своей» партии не было?

Самый простой ответ: Ленину важно было «держать фирму» пусть она с 1907 года приносила в основном одни убытки. Прежде всего, статус одного из

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org лидеров российской оппозиции помогал находить сочувственное внимание и поддержку у мощных и богатых организаций европейских социалистов. Других способов самоутверждения, даже простого выживания в политике для этого человека не существовало. Троцкий же был если не полной противоположностью типичного человека команды, то во всяком случае классическим «одиноким охотником», слишком ярким для повседневной рутины. Его и так знали звезды тогдашней политики и публицистики во всей Европе. Он вникал в различные дисциплины, анализировал события и писал на самые несхожие темы в бесчисленных сферах деятельности. В этом отношении любые команды были бы для него бесполезны.

В революционном офисе Ленина секретарем на общественных началах служила Надежда Крупская. «Она стояла в центре всей организационной работы, принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала, расшифровывала. В ее комнате почти всегда был слышен запах жженой бумаги от нагревания конспиративных писем» [Троцкий, 1991: 153]. На практике это означало монопольный контроль «семейного бизнеса» над всей информацией, нужной для управления партией.

Плюс контроль над партийной кассой. «Члены ЦК, – отмечал следователь Временного правительства, – получали за рубежом жалование от Ленина. Неудобные ему его лишались... Деньги делали его хозяином организации за границей и в России» [Волкогон, 1994:214].

Такая постановка дел, помимо чисто утилитарного, прагматического смысла, имела и «теоретический фундамент»: так и только так надо действовать во имя победы пролетарской диктатуры, не дожидаясь, пока окончательно созреют все конфликты производительных сил с производственными отношениями! Хотя с точки зрения марксистской догматики правы были не ленинцы, а как раз меньшевики. С позиций же объективной реальности, которая никак не подтверждала ни снижения нормы прибыли, ни обнищания пролетариата, ни неизбежности коммунизма – ни те, ни другие к научной картине мира отношения не имели. Самому Марксу в конце жизненного пути приходилось совершать «развороты на 180 градусов»: например, теоретизируя насчет того, что в Европе капитализм оказался чересчур крепок, а в Российской империи он слаб – так может, стоит перенести упования на нее? Об этом историческом парадоксе впоследствии писал Бердяев: утопистами проявили себя те, кто полагался на законы нормального развития, а большевики, выступавшие против здравого смысла, победили, следовательно, они-то и были настоящими реалистами.

Разумеется, утверждения советской пропаганды о руководящей роли Ленина, начиная с 1903-го, далее везде и во всем, были, ласково говоря, сильным преувеличением. Дело не только в Плеханове, который долго возвышался над всеми остальными, как одинокий утес. Ленинский прорыв на Втором съезде РСДРП и в последующей деятельности «Искры» оказался единственным на долгие годы; а потом и Плеханов отходит на вторые роли, появляются новые яркие политики.

Взять хотя бы такой фактор, как разделение партийных постов и должностей. Из списка публичных руководящих структур РСДРП легко сделать вывод, что ударным отрядом российской социал- демократии на политической арене очень скоро сделались посланцы солнечной Тифлисской губернии, Ленину в тот момент абсолютно неподконтрольной. Так, руководителями четырех фракций социал-демократов в третьей и четвертой Государственных Думах были Ной Жордания, Ираклий Церетели, Николай Чхеидзе. Затем они же возглавили советскую власть в Петрограде и в России. Быть может, Сталин в 1917-м затем и понадобился Ленину, чтобы облегчить контакты с его земляками на ключевых постах?

Тем не менее особенности ленинского характера – амбициозность в сочетании с жесткой самоуверенностью постепенно, но неуклонно создавали предпосылки будущего абсолютного лидерства в партии. Не менее важно то, что такой стиль руководства как нельзя лучше подходил к традиционному российскому менталитету. Большевики со своим либерально-демократическим культом легитимных процедур, свободы выбора для каждого, явно проигрывали большевикам и в этом смысле.

Но явление имело и обратную сторону: Ленин плохо уживался на долгий срок даже с ближайшими соратниками. Если авторитарный лидер слишком давно не

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org одерживает новых сокрушительных побед, вокруг него начинается «текучка кадров». Из значительных фигур того периода в команде не сохранился никто. Зиновьев и Каменев пришли позже, под ленинским руководством стали его главными помощниками и благодаря этому укрепили свои позиции в партийной верхушке. Думский лидер большевиков Алексинский превратился в злейшего врага; Богданов, считавшийся первым интеллектуалом, отошел от партийной работы... а кто сейчас вспомнит Рожкова, члена ЦК и застрельщика дискуссий на Пятом съезде? Самый же наглядный пример из всех – конфликт амбиций Ленина и Троцкого: один не соглашался никого признавать равным, другой не ощущал ни малейшей потребности держаться коллектива и подчиняться его лидеру. Закономерно, что в 1917-м рядом с Лениным оказались большевики уже другого поколения – из молодых, вполне усвоивших азбуку вождизма. Прежних уже «здесь не стояло».

Вообще можно утверждать, что все-таки важнейшим из всех занятий революционеров-социалистов не одних большевиков, но и эсеров – во время подготовки к восстанию были не оргработа с партучебой, не «тамиздат» и не «эксы» с покушениями, а «внутривидовая борьба». Свой неповторимый, устойчивый вкус в нее вносили такие личности, как Малиновский или Азеф (с известной долей цинизма можно сказать, что самый крутой из отморозков провокаторского беспредела – еще один уникальный вклад России в мировую историю). Периодические сеансы разоблачения лишь нагнетали атмосферу трагичного абсурда вокруг рыцарей светлого будущего: кто герой, кто предатель? Все это сильно деморализовало оппозицию, в годы реакции вызывая стойкое ощущение безысходности, раздувая неприязнь между теми, кто отсиживал тюремные сроки, и кто «отсиживался» в благополучной Европе.

В 1905 году Ульянов возвращается в Россию делать революцию, живет на конспиративных квартирах то в Питере, то в Финляндии, пишет массу статей и воззваний, но все его усилия остаются почти незамеченными. Возможно, к счастью для него: практически все социал-демократы большевистского толка в Государственной Думе второго созыва были репрессированы и затерялись в жестокой российской истории. Об этих сторонах тогдашней действительности часто забывают, подчеркивая «либерализм» царей в сравнении с террором революционной и особенно сталинской эпохи.

Недолгая история первого российского парламентаризма представлена в таблице:

Беспристрастные цифры свидетельствуют о роли социал-демократов, в частности, большевиков в российском парламенте – она была действительно заметной, под стать распространенности марксистских идей. К последним склонялись в молодости и будущие «веховцы» Струве, Бердяев, Булгаков, и многие другие российские интеллектуалы. Все же вплоть до 1917-го преобладали либерализм, чьи ценности взяли на вооружение кадеты, националистическое почвенничество и социализм народнического корня. Большевистское представительство от второй к четвертой Думе сократилось с почти трех процентов до неполных полутора. Выборы в первую Думу большевики бойкотировали, во вторую попробовал было баллотироваться сам Ленин, оперативно изменив установку, но не попал даже при тогдашнем немалом числе мандатов для его сторонников. (Сегодня таких туда и близко не подпустят.) Показательно и то, что у большевиков не было ни одного депутата, избранного в разных созывах, всякий раз состав менялся. Да и вообще они – известные противники парламентаризма как такового – на думской скамье смотрелись логическим нонсенсом.

Точно так же ни один из нескольких десятков этих людей не дошел до революции вместе с Лениным. И среди большевиков стали со временем появляться политики, предпочитавшие легальные виды деятельности всем другим. Даже Каменеву случилось однажды заметить с явным оттенком сожаления: мол, если б не Октябрь, заседать бы сейчас чинно-благородно в Государственной Думе...

Известно: в России надо жить долго, чтобы дожить до чего-нибудь. Характерно выступление Ленина в швейцарской пивной в январе 1917 года, когда Ильич посетовал, надо думать, вполне искренне: вот они-де, «старики», до революции уже не доживут. Но все равно в тех вздохах звучало примелькавшееся за четверть века: «И все-таки он должен быть разрушен!». В конце концов Карфаген рухнул – как смог и сподобился сам, когда одни этого не ожидали, а другие уже и ждать перестали. Оказалось, у Ленина было к тому

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org моменту под рукой практически все необходимое. Недаром большевики долгое время придавали буквально культовое значение дореволюционному партийному стажу: человек не продался власти, не бросил товарищей, а главное, сумел выжить. Не так важны были конкретные качества, как срок выдержки продукта.

Российское «порядочное общество», когда весной 1917 года большевики предстали перед ним в ореоле героев, праведников и мучеников, встречало их с распростертыми объятиями, стыдясь своего прежнего конформизма. Положим, Ленина страна знала совсем слабо; но для тех же Церетели и Чхеидзе, занявших важные государственные посты, он был старым соратником, заслуживавшим почета, – и ему на финляндском вокзале устраивают массовую овацию. А он-то до последних минут еще опасался ареста немедленно по прибытии! Впрочем, трудно представить себе из туманных далей, что это такое – Россия в революцию. Но как бы там ни было, не озаботиться Ильич своевременным приобретением и бережным хранением «счастливого билета» – не видать бы ему и выигрыша.

Вот так же будут слушать в возрожденной Госдуме выступление Солженицына, торжественно проехавшего всю Россию с Дальнего Востока. Итоги двух путешествий, разделенных без малого 80 годами, оказались разными, можно сказать, диаметрально противоположными, но не в том дело. Ведь среди тогдашних депутатов тоже немало было убежденных противников нового героя-пророка, считавших его одним из главных разрушителей великой Советской Родины.

Моцарт революции

Троцкий моложе Ленина на неполный десяток лет, а начала их революционной деятельности разделяет и того меньший срок.

С семнадцатилетнего возраста у Левы Бронштейна – кружки, дискуссии, штудирование Маркса и присных. В отличие от Ульянова он не сидит на родительской шее: ведет самостоятельную жизнь в обществе друзей-единомышленников, подрабатывая всякой разночинной поденщиной. Впоследствии Троцкий, объясняя свой выбор жизненного поприща, отмечал два фактора: во-первых, изменения не только в стране, но и в мире. После реакции начала 1880-х постепенно возрождается общественная жизнь. Совсем как лет спустя, когда подобные организации получают имя «неформалов» – все течет, но в России мало что меняется. Притом в 1891 году на фоне промышленного подъема и стремительного роста городов начался страшный голод с эпидемией холеры в ряде губерний, включая родную Троцкому Новороссию. В Германии, которая была тогда совсем близко, за общей границей, власти схватились с мощным рабочим движением. Сам Папа Римский призывает к расширению социальных прав трудового люда. Заканчивается же век приходом экономического кризиса в Россию.

Другой фактор – личный протест против несправедливости, неравенства, угнетения и оскорбления людей по любому поводу: национальному, классовому или из простого хамства власть имущих. Режим, подавляя общественное недовольство, лишь способствовал его росту. Хотя опасность жестких репрессий действительно отсеивала какую-то часть потенциальных бунтовщиков из высших и средних классов, зато те, кто выдержал первые испытания, становились все упрямее и бесстрашнее, порой превращаясь в настоящих отморожков. Как нынешние «исправительно-трудовые» зоны ведут расширенное воспроизводство рецидивистов, так царская пенитенциарная система сделалась рассадником политического радикализма, причем не только для интеллигенции, но и среди настоящих уголовников.

По некоторым сведениям, интерес к марксизму у Бронштейна пробудила старшая и, видимо, раньше причастившаяся революционным идеям подруга, ставшая его первой женой Александра Соколовская. Сам он в мемуарах никак не поддерживает эту версию, однако отмечает, что «созревал как марксист» несколько месяцев, преодолевая первоначальный скепсис. Впрочем, заразиться революцией тогда можно было где угодно и любыми способами. «Рабочие, – вспоминал Троцкий, – шли к нам самотеком... На подпольные чтения и беседы по квартирам, в лесу собиралось 20–25 человек и более» [Троцкий, 1991: 116].

Затем Бронштейн с коллегами начали сами создавать оппозиционную литературу: он сочинял прокламации и статьи, затем переписывал их печатными буквами и

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org размножал на гектографе. Разъезжая по близлежащим городам, вступал в контакт с другими похожими кружками; в конце концов: «Мы создали «Южнороссийский рабочий союз»». Отсюда можно предположить, что к тому времени юный Бронштейн по своему статусу революционера уже приблизился к более опытному Ульянову.

Первый раз он сел в тюрьму, когда ему не было двадцати. В отличие от дворянина Ульянова, Бронштейна держали в одиночной камере впроголодь, в холоде и вшах. Правда, вскоре перевели в более сносную, в любимой Одессе, которую теперь довелось узнать еще и с этой стороны. В 1900 году за создание нелегальной группы супруги были сосланы в Иркутск. Там они входят в группу местных и таких же ссыльных марксистов-искровцев. В сентябре 1902 года Троцкий бежал из ссылки, в октябре прибыл в Лондон и сразу же установил связь с Ульяновым.

Понятно, чем приглянулся Ленину молодой, но уже испытанный революционер с пятилетним стажем – тут как на войне, счет особый. Литературный дар Троцкого был как нельзя более кстати бурно развивавшейся газете. Совсем недолго оставалось до съезда, на котором Ленину предстояло показать, что называется, далеко не однозначные результаты. Он там, конечно, заявил о себе как об одной из персон российской социал-демократии, но сразу лишился контроля над «Искрой» и вдобавок разошелся с Плехановым. Троцкий же последовательно выступал против всех и всяческих расколов. Сначала он вместе с Лениным критиковал Бунд (добивавшийся для себя исключительного представительства в делах пролетариев еврейской национальности), а потом уже самого Ленина за противопоставление «меньшинства – большинству». И не поддержал ленинских призывов к дисциплинированному централизму, не видя в них особого смысла. Конфликт имел долгосрочные последствия: полтора десятка лет будущие вожди вели жесткую полемику между собой.

Разница в способах ее ведения бросается в глаза. В 1904 Троцкий выпустил свою первую книгу, где характеризовал позицию Ленина таким образом: «Когда против меня восстают, это очень дурно. Когда восстаю я, тогда хорошо. Такова краткая и веселая мораль длинной и скучной книги [«Шаг вперед, два шага назад»] с обильными цитатами, «международными» параллелями, хитрыми диаграммами и прочими средствами психического оглушения» [Троцкий, 1990: 70]. В ответ последовали памятные всем вольным и невольным участникам политпросвета в бывшем СССР хамские наскоки: «Политическая проститутка», «Иудушка Троцкий».

Как и слишком многие сильные, уверенные в себе люди, Троцкий был склонен с опасной беззаботностью игнорировать чужие амбиции, если те касались маловажных, на его взгляд, вопросов. Как большинство таких людей прежней, не совковой закалки, он не желал ни на минуту заставить себя маршировать строем. И общался всегда с кем хотел, как только вздумается – хоть с Плехановым, хоть с Мартовым, хоть с Каменевым...

В то время начинается первая революция. Катастрофа Цусимы, крах Мукдена, мужики гнут поместья сотнями, эсеры разворачивают террористическую войну с не меньшим количеством жертв. Среди последних – великий князь Сергей Александрович, министры внутренних дел Плеве и Сипягин, их коллега по ведомству народного просвещения Боголепов, варшавский генерал-губернатор Вонлярский, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Чухнин. Убийства продолжались и после подавления революции: последнюю точку в карьере премьер-министра-усмирителя Столыпина поставила не ожидавшаяся со дня на день отставка, а пуля террориста.

Интеллигенция все ожесточеннее критикует власть, требуя конституции и парламента; либералы сплачиваются в мощную кадетскую партию. В борьбу включаются и рабочие, количество забастовок и бастующих стремительно растет. Лев Троцкий приезжает в Петербург в разгар октябрьской стачки. Там он пишет сразу в три газеты общим тиражом до полумиллиона экземпляров, готовит листовки, манифесты, издает печатный орган с хорошо известным ныне названием «Известия»; без конца выступает на митингах и становится лидером революции в столице – заместителем председателя, а фактически руководителем Петербургского совета рабочих депутатов [Карр, 1990: 59]. Жизни этому политическому новообразованию оказалось отпущено 52 дня, на двадцать суток меньше, чем в свое время Парижской коммуне; по меркам всех незаконченных революций – прорывной успех. С ним и официальные власти вынуждены считаться: на протокольной встрече с премьер-министром Витте Троцкий обсуждал порядок проведения траурной демонстрации. Для множества своих

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org сторонников и оппонентов он и есть самый главный социал-демократический вожак. Кстати, именно в эту пору зародилась его идея перманентной революции, на «развенчивание» которой советская пропаганда положила уйму сил и истратила по-глупому прорву средств в собственной стране и во всех уголках мира, не считая разве что Антарктики.

Под конец 1905-го Троцкого вместе с другими членами Совета снова засадили в тюрьму на весь следующий год, а потом сослали на «вечное поселение». Такой приговор – тоже свое рода признание заслуг перед революцией: неудивительно, что при советской власти и питерский эпизод, и его финал будут скрывать от публики даже через много лет после смерти Сталина.

Подождим ситуацию словами Луначарского, которому «повезло» не дожить до торжества сталинизма: «Популярность Троцкого среди петербургского пролетариата ко времени ареста была очень велика и еще увеличилась в результате его необыкновенного картинного и героического поведения на суде. Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905–1906 гг. несомненно показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшими приобретениями в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли в сущности ничего. Плеханов очень многое проиграл вследствие проявившихся в нем полукадетских тенденций» [Троцкий, 1991: 180].

Из этой ссылки Троцкий сумел сбежать еще по дороге в Обдорск, нынешний Салехард Ямало-Ненецкого округа. В 1907-м он участвует в пятом съезде РСДРП в Лондоне, на следующий год начинает выпускать свою газету под очередным прославившимся в веках названием – «Правда». А четыре года спустя, едва заглохло это издание, тут же одноименный орган печати отрос у большевиков, что едва не привело к скандалу. Просто поражает, до чего беспардонно прихватизировали ленинцы буквально все, что бы ни придумал Троцкий, будто совсем не было ума изобрести что-нибудь пооригинальнее – ну хоть газету «Истина», что ли. Вместо этого революционер Ульянов щедро отвешивал революционеру Бронштейну все новые инвективы: «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих» [Ленин, т.20: 320].

Но на ленинскую страсть лаяться ради принципа Троцкий по-прежнему смотрит сквозь пальцы. Больше всего в этот период его, похоже, увлекала литературная работа. Бернард Шоу, высоко ценимый и в стране Советов за свои левые симпатии, назвал Троцкого «королем памфлетистов». И уж эта-то его оценка носила, несомненно, не политический, а сугубо профессиональный характер.

Во время Первой мировой Троцкий – в авангарде ее противников и, как всегда, вызывает на себя огонь публичными выступлениями. В конце концов его депортируют из Франции в Испанию, а оттуда аж в США, где он и встретил февраль. Этот обстоятельство заслуживает особого внимания. Революция, развал империи, массовое дезертирство с фронта – все происходит без него. К маю, пока Троцкий добирался до России из-за океана с множеством задержек и препятствий, демократическая республика уже вступила в фазу необратимого разложения.

Абрек из подполья

Иосиф Джугашвили начинал свою борьбу во многом похоже и примерно в том же возрасте, что молодой Бронштейн – да они и были одногодками. Это потом их пути в революции разойдутся: Сталин, в отличие от Ленина и Троцкого, не прижился в уютной Европе. Здесь, возможно, повлиял еще и веками сложившийся традиционный взгляд кавказцев на «мужские» и «не мужские» дела. А Сталин в этом отношении, несомненно, представлял собою ярко выраженный классический тип. Хотя относить его к «горцам» в чистом виде могут только люди, как тот большой русский поэт еврейского происхождения, совсем не знакомые с местной сложной иерархией «гонора и понта» по оппозициям: горы – равнина; скот – земля; торговля – разбой...

Лет с восемнадцати он начал интересоваться революционной литературой; одолел, как пишут, даже «Капитал». В 1898-м Джугашвили принят в члены

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org Тифлисской социал-демократической организации. Ему это было несложно, поскольку основал группу однокашник, в будущем видный меньшевик Жордания. Покинув семинарию, Иосиф активнейшим образом включается в просветительско-пропагандистскую работу. Солидный уровень познаний – как-никак, восемь лет постигал разные науки – наряду с привитой наставниками в рясах догматической жилкой дают ему неплохую фору на этом поприще. Известен факт, что стихи молодого Джугашвили вошли в изданную в 1916 году грузинскую хрестоматию. Остается вывод, что с годами Сталин серьезно деградировал как литератор. Хотя и это можно объяснить задачами догматики: художественные красоты текста ни в коем случае не должны отвлекать внимание от его генеральной идеи.

В 1900 году – первый привод в полицию. На следующий год Иосифа Джугашвили вносят в списки участников антиправительственной деятельности. Организация демонстраций и подготовка забастовок – это уже шаг в настоящее подполье. В конце 1901 года он, один из признанных лидеров тифлисской социал-демократии, член местного комитета, уезжает в Батум поднимать тамашнюю организацию; налаживает работу подпольной типографии и распространение листовок.

Сразу вслед за этим – первая отсидка, что называется, по полной программе. Условия еще хуже, чем у Троцкого при его тюремном дебюте: в камере нет даже нар, спать приходится на голом полу, и в баню не водят. Здоровье, естественно, портится. Но и здесь Иосиф проявляет мамацоба – боевитость с лидерским духом: он организует протестные выступления заключенных перед посетившим тюрьму экзархом Грузии. В следующей тюрьме, в Кутаисе, тоже устраивает бунт. И наконец, побег из первой ссылки, что далось непросто. В начале 1904 года будущий вождь снова в родной закавказской стихии. Тут появляется его первый знаменитый псевдоним – Коба.

Миха Цхакая – еще один старший однокашник, член «Кавказского союзного комитета» и посаженный отец на свадьбе Иосифа с Екатериной Сванидзе – кооптирует его в этот руководящий орган. Революция совсем близка, энтузиазм противников режима растет, есть деньги для подпольной работы и побегов, появляется оружие и рабочие дружины, готовые его использовать. В Тифлисе и Баку дело доходит до уличных столкновений с войсками и десятков убитых.

У неистового Кобы появляется и другой противник: меньшевики. Они оказались совсем неправильными людьми, потому что открытой схватке предпочли легальную возню. Надо думать, не без дальнего прицела – обособиться как можно сильнее от великих дел и зарыться в своем углу. Однако же по этим причинам они в Закавказье имеют колоссальный перевес над большевиками. На партийной конференции в Таммерфорсе в конце 1905 года Джугашвили принимает сторону Ленина. Тому, надо сказать, приходится непросто, для него в борьбе за лидерство важен каждый штык, особенно с меньшевистского Кавказа.

Так Джугашвили стал фигурой уже не регионального, а имперского уровня. В 1906 году он участвует в Четвертом объединительном съезде РСДРП в Стокгольме. И потом он не раз бывал в европейских столицах – Вене, Берлине. Париже, так что совсем уж темным провинциалом его признать нельзя никак.

Этапы своей борьбы сам Сталин охарактеризовал следующим образом: «ученик (Тифлис), через звание подмастерья (Баку) к званию мастеров нашей революции (Ленинград) – вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества». Действительно, пятнадцать лет Сталин рос пядь за пядью как политик специфического толка, профессиональный подпольщик, чей главный дар – провоцировать власть на насилие, чтобы вызвать взрыв народного негодования. Среди его революционных дел историки любят вспоминать подготовку «эксов», где самым фартовым исполнителем был превращенный при советской власти в легенду Камо. Ни Бронштейн, ни тем более Ульянов в подобных делах самолично не отличились.

Его всё арестовывают, а он бежит снова и снова... На Пражской конференции в 1912 Коба принят в состав ЦК. Вскоре он начинает работать в Санкт-Петербурге над новой задачей большевиков: думской кампанией. И здесь он тоже «эффективный менеджер» – организует забастовку на одном из крупнейших, если не самом крупном предприятии империи – Путиловском заводе, против ущемления прав социал-демократов быть избранными.

Съездив к Ленину в Краков за инструкциями, Коба потом провел три недели в Вене, где его пути впервые пересеклись с Троцким. Именно тем временам

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org принадлежит ленинская фраза, которую смакуют нынешние историки: «Чудесный грузин!». Тогда же Сталин пишет свою первую статью по национальному вопросу; этот интерес станет определяющим на долгие годы. Действительно, кому было и взять на себя эти задачи, как не нацмену, но, что важно, представителю одного из «коренных» народов империи! То, что Сталин сумел застолбить этот участок, оказалось его немалой исторической удачей, принеся простому «революционеру общего профиля» начатки репутации «большого ученого» в конкретных сферах социал-демократической теории.

Вскоре был сформирован новый ЦК из девяти человек, в число которых Сталин входит на первых ролях. Наряду со Свердловым он возглавляет Русское бюро большевистской партии.

Но потом начались большие неприятности. Из очередной ссылки в Туруханский край сбежать не удалось: село Курейка – на самом деле несколько домишек рыбаков и охотников – отделяли от любых населенных мест, где беглец мог бы подкрепить силы и получить помощь, сотни километров безлюдной тайги. Плыть по Енисею против течения пришлось бы не меньше. Понятно, что в такие края и поддержка с воли почти не доходила. Мировая война, казалось, окончательно порушила надежды на скорое освобождение. Так, в нищете, холоде и дикости, Сталин провел почти четыре года, до самой февральской революции.

В целом же, во всяком случае среди тех, кто позже стал активными фигурами Октября, у Сталина мало конкурентов. Конечно, в чем-то помогла удача, но среди большевиков немало было таких, кто и начинал, и отличился на первых порах так же, как он. Но кто сегодня вспоминает о них?

Момент истины наступил в семнадцатом году.

Глава 4

Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством Председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета партия обязана, прежде всего, и главным образом т. Троцкому.

Сталин. «Правда» 06.11.1918 г.

Октябрь начинается в феврале

Февральская революция – первая жертва большевиков. Сначала они ликвидировали ее результаты, затем сделали все, чтобы о ней вспоминали как можно меньше. Ее особое неудобство для господствовавшей идеологии состояло в том, что Ленин, как и во время первой революции, в решающий момент «блистательно отсутствовал» на местах событий. Поскольку на его исключительной роли строилась вся идеология, то любые эпохальные моменты превращались в малозначимые, если вождь не приложил к ним руку. Поэтому советский, а теперь уже и российский обыватель не знает ни основных исторических фактов этого периода, ни его главных действующих лиц – кто, собственно, возглавил первый Петербургский Совет, что за люди были в правительстве, не считая превращенного в злую карикатуру Керенского?

Не удалась и амбициозная попытка А.И. Солженицына, создавшего гигантскую хронику-эпопею «Красное колесо» [Солженицын, 2007], привлечь внимание общества к февральской революции. Он, утопая в фактах, остановился на полдороге – повествование обрывается в апреле 1917-го, задолго до окончательной развязки сюжета. Да могла ли вообще книга, даже будь она завершена, стать предупреждением и уроком для страны накануне очередных великих потрясений? Трудно сказать: история, как известно, учит лишь тому, что ничему не учит. Пророком, во всяком случае, Александр Исаевич не стал – разве только летописцем российских катастроф...

Зато в наши дни эта революция становится жертвой самых плоских и топорных политических актуализаций: так, в дни ее 80-летнего юбилея официальная пропаганда изо всех сил старалась размалевать февраль пресловутым оранжевым колером. (Надо заметить, не без сочувственной помощи того же Солженицына,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org завершавшего жизненный путь. Это, собственно, и были самые последние «поисковые соображения», которые престарелый писатель сподобился оставить истории: о вреде как нынешних, так и всех прошлых демократических революций.) Несмотря на солидарные усилия, единое мнение в обществе так и не сложилось: что тут поминать? Начало конца великой империи? Или, быть может, первый, но не последний, увы, из неудачных опытов «реванша» российской интеллигенции с ее хождением во власть? А вдруг вместо воспетой газетой «Завтра» мифической Пятой Империи здесь случится реальная революция под номером пять?

Не только Ленин, но и другие самые известные «профессиональные революционеры» к февралю оказались абсолютно непричастны. Когда началась революция, Ленин и Троцкий были за границей, Сталин пропал в Сибири за Полярным кругом. В подготовке чего-либо на этом этапе большевики вообще не замечены. Их будущие вожди с изумлением читают в газетах о происходящем и рвутся в столицу, где должно решиться все.

22.01.1917 (9.01 ст. стиля) Забастовка 50 000 рабочих и манифестация в Петрограде по случаю годовщины Кровавого воскресенья

18.02.1917 для предупреждения беспорядков в Петрограде создан особый военный округ под командованием генерала Хабалова, известного участием в подавлении революции 1905 года.

27.02.1917 Открылась сессия Думы. Депутаты потребовали отставки неспособных министров. В Петрограде бастуют 80 000 рабочих.

февраль 1917 Перебои с хлебом в столице.

3.03.1917 Началась забастовка на Путиловском заводе.

8.03.1917 (23.02) В Петрограде многолюдная демонстрация в честь женского дня.

9.03.1917 в столице начались столкновения демонстрантов с полицией. у демонстрантов лозунги «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

10.03.1917 В Петрограде забастовка приобрела всеобщий характер. Казаки не решаются открывать огонь. Вечером царь прислал телеграмму: «Завтра же прекратить беспорядки в столице».

11.03.1917 Войска открыли огонь (150 убитых). Заседания Думы отложены. М.Родзянко отправляет телеграмму в Ставку.

12.03.1917 В Петрограде создан Временный комитет Думы из центристов и умеренных левых. Одновременно Петроградский Совет под руководством Чхеидзе и Керенского начал работать в Таврическом дворце.

13.03.1917 Вышел первый номер «Известий Петроградского совета», что ускорило создание советов во многих областях страны.

14.03.1917 (1.03) Приказом № 1 Петроградский совет призвал солдат избирать комитеты в частях и таким образом поставил армию под свой контроль. Совет выдвигает условия думскому правительству.

15.03.1917 Вместо Временного комитета Думы формируется Временное правительство во главе с князем Г. Львовым: П. Милюков – МИД, А. Гучков – Военмор, А. Керенский – министр юстиции.

15.03.1917 (2.03) Николай подписывает в Пскове Манифест об отречении от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича.

16.03.1917 Великий князь Михаил отказывается принять корону.

17.03.1917 в Киеве образовалась Рада (Центральный совет Украины) под председательством историка М. Грушевского.

18.03.1917 Возобновился выход большевистской газеты «Правда».

19.03.1917 Временное правительство обнародовало программу: амнистия, созыв Учредительного собрания, гарантии политических свобод, продолжение войны до победного конца.

20.03.1917 Восстановлено действие конституции Финляндии.

20.03.1917 Ленин в Цюрихе пишет «Письма издаека», требуя от Совета разрыва с Временным правительством. Советы, как механизм захвата власти, должны выйти из подчинения инициаторов февральского переворота.

21.03.1917 Генерал Корнилов лично арестовал императорскую семью. Генерал от инфантерии Алексеев в Могилеве арестовал Николая II.

25.03.1917 Отменена смертная казнь.

25.03.1917 (12.03) Сталин и Каменев вернулись в Петербург из ссылки.

30.03.1917 Временное правительство признало право Польши на независимость.

2.04.1917 Отмена всех ограничений по национальному и религиозному признакам.

9.04.1917 Под нажимом Совета министр иностранных дел Милюков выпускает воззвание к гражданам России за заключение справедливого мира без аннексий.

7.04.1917 Введение государственной монополии на хлебную торговлю, контроль за иенами, введение хлебных карточек в Петрограде, создание местных комитетов по снабжению продовольствием.

11.04.1917 в Петрограде открылась I Всероссийская конференция Советов рабочих и солдатских депутатов. Избран ВЦИК из меньшевиков и эсеров.

16.04.1917 (3.04) Приезд Ленина, знаменитое выступление с броневика у Финляндского вокзала.

17.04.1917 Ленин выступил перед большевиками с «Апрельскими тезисами».

25.04.1917 Принят закон о свободе собраний и объединений.

Апрель 1917 Из союзных стран прибывают миссии социалистических партий с целью добиться от России согласия на ее дальнейшее участие в войне.

1.05.1917 Милюков направляет союзникам ноту, в которой подтверждает участие России в войне до победного конца и необходимость обеспечить мир на условиях «гарантий и санкций».

1–3.05.1917 Нота П.Н. Милюкова, подтверждающая участие России в войне, вызвала бурные демонстрации с большевистскими лозунгами протеста. Большевики приступили к формированию Красной гвардии.

4.05.1917 Положение о земельных комитетах: образование Главного и местных аграрных комитетов по подготовке аграрной реформы. Столкнувшись с массовым самовольным захватом земель крестьянами. Временное правительство заявляет о необходимости дожидаться созыва Учредительного собрания для принятия правомочных решений.

6.05.1917 закон об образовании заводских комитетов (контроль за увольнением и приемом на работу).

7–12.05.1917 VII Всероссийская конференция РСДРП(б) приняла тезисы Ленина.

12.05.1917 Военный министр Гучков подал в отставку из-за неподчинения ему армии.

15.05.1917 Отставка лидера кадетов Милюкова.

17.05.1917 В Петрограде – Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, на нем главенствуют эсеры. Съезд высказался за безвозмездную передачу помещичьих земель крестьянам.

17.05.1917 Троцкий возвращается в Россию. Со своей группой «межрай-онцев» он сближается с большевиками.

18.05.1917 Образовано новое Временное правительство под председательством кн. Львова, куда входят представители Совета (первое коалиционное правительство). Военный министр – трудовик А.Керенский, министр сельского хозяйства – эсер В.Чернов, министр почт и телеграфов – меньшевик И.Церетели.

А ведь еще 27 февраля императрице Александре Федоровне казалось, что все успокаивается. Даже телеграмму послала супругу. В тот момент, наверное, 99,9 процента подданных империи не сомневались в вечности существования династии Романовых. Вслед за работниками взбунтовались солдаты, но им в голову не приходило требовать учреждения республики. Пять миллионов «верхних» – дворянство, предприниматели, интеллигенция, а также политические маргиналы от Альп до Енисея презирали или ненавидели правящий дом, но и они на перемены не надеялись.

Характерны высказывания Бердяева и Ленина, сделанные совсем незадолго до того. Философ вспоминал: «Приблизительно за месяц до февральской революции у нас в доме один меньшевик и один большевик, старые знакомые, и мы беседовали о том, когда возможно в России революция и свержение самодержавной монархии. Меньшевик сказал, что возможно, вероятно, не раньше чем через 25 лет, а большевик сказал, что не раньше, чем лет через 50» [Бердяев, 1992: 227]. Последнее, что публично заявил Ленин перед революцией и что документально зафиксировано в его сочинениях: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [Ленин, т. 30: 328]. Слегка перефразируя Булгакова, можно сказать: государство смертно, и иногда оно внезапно смертно. Про это почему-то забывают сплошь и рядом.

Но уже в первые мартовские дни в столице куда-то подевались все умеренные

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org лоялисты. Даже великие князья нацепили красные банты и выражали радость по поводу крушения самодержавия. Совсем как 74 года спустя, когда ни один коммунист из официально состоявших на учете восемнадцати миллионов не встанет на защиту ЦК на Старой площади или памятника Дзержинскому. «Прозрения», причем в любую сторону, происходят порой на удивление быстро. Через год-другой Бердяев будет, посыпая голову пеплом, писать о Феврале: «Русская революция оказалась судом не только над политикой и деятелями старого режима, но и над той частью русского интеллигентного общества...» [Из глубины, 1991: 35]. Вот и сегодня кто только не рвется плюнуть в кошмарные, лихие девяностые.

Февральская революция была зачислена в разряд буржуазно-демократических, то есть с марксистской точки зрения – неполноценных. Все годы советским людям рассказывали, что она стала закономерным итогом бесславного правления паразитических классов во главе с Николаем Кровавым, вдобавок погрузившимся под конец в маразм распутинщины. Популярное кино на историко-революционные темы рисовало такие веселые картинки: будто бы ранней весной 1917-го началась борьба между плюгавыми козлобородыми человечками с еврейскими чертами лица – Керенским, меньшевиками, эсерами, в общем, выразителями мелкобуржуазных интересов – и суровыми, мужественными пролетариями славянской внешности, которые все как один внимали большевикам. Лишь в хрущевскую оттепель и в брежневские квазилиберальные времена на экране стали появляться бравые, породистые, даже явно сексапильные белые офицеры: Стриженов («Сорок первый»), Ивашов («Неуловимые мстители»), Соломин, Стрельчик («Адьютант его превосходительства»); в новом тысячелетии галерею дополнили такие «шедевры» гламура, как фильм «Адмирал» и ему подобные. Но меньшевики с эсерами, похоже, так и остаются карикатурными. А как иначе – они же мелкобуржуазные. Очень может быть, что и на отношение к современному малому бизнесу бросил тень этот киношный взгляд.

Но как выглядело на самом деле пресловутое двоевластие? В нем сразу выделились два политических органа – Временное правительство и социалистический, вне всяких сомнений. Совет рабочих депутатов. Называть правительство первого состава «буржуазным» вслед за Лениным довольно опрометчиво: в нем безусловно доминировали кадеты, партия либерально-интеллигентского генезиса.

Да и сам советский штамп «двоевластие» мало соответствовал действительности на первых порах. Скорее можно говорить о некотором подобии классического разделения властей: правительству, по замыслу, должны были принадлежать исполнительные функции, а Совет определял легитимность и правовые основы власти. Очень схожим по своей природе оказался конфликт Верховного Совета с президентской вертикалью в 1993 году: тогда, как и в начале века, причиной паралича всех властей и кровавых стычек стала потеря шаткого (но проектировавшегося на изначальном верных основах) баланса. Только на сей раз победила другая ветвь, однако в исторической перспективе кончилось все, увы, одинаково скверно. Кстати, и попытку Павла Милюкова учредить конституционную монархию нельзя признать в принципе ни «антидемократической», ни даже, как показывает дальнейший опыт многих европейских стран (а заодно такой заморской экзотики, как Непал!), абсолютно противоречащей идеям социализма. Умный и образованный лидер понимал весь комплекс проблем, связанных с легитимацией власти после революций. Большевики в подобные нюансы вовсе не вдавались; не вина Милюкова, что в здешних условиях победила «смесительная простота».

Затем во Временном правительстве преобладали социалисты разного толка. Шестого мая они формируют самую большую партийную фуппу: шестеро министров из пятнадцати; к ним, как отмечает Милюков, примкнула и часть правых. Попытки кадетов и социалистов выполнить союзнические обязательства – довести войну до победного конца – тем более не связаны с «буржуазностью», скорее это был обычный здравый смысл. Недаром тот же Милюков впоследствии назвал одну из глав своих мемуаров совершенно на «большевистский» лад: «Буржуазная власть подчиняется целям социализма» [Милюков, 2001: 52]. В апреле в войну на стороне Антанты, изменив своей привычной отстраненности от европейских дел, вступили США. Соотношение ресурсов у воюющих сторон становится слишком очевидным, поражение Германии – неизбежным. Если бы Россия сумела выстоять до конца, не заключая сепаратный мир, какие возможности открывались тогда перед нею? Вероятно, даже милюковская идея-фикс насчет турецких проливов показалась бы не таким абсурдом. Эти проливы и впрямь совершенно бесполезны, покуда Британская империя, «державшая на замке» Гибралтар и Суэц, продолжает вести себя как давний

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
геополитический соперник и противник России. Но на волне энтузиазма после общей победы и этот устоявшийся расклад мог, более того, обязан был серьезно измениться. В такой «альтернативной истории» у будущей России нашлись бы, вполне возможно, куда более тонкие инструменты и для соперничества, и для дружбы, чем боекомплект из вырождающихся идеологий и ужасных, но бесполезных по большому счету ракет. Так что большевистские инициативы, равно с точки зрения национальных интересов и соображений гуманности, ничего позитивного не несли. Да и позже... ну что, Россия-мать, помогли тебе твои немцы и твои турки? И «мир народам», а уж особенно «земля крестьянам».

Через месяц, в июне правительство возглавляет социалист Керенский. Глядя на тогдашние экономические новации – разверстки, фиксирование цен, назревавшую госмонополию, нетрудно понять, что февральская революция была социалистической никак не в меньшей степени, нежели демократической. Убедительная победа партии социалистов-революционеров на выборах в Учредительное собрание только подтвердила социалистический характер февраля.

Жизнь распорядилась по-другому: главной («Великой») социалистической революцией была объявлена октябрьская. Исключительно из-за роли, которую сыграли в ней Ленин, Троцкий, Сталин и другие вожди победившего большевизма. На самом деле события поздней осени 1917-го стали просто логическим продолжением всего того, что происходило в России в предыдущие, как минимум, полвека. Да и не случалось за всю историю ни в какой стране двух революций в один год. Чаще наоборот, одна и та же по сути революция длится много лет, а отдельные перевороты, смены власти происходят то и дело «внутри» нее.

Из будущей троицы первым доехал до Петрограда Сталин вместе с Каменевым; это произошло на десятый день после отречения Николая. Эти двое в тот момент представляют все высшее руководство большевиков и ведут себя соответствующим образом. Они – заслуженные революционеры, ветераны двадцатилетней борьбы, только что завершившейся так эффектно. Сталин и Каменев приходят в Таврический дворец, встречаются с редакцией «Правды» и, естественно, становятся во главе. С этого времени и фамилия Джугашвили, и разбойничья кличка Коба уходят в прошлое: остался только Сталин – стальной человек.

Из маргинальной партии большевики превращаются в заметную силу: на выборах во ВЦИК пару месяцев спустя – около 15 % мест! Впрочем, у Сталина, Каменева и других соратников хватает здравого смысла не лезть на рожон, претендуя на полноту власти. С одной стороны, бывшим ссыльным уже живется вполне себе неплохо. С другой, все в стране разваливается, и требовать власти сейчас – значит думать и об ответственности. Впрочем, вскоре июльские события, когда низовые большевистские структуры подталкивали массы к выходу на улицы, а партийные верхи не знали, как на это реагировать, покажут слабость любых «умеренных» подходов в дни революций.

Участие не важно для победы

Показательно, что в массовом сознании бывших советских людей Сталин воскресает сегодня именно таким, каким он, несомненно, всегда желал видеть себя сам – всесильным Верховным главнокомандующим образца середины века. Что и как он делал в далеком 1917 году, почти никого уже не интересует, кроме нескольких особенно дотошных историков.

О Ленине и подавно говорить не приходится. Читая тексты, написанные его рукой, и партийные документы того периода, не говоря уже о мемуарах противников, трудно не то что понять преимущества большевиков над другими политическими силами, но даже определить четкую линию его поведения. Умел ли вождь предвидеть ближайшие или более отдаленные события, был ли он умелым организатором или ярким теоретиком? Показал ли себя сильным тактиком или стратегом; формировал ли он последовательную программу и воплощал ли ее в жизнь? Самый же главный вопрос: бывают, как известно, ситуации, в которых участие важнее победы; но как стала возможна победа без участия?

Итак, революции Ленин явно не ждал, перспектив ее не видел и уже перестал надеяться на перемены. Экономическое положение в стране и ситуация на

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org фронтах были далеки от катастрофы: немцы вели тяжелейшие бои на Западном фронте, им было не до России. Наконец-то наладилось производство военного снаряжения и оружия. И продовольствия пока хватало, хотя в политическом лексиконе уже появилось понятие «продразверстка». В прямой связи с этим закономерно распространились конспирологические домыслы: мол, некто Парвус (люди специфически образованные, как-то: филологи, медики, юристы и прочие ботаники могут еще припомнить, что это погоняло переводится с латыни как «малый», то есть лингвистически оно родственно и мелкобуржуазности, и меньшевизму, и само собой, «малому народу»), на самом деле Гельфанд, патрон Троцкого и предполагаемый соавтор идеи перманентной революции, организовал «пожертвование» от германского Генштаба, которое и позволило Ленину победить. Как выражаются в наши дни – отпиарив кого следует и проплатив всех, кого надо.

Вдумаемся: речь идет о сумме в 30 миллионов марок. Конечно, самые малые средства можно так распределить по важнейшим направлениям и ключевым точкам, чтобы КПД оказался максимально высок; нередко такое действительно приносило успех. Но все равно: по пять немецких денежек с полтиной на душу населения Российской империи – не маловато будет?

Павел Милюков описал один эпизод противоположного, «патриотического» свойства: летом 1917-го, во время выступления Корнилова в столицу отправили денег для организации действий офицеров против Временного правительства. И ничего. Деньги разворовали, никто никуда не выступил... Если же вспомнить все средства и ресурсы, полученные белым движением из-за границы, вопрос отпадет сам собой – выходит минимум раз в сто больше, чем ленинские «тридцать сребреников» по официальным данным Временного правительства. И люди на той стороне были, как сейчас принято думать, получше – умнее, честнее, благороднее. А пролетели со свистом.

Или вообразим на минуту, окунувшись в мир пропагандистских сказок: сегодня какая-нибудь мировая закулиса даст Каспарову с Немцовым 30 миллионов долларов (да пусть хоть и вдесятеро больше) и предложит – с учетом уже имеющегося опыта – повторить девяносто первый год. Чтобы, значит, снова поставить Россию на колени и превратить ее в колонию Запада, а русский народ в рабов. Ничего, конечно, не получится, но совсем не потому, что народ этот в данный момент так уж прочно стоит на ногах и блаженствует с утра до вечера, вкушая дары суверенной демократии. Просто подавляющее его большинство никаких революций уже не жаждет, а доводы активных противников режима массы вовсе не воспринимают. Деньги же закулисные растащат в момент, и следов не останется, как было с огромными средствами, бездарно потраченными за пятнадцать лет на избирательные кампании либералов. Как тот же Парвус в свое время умыкнул у Горького.

«Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (Еккл., 1, 7). В 1917 году русские свергли царя – дюжину лет спустя воздвигся новый «престол», на который сел другой абсолютный властитель. В 1991-м доломали прежнее государство – через тот же заклятый срок новая вертикаль с выборами «из одного арбуза». Да ведь и в Древнем Риме институт императорской власти, начиная с Юлия Цезаря, еще много лет продолжал именоваться *res publica*. Вулкан созревает долго, но взрывается всегда внезапно, и тогда лава все сметает сама.

Так же неожиданно для Ленина разразилась десятилетиями назревавшая революция. Послания, которые он принялся отправлять в Петроград, на местных деятелей особого впечатления не производили – их, скорее, воспринимали как свидетельство непонимания ситуации. Между тем советская пропаганда была обязана представлять как можно убедительнее его решающее участие в подготовке к захвату власти. В результате почти каждому советскому человеку, хотел он того или нет, вбили в голову определенную схему. Дважды ее подвергали корректировке: в 1930-е, когда «революцию сделали Ленин и Сталин», и в 60-е, когда последний был временно отстранен от «животворных истоков». Мы же постараемся зафиксировать вещи объективные.

Факт первый, имеющий принципиальное значение – проезд гражданина России из Швейцарии кратчайшим путем через Германию, то есть территорию противника в войне. Официальная идеология скрыть этот факт никак не могла, но всячески старалась умалить его значение. В «допущенной» литературе и в кино он никак не отражен. Ведь потом была еще и Великая Отечественная, и на фоне этой памяти самая невинная добровольная сделка с рейхом, неважно, третьим или

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org вторым, сразу приобретала вкус предательства. Это насчет сделок «вынужденных», будь то Брестский мир или пакт Молотова-Риббентропа, появились оправдательные теории, но в 1917-м у Ленина выбор явно был. Потому plombированный вагон стал самым слабым местом в этой пропаганде, и клеймо не стирается более 90 лет. Однако с тактической точки зрения это один из первых по-настоящему сильных, нестандартных ходов политика Ульянова. Через месяц после отречения царя Ленин оказался в политическом центре России и смог включиться в процесс, когда еще не все ниши были заняты. А если бы добирался окольными путями, как пришлось тогда же Троцкому, и явился бы в Россию не перед ним, но вдогонку, как вышло в 1905 году?

факт второй: «Апрельские тезисы». Вернувшийся издали эмигрант, что называется, с порога осудил однопартийцев за сотрудничество с «капиталистами» и потребовал немедленно брать власть. Это хорошо известно всем, кто учился в советское время. Тоже ключевой и неожиданный даже для ближайших соратников ход. Во всяком случае, «Правда» напечатала через несколько дней, что «общая схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую» [Троцкий, 1997: 307]. Видный деятель февраля Николай Суханов, бывший масон и эсер, а затем меньшевик, чью роль советская история вовсе игнорировала по этим причинам, заострил вопрос: дескать, как и чем ухитрился Ленин одолеть своих большевиков? Ответ его был вполне советский, но и антисоветский в то же время: «Гениальный Ленин был историческим авторитетом – это одна сторона дела. Другая – та, что кроме Ленина, в партии не бывало никого и ничего, несколько крупных генералов – без Ленина – ничто» [Троцкий, 1997:315].

Понятно, что Суханов, один из реальных организаторов революции, оценил политических оппонентов не без доли легкомыслия. Автор семитомных «Записок о революции» ухитрился и Сталина не заметить в ее первых рядах; а в последующую эпоху подобные промахи обходились очень дорого. Расстреляли его, однако, только в «спокойном» 1940 году, после почти десятилетней ссылки в Омск.

Вообще, противники Ленина после его первого выступления в Совете расслабились: «Человек, говорящий такие глупости, не опасен. Хорошо, что он приехал: теперь он весь на виду... Теперь он сам себя опровергает!» [Милюков, 2001: 77].

Может, «крупные генералы» большевизма и не представляли собой ничего выдающегося, но младший командный состав был опытен и решителен. «Неизмеримо более действительной в этот последний период перед переворотом была та молекулярная агитация, которую вели безымянные рабочие, матросы, солдаты, завоеывая единомышленников поодиночке, разрушая последние сомнения, побеждая последние колебания. Месяцы лихорадочной политической жизни создали многочисленные низовые кадры, воспитали сотни и тысячи самородков» [Троцкий, 1997, т.2, ч.2: 71].

Но можно ли считать ленинские действия, приведшие к победе, плодом здравого расчета? В его личной хронике двух революций скорее может броситься в глаза смесь авантюризма с элементарным невежеством. Война продолжалась; переговоры, которые большевики вели после 7 ноября с германскими военными, наглядно показали, что сколько-нибудь обдуманных планов у Ленина не было. Предложи он чуть раньше отдать захватчикам «ради удержания власти» половину обжитой европейской части бывшей империи: помимо обособившихся явочным порядком Польши и Финляндии, еще Украину, Белоруссию, Прибалтику, Закавказье, четыре крупнейших города из шести, не тронутых немцами – тогда его вообще никто бы не поддержал! В это время Ленин не только желает внушить, но и сам явно убежден, что государственное управление – дело простое, им и кухарка сможет заниматься. Банк для него инструмент счетоводства, а не важнейший институт современной экономики. Высшим образцом организации производства Ленин считает почту как структуру, охватывающую сразу всю территорию страны. А за меру всех вещей вождь принимает Германию с ее жителями, на которых русские, как он неоднократно сетовал потом, совсем не похожи – «плохие работники». Если это и популизм, то довольно странный. Впрочем, откуда Ленину было приобрести необходимый опыт, если он за долгие годы вне России не проработал и дня ни в одной административной или хозяйственной структуре.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
В сферах публичной политики Ленин обращался около двух месяцев: с апреля примерно до конца июня 1917-го, и перед массами выступал нечасто. Какие организационные мероприятия он провел, какие кадровые назначения сделал в этот срок? Активнее всего промывал мозги ближайшим соратникам: брать власть и точка! Но и это было само по себе непростой задачей. Десятилетиями советская пропаганда поливала Каменева и Зиновьева за соглашательство и предательство. Человек любознательный не мог не задаться каверзным вопросом: до последних дней жизни Ленина двое «штрейкбрехеров», чуть не погубившие вождя, оставались его первыми приближенными, занимали важнейшие посты. Почему же Ильич проявил к ним такое великодушие?

Да потому, наверное, что их грех был не самым большим. Поступки Зиновьева и Каменева не противоречили не то что никаким «установкам», но и простому здравому смыслу. Тот самый Виктор Ногин, кому «повезло лишь со станцией метро», из-за эсеровского вопроса расплевался с первым составом Совнаркома вскоре после его формирования. Милютин и Рыков также не относились к энтузиастам немедленной диктатуры, и Томский с Володарским проявили колебания. Ленин благоразумно не стал продолжать борьбу с явившимся на сцену Троцким: этот противник превратился вдруг не только в главного, но чуть ли не в единственного союзника. А в самом начале, в апреле вообще никто из ленинской команды не принял и, вероятно, даже не понял его «Тезисов»; лишь к октябрю ему удалось заставить большинство ЦК согласиться с идеей захвата власти. Потому что в этот момент все и так видели, что власть «валяется под ногами»: вчерашний прожектор оказался подлинным реалистом. Правда, уже не единственным, а одним из многих – но самым, так сказать, апробированным: вот видите, он еще когда об этом твердил...

Теперь мы смогли убедиться воочию, какими бывают популисты и чем они умеют увлечь массы за собой. Вот примечательное воспоминание из дней нашего «второго февраля» (кстати, и на календаре 1991 года было, сдается, как раз начало марта). Несколько заводил политического карнавала неформалов получили приглашение выступить не где-нибудь, а в Высшей партийной школе с презентацией своих программ. Бывший узник карательной психиатрии, ныне покойный Лев Убожко оказался неважным спонсором, и через пару минут его буквально согнали с кафедры. Старательные разъяснения сопредседателя одной из двух некадетских партий (не той, что была «за проливы», а той, что за свободы: у них и во втором издании обнаружилась похожая расстыковка), отчего буржуазная демократия рациональна и в конечном счете выгодна всем гражданам, аудитория подытожила вежливыми хлопками. Зато после трескучего, по обыкновению, спича Жириновского, где время от времени удавалось разобрать нечто о державном величии и о силе власти, солидные мужчины толпились с вопросами в кулуарах, не сводя с оратора горящих – без преувеличения – глаз...

Больше того: через пару лет, после выборов в первую новую Думу, «Известия» опубликовали письмо читателя из Тулы. «Жириновский победил одной фразой, когда сказал несколько слов в защиту русского народа, – говорилось в нем. – Заступился во всеуслышание за русскую нацию не больше чем на словах, но эффект получился отменный. Я, простой русак, тоже голосовал за Жириновского и только за то, что он впервые сказал правду про русский народ».

Но на самом деле далеко не так наивен был «простой русак», а очень даже проницателен. Ибо дальше он сообщал вот что: «Достаточно Жириновскому получить пост президента, и он тут же забудет о «своих русских», которые его могут возвысить по своей природной слепоте и дурости».

Ну и как прикажете понимать? Думал человек одно, безукоризненно рациональное – сотворил совсем другое, импульсивное до нелепости.

Справедливости ради надо признать, что Владимир Вольфович на порядок ярче своего тезки Ильича – он разнообразнее, артистичнее, его хамство бывает местами даже остроумным, а прогнозы насчет здешней действительности сбывались неоднократно. Ленин же был «прост как правда», как говорится, проще некуда. Вся его политика во время революции основывалась на двух моментах: во-первых, непрерывном вдалбливании истин, что действующая власть плоха и надо ее брать самим, во-вторых, на категорическом отказе от любых компромиссов, если только они не способствовали первой задаче (так вышло с новым союзником Троцким). Никакого лукавства здесь не было – Ленин сам верил во все, что он говорил. Это «недомыслие», однако, в конце концов идеально сошлось с чаяниями народа, для которого самым важным были земля и мир. Другое дело, что в итоге воделенные блага оказались, совсем по

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org Бердяеву, «не реальностями и не существенностями», а плоскими бумажными ярлыками, виртуальными обозначениями мира и земли.

Результатом трехмесячного ленинского руководства большевиками в Петрограде стал разгром неизвестно кем, непонятно как организованного выступления полков и заводских партийных ячеек. Ленина заклеили как немецкого шпиона, многие активисты оказались в тюрьмах, центр управления – особняк Кшесинской был потерян, газеты в большинстве закрыты. Кстати, самого Ленина в те дни вроде бы и не было в столице – в очередной раз он не контролировал ситуацию, а возможно, и не понимал ее. Правда, партия за это время серьезно усилилась, численность ее выросла чуть ли не на порядок.

Полученный шанс был сполна использован позже. И неважно то, что Ленин на самом-то деле видел совсем не далеко, вовсе не на много лет вперед. Будь он пророком какой-нибудь настоящей религии, мог бы сослаться на откровение с небес. Но сошло и так. В любом случае, рационального обоснования для лозунгов у вождя не было. Не зря говорил Ираклий Церетели, что «нет такой партии, которая могла бы взять на себя ответственность». А заявление Ленина: «Есть такая партия!» – большинство восприняло, как эпатажный жест, как у нас пару лет назад наблюдали за выходками еще не остепенившегося и не присмирившего Жириновского.

Зачем Ленину все это было нужно? Понятно, что он ненавидел государство, с которым до того безуспешно боролся четверть века. Но для чего «от имени пролетариата» поливать грязью многих и многих приличных, умных людей, с которыми вроде бы было гораздо полезней договориться по-хорошему? Ближайший ленинский соратник Каменев – не потомственный дворянин, а сын еврейского рабочего, выучившегося на инженера – такое умел; он вообще проявил себя куда большим интеллигентом. Даже Максим Горький, единственный из всемирно известных русских писателей, кто много лет поддерживал, чем мог, большевиков (из-за этого пришлось скрываться за границей; правда, «изгнание» на итальянском острове Капри оказалось и душеприятным, и творчески плодотворным), – даже он в «год двух революций» едва не проклял вождя-учителя.

Возможно, вся суть была вот в этом «от имени» да еще в кое-каких особенностях национального темперамента. Вроде бы революционеры трудились над одним общим делом, придя к нему примерно одинаковым путем, со схожими мотивами. Но если молодой Бронштейн объединяет в себе все задатки Иосифа Флавия (который, как известно, прежде чем переквалифицироваться в исторического писателя, побывал военным командиром, а затем стал предводителем мятежников); если Джугашвили на первых порах действует в согласии с нехитрым и в то же время бесконечно сложным кодексом «правильного абрека», то Ульянов – единственный в троице выходец из самой что ни на есть «центральной» среды – после первых житейских неудач сам себя загоняет в профессиональные маргиналы, целенаправленно опускаясь на дно жизни. Пускай это было далеко не горьковское «дно», но двуногих крыс в том углу имперского подполья, что Ленин облюбовал для себя одного, водилось никак не меньше. В результате симпатии у натур одухотворенных он не вызывал, с творческими людьми, за единственным исключением того же Горького, вовсе не был связан. Даже при советской власти, старательно избегавшей грубых неприличий в своих летописях, широко была известна его фраза: «Интеллигенция – это не мозг нации, а говно». Вскрытие показало, что серьезные проблемы с мозгом, по крайней мере в последние годы жизни, имелись у самого Ильича. Вероятно, только поэтому до изысков вроде: «В туалете поймал, в сортире замочил» или: «Я порекомендую сделать операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло», – он так и не поднялся.

Кажется, самый верный ключ к пониманию этого человеческого типа дают записки известного французского историка Пьер-Клода Дону, ставшего одним из соавторов Конституции 1795 года. Будучи брошен в тюрьму за принадлежность к жирондистам, он ожидал смерти со дня на день – и тут узнал вдруг о казни своего главного преследователя. По горячим следам Дону набрасывает психологический портрет тирана.

«Желчный темперамент, узкий кругозор, завистливая душа, упрямый характер предназначали Робеспьера для великих преступлений. Его четырехлетний успех, на первый взгляд, без сомнения, удивительный, если исходить лишь из его посредственных способностей, был естественным следствием питавшей его смертельной ненависти, глубокой и неистовой зависти. Он в высшей степени

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org обладал талантом ненавидеть и желанием подчинять себе. В своих мечтах о мести он был полон решимости покарать смертью всякую рану, нанесенную его чувствительному самолюбию; и чтобы тайное ощущение неполноценности перестало разрушать иллюзии, созданные его самолюбием, он хотел бы остаться лишь с тем, кого считал неспособными себя унижить. С лавных пор он изменил значение слова «народ», приписав наименее образованной части общества свойства и права общества в целом. Вот в каких словах он без конца превозносил справедливость и просвещенность народа: никому не дозволено быть мудрее, чем народ; богачи, философы, писатели, общественные деятели были врагами народа; революция может закончиться лишь тогда, когда больше не станет посредников между народом и его истинными друзьями... И вот из этого народа Робеспьер сделал божество, из революции – предмет фанатичного поклонения, верховным понтификом которого стал он сам; жреческий пафос был наиболее выразительной чертой его убогих писаний...» [Menard, 2001: 85].

Реалии той Великой революции закономерно перекликаются с образами революции русской. Не то Куприн, не то Струве – разные источники расходятся на этот счет – назвал Ленина «думающей гильотиной». Метафора подходит и многим соратникам: любопытно, что очень похожее определение для излюбленного типа героев польского писателя Генрика Сенкевича придумал задолго до революции кто-то из собратьев по перу. На их языке, в данном случае понятном без перевода, – *sentymentalna gilotyna*. Феликс Дзержинский, в ранней юности бывший ревностным католиком и патриотом Речи Посполитой, почти наверняка зачитывался тогда историческими романами Сенкевича. Не с этих ли персонажей родной литературы – вкуче с фигурой реального вождя – он потом и «делал жизнь»?

Но по крайней мере в отношении Ленина подобные сравнения выглядят чересчур лестно, равно по части мышления и сложности механизма. Он сработал скорее как плуг, перевернувший залежалые сверх меры пласты российской истории. Или как топор, которым общество рубануло с маху по гордиевым узлам своих противоречий.

Преувеличенными кажутся и утверждения, будто Ленин рвался к власти как таковой, ради нее самой. Он, похоже, так и не сподобился узнать ее и понять. Наглядней всего об этом свидетельствуют предсмертные записки, так называемое завещание. После шестилетнего опыта верховного правления – какой-то Рабкрин, кооперация, «служебные характеристики», розданные соратникам на будущее, когда его самого не станет... в общем, ахинея полная. По-видимому, вся ленинская борьба за власть была лишь сильно запоздавшим самоутверждением. Впрочем, самые важные перемены в поли гике нередко достаются осуществить людям недалеким: они хуже представляют последствия своих действий, меньше боятся ошибиться и потому чаще других попадают в цель кратчайшим путем.

«Слишком умная» интеллигенция, либеральная и социалистическая, таких решений найти не смогла. Последнюю точку в ее революционном провале поставил конфликт Керенского и Корнилова.

Мат в два хода

Троцкий выделяется из всей троицы вождей еще и тем, что оставил потомкам собственное описание своих действий в революцию в нескольких книгах, интересных по фактуре и незаурядных по стилю. Разумеется, его представления о 1917 году субъективны, окрашены марксистской мифологией – идеями всемирной миссии пролетариата, классовым подходом. Но сравнение с другими независимыми источниками, например, с фундаментальными работами Милюкова, позволяет признать его сочинения достаточно объективными, в том числе по отношению к политическим оппонентам и к врагам уже из другого, более позднего времени. Что же до официальной советской истории, то ее догмы по сравнению с опусами Троцкого смотрятся не просто тупым, а очень тупым орудием.

Во время Первой мировой войны от неудобного политика-эмигранта последовательно избавляются Франция, затем Испания; наконец, он застревает на другом берегу Атлантики. Из США известного противника войны тоже долго не хотели выпускать в Россию. Однако скандал вокруг интернированного борца с самодержавием подействовал ему на пользу, и хотя эпопея длилась два месяца, по большому счету Троцкий не опоздал, вернувшись в ореоле новой

В Петрограде Троцкий не стал проситься в ряды большевиков, но сам сделался центром притяжения для многих видных людей: Луначарского, Урицкого и других. Он без передышки выступает на митингах – с позиций, неотличимых от ленинских. Позже Троцкий писал, что это не ему, а наоборот, Ленину пришлось ревизовать свои взгляды, и теория перманентной революции стала концептуальной базой для дальнейших действий. С объективной точки зрения выглядит и впрямь весьма правдоподобно. Притом и Троцкий, и Ленин почему-то были абсолютно уверены, что революция вот-вот произойдет во всей Европе; только благодаря этому станет возможным построение социализма в слаборазвитой России.

Решающим шагом к примирению бывших оппонентов стало заявление Троцкого по поводу июльских событий, когда он резко выступил против обвинявших большевистского вождя в шпионаже в пользу Германии (и тем самым спровоцировал собственный арест). Удивительный пример то ли фанатической веры в свою звезду, то ли былого идеализма «интеллигентской» российской политики: человек фактически добровольно, без всякой необходимости пошел на серьезный риск и отправился за решетку ради простой справедливости. Правда, тюрьма была «все еще та», и пребывание в ней не помешало Троцкому ни распространять свои статьи, ни даже прямо руководить соратниками. По выходе он особенно сближается с «межрайонцами» – группой социал-демократов, которая еще в 1913 году окончательно отказалась признавать раскол партии на большевиков и меньшевиков, что совпадало с позицией самого Троцкого.

Между тем большевики отступали под натиском правительства. Ленин прятался его одиннадцать дней, с 6 июля аж до самого 25 октября. Спасли их, как ни парадоксально, Керенский с Корниловым, чей конфликт привел к общественной реабилитации большевиков. Собственно, только благодаря этому они и становятся наконец «настоящими» носителями своего имени, получив вождьленное большинство в Петроградском и Московском советах. Столичный совет возглавил Троцкий. В России, привыкшей к жестким вертикальным конструкциям, этот факт становится определяющим. Ленин из подполья шлет указания, которые зачастую попросту игнорируются адресатами: одно из его писем отважные борцы даже единогласно постановили сжечь. (Ленинский) ЦК в тот момент совсем не рвался к власти. Вождь непрерывно давит на соратников, даже пытается угрожать отставкой. Не помогло и это. Тогда Ленин апеллирует к рядовым членам партии, и там его радикализм находит больше понимания. Главным же проводником его линии становится Троцкий, шаг за шагом выстраивающий собственную тонкую и эффективную политику.

Троцкий создает при столичном Совете Петроградский Военно-революционный комитет. В условиях продолжающейся войны и революции – вроде бы название вполне нейтральное. Действительно, официальными задачами комитета считались установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу, поддержание контакта с комиссарами при штабах Главкома армий Северного фронта, Центробалте, с гарнизоном Финляндии, штабом округа; точный учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и окрестностей, предметов снаряжения и продовольствия; меры по охране столицы от погромов и дезертирства; поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины и так далее. Фактически же этот орган и стал по-настоящему действенным инструментом для захвата власти большевиками.

Состав и структура ПВРК, окончательно сформированного лишь за несколько дней до октябрьского переворота, неоднократно менялись. Основными подразделениями были штаб во главе с Н.И. Подвойским, В.А. Антоновым-Овсеенко, Н.В. Крыленко, бюро комиссаров (М.И. Лацис), отделы: вооружения (А.Д. Садовский и В.В. Фомин), снабжения и продовольствия (Н.А. Скрынник, Д.Г. Евсеев), печати и информации (В.А. Аванесов), агитаторский (В. М. Молотов), справочный стол и отдел внутренних и внешних связей (Ф.И. Голошекин), приема донесений (П.Е. Лазимир), следственно-юридический (П.И. Стучка), медико-санитарный (М.И. Барсуков), автомобильный (В.М. Юдзентович, И.В. Балашов), секретариат (С.И. Гусев). Все эти люди, прошедшие школу Льва Давидовича, впоследствии играли немалую роль в политике Советского государства.

О том, как строилась работа Военно-революционного комитета, его руководитель вспоминал: «Там сосредотачивались все сведения о перемещениях войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о замыслах

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org погромчиков, о происках буржуазных политиков и иностранных посольств, о жизни Зимнего дворца, о совещаниях прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, солдаты, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга. Жены мелких чиновников... В течение последней недели я уже почти не покидал Смольного, спал урывками, пробуждаемый курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и непрерывными телефонными звонками».

Ключевым моментом стала попытка Временного правительства начать вывод войск Петроградского гарнизона. ПВРК фактически отменил это решение, что вполне отвечало настроению солдат, не желавших идти на фронт. За каких-то два дня комитет сумел, используя ситуацию, лишить правительство поддержки всех воинских частей. Опыт имелся: точно так же действовал еще в марте сформированный тогда Совет рабочих и солдатских депутатов. В этой ситуации относительно небольшие отряды красногвардейцев могли беспрепятственно решать задачи, которыми бредил Ленин – взять под защиту редакции газет, органы советской власти, захватить почту и все прочее. В столице и вблизи ее находились более 20 тысяч офицеров. Но непосредственно в распоряжении Временного правительства были лишь несколько юнкерских училищ, вся остальная потенциальная сила оказалась неиспользованной. В июле правительство спасли казаки; сейчас и они равнодушно смотрели на происходящее. Потому не потребовалось ни баррикад, ни уличных боев. Однако члены правительства вели себя мужественно и оставались на посту до ареста. Все они были незаурядными людьми, пытавшимися спасти страну и демократию. Родина их предала. То был, конечно, не самый первый, но один из решающих шагов на ее бесконечном пути предательства Свободы и Разума.

О логике своих действий Троцкий довольно цинично пишет: «Нападающая сторона почти всегда заинтересована в том, чтобы выглядеть обороняющейся. Революционная партия заинтересована в легальном прикрытии. Предстоящий съезд Советов, по существу съезд переворота, являлся в то же время бесспорным для народных масс носителем если не всего суверенитета, то, по крайней мере, доброй его половины. Дело шло о восстании одного из элементов двоевластия против другого. Апеллируя к съезду как источнику власти, Военно-революционный комитет заранее обвинял правительство в том, что оно готовит покушение на Советы». Троцкий, по существу, успешно легитимировал новую власть, пользуясь фактом, что Советы были избранным органом, а Временное правительство таким мандатом не обладало. (Стоит отметить, что и официальные полномочия четвертой Государственной Думы заканчивались как раз в октябре.) Точно так же понимал ситуацию Милюков: «Вероятно, таков и был первоначальный план Троцкого: подготовившись к борьбе, поставить правительство лицом к лицу с «единодушной волей народа», высказанной на съезде, и дать, таким образом, новой власти вид законного происхождения» [Милюков, 2001:662].

При этом Троцкий постоянно говорит о решениях предстоящего съезда Советов как будущей законной инстанции; получается, что не ЦК партии большевиков, а Петросовет готовит смену власти – совершенно законными средствами. И на самом деле вовсе не нелепый захват телефонных коммутаторов, телеграфных аппаратов и мешков с письмами, на чем маниакально настаивал Ленин (и что так любили показывать в советских фильмах), был главным в большевистской революции. Определяющую роль сыграли действия выборного органа – Петросовета с его Военно-революционным комитетом. Руководил обоими Лев Троцкий.

Ленин стал реальным лидером, «явившись на готовое», когда власть в столице была уже взята. Даже сакраментальные вокзалы и банки захватили без него. Что же касается знаменитого: «Вчера было рано, завтра будет поздно», – это, пожалуй, самый смехотворный из мифов, поскольку как раз с хронометражем в любых пророчествах Ильича всегда обстояло особенно худо. Его «сегодня» пришлось, как известно, на 20 октября, но переворот случился даже не «назавтра», а лишь пять дней спустя. Троцкому понадобились ровно сутки (забавно, что это оказался день его рождения), чтобы добиться полного контроля над ситуацией в столице и объявить о свержении Временного правительства. Керенский же и его министры никак не ожидали столь близкой катастрофы.

За несколько дней ПВРК подчинил себе столичный гарнизон. По описанию Суханова, «сопротивления операции не было оказано... Группки юнкеров и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи на смену караулов в политически важных местах. Город был совершенно спокоен. И

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org центр, и окраины спали глубокоим сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осеней ночи» [Суханов, 1990: 160].

О роли Троцкого тот же Суханов пишет: «Отрываясь от работы в революционном штабе, [он] летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его влияние – и в массах и в штабах – было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории». Милюков того же мнения: «Троцкий появляется на митингах в разных частях Петроградского гарнизона. Созданное им настроение характеризуется тем, что например, в Семеновском полку выступившим после него членам Исполнительного, Скобелеву и Гоцу, не дали говорить [Милюков, 2001: 644].

Ленин не хотел дожидаться начала Второго съезда Советов, а власть как раз взяли по сценарию Троцкого, и съезд оказался чрезвычайно полезен для легитимации политического переворота. О законности говорить не приходилось, но присутствие хоть какого-то выборного органа, который демонстрировал связь политики с населением, было весьма удачным для большевиков. По прибытии делегаты должны были заполнить подробную анкету. «Анализ анкет дает поразительный результат: подавляющее большинство – 505 – поддерживают лозунг «Вся власть Советам, т. е. выступали за создание Советского правительства» [Рабинович, 1989: 311].

От февраля к Октябрю: Хроника событий II

17.09.1917 н. ст.

Троцкий освобожден из тюрьмы под залог.

19.09.1917

Собравшийся в Киеве Съезд народов России требует создания демократического федеративного государства.

22.09.1917

Большевики берут под свой контроль руководство Петроградским советом, его председателем избран Троцкий.

27.09.1917

В Петрограде собирается Демократическое совещание с задачей выработать принципы будущего правительства до созыва Учредительного собрания. Единственный итог конференции – образование предпарламента.

12.10.1917

В большевистской газете «Рабочий путь» появляется статья Ленина «Кризис назрел». С его призывом к немедленному вооруженному восстанию не согласна значительная часть соратников.

20.10.1917

Открытие предпарламента. Большевики покидают его с первого заседания. Ленин тайно возвращается в Петроград.

23.10.1917

В конспиративной обстановке проходит заседание ЦК партии большевиков. Ленин добивается принятия резолюции о восстании 10 голосами «за» при 2 «против» (Л. Каменев и Г. Зиновьев).

25.10.1917

Петроградский совет создает Военно-революционный комитет для организации обороны города от немцев. Большевики под руководством Троцкого преобразуют его в штаб по подготовке вооруженного восстания. Совет обращается к солдатам столичного гарнизона, к красногвардейцам и кронштадтским морякам с призывом присоединиться к нему.

29.10.1917

На расширенном заседании ЦК партии большевиков одобрена проведенная Лениным резолюция о восстании, техническая подготовка поручена Военно-революционному центру, действующему от имени партии совместно с ВРК Петроградского совета.

31.10.1917

В газете М.Горького «Новая жизнь» опубликована статья Л.Каменева, где он резко возражает против готовящегося восстания, которое считает несвоевременным.

4.11.1917

ВРК Петроградского совета объявляет о том, что признаются действительными лишь утвержденные им приказы.

6.11.1917

Открытый разрыв Совета с Временным правительством, которое приказывает опечатать типографию большевистских газет и вызывает в Петроград военные подкрепления. Большевики срывают печати и не дают верным правительству войскам развести мосты. Начало взятия власти; руководство осуществляется из здания Смольного института. Красногвардейцы, матросы и солдаты, вставшие на сторону большевиков, без труда занимают важнейшие пункты города. Ленин приходит в Смольный, где должен начаться II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, министры собираются в Зимнем дворце, Керенский бежит из столицы за подкреплениями.

7.11.1917

Восставшие овладевают почти всей столицей, кроме Зимнего дворца. ВРК объявляет о низложении Временного правительства и именем Совета берет власть в свои руки.

8.11.1917

Декрет о мире: предложение всем воюющим сторонам немедленно начать переговоры о подписании справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций.

Декрет о земле: помещичья собственность на землю отменяется без всякого выкупа, все земли передаются в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Во многих случаях декрет просто закрепляет фактически сложившуюся ситуацию. Каждой крестьянской семье предоставляется дополнительно десятинная земля.

Итак, никакой гениальности Ленин не проявил даже в свой звездный час. Но он оказался конгениален России 1917 года. Совпал с потребностями страны, которой нужен был именно такой – упертый, совсем не интеллектуальный, но относительно образованный вождь со свежей для широких масс верой – социализмом. Ему повезло еще и в том, что в 1917 рядом с ним появился человек, способный компенсировать его недостатки – нечувствительность к людям, незнание собственной страны с ее реалиями – Троцкий.

Воспользовавшись шахматной терминологией, роли Ленина и Троцкого можно

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org сравнить с функциями короля и ферзя. Для читателей, далеких от шахмат, продолжим сравнение: обе фигуры – единственные в своем роде, но очень разные. Без короля, точнее, если он лишен свободы действий, партия проиграна; вся суть игры состоит в защите своего короля и стремлении сковать эту фигуру противника. Ферзь обладает несравненной мощью и свободой маневра, это ударная сила в нападении. Им, правда можно пожертвовать в некоторых случаях или разменять на несколько других фигур, но гибель ферзя делает выигрыш практически безнадежным; в самом лучшем случае партию можно будет свести к ничьей. Кстати, и сам Троцкий назвал октябрьский переворот «матом в два хода»: «Сравнительная легкость победы определялась огромной подготовительной работой, в том числе, разумеется, в гарнизоне» [Троцкий, 1997, т.2, ч.2: 396].

А Сталин – кто?

В предреволюционные месяцы Сталин пишет статью за статьей, в основном по национально-государственной проблематике. Вскоре по приезду в столицу он делегирован в исполком Петросовета. Во главе российских социал-демократов тогда стояли весьма авторитетные деятели Ираклий Церетели и Николай Чхеидзе. Они стремились добиться единства всех социалистических и либеральных сил и шли на компромиссы, в том числе с большевиками. Можно предположить, что не только давние заслуги, но и связи с земляками способствовали быстрой карьере Сталина на этом важном этапе. В июне года на первом съезде Советов он становится членом ВЦИК. В состав этого исполнительного органа вошли 320 человек: 123 меньшевика, 119 эсеров, 58 большевиков, 13 объединенных социал-демократов и семеро представителей других партий.

Принято считать, что до октября Сталин особой роли не сыграл. Но вот факт: в июле в отсутствие Ленина и Зиновьева, скрывающихся в Разливе, а также недавно «примкнувшего к ним» Троцкого, который только что эффектно удалился в тюрьму, Сталин выступает с отчетным докладом на съезде партии. Несомненно, он уже в это время – один из реальных лидеров партии. Хотя он и не выступает перед массами (возможно, из чистого самолюбия избегая смешить простой народ неистребимым акцентом), но в своей сфере Сталин действительно «эффективный менеджер» и вполне грамотный аналитик. При этом, скажем, в апреле, до приезда Ленина Сталину не приходит в голову требовать немедленного захвата власти – революционная ситуация развивается, большевики крепнут, все идет как надо. А уже в июле, на съезде он с чисто ленинским пафосом ратует за революцию. Это противоречит заветам Маркса? Ничего, мы подойдем к марксизму творчески: «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, прокладывающей путь к социализму». При этом Сталин все время входит, пусть и не на первых ролях, в те небольшие команды, которые руководят различными сторонами большевистской деятельности: он и в ЦК партии, и в Военно-революционном центре.

Считается, что в октябрьских событиях Сталин себя не проявил. Более того, где он находился и что делал в решающие часы – вообще осталось неизвестным. Очень многие исследователи убеждены, что в дальнейшем он уничтожал своих тогдашних соратников прежде всего с той целью, чтобы стереть из истории революции этот и другие «компрометирующие» эпизоды. Но сразу после победы Сталин становится народным комиссаром, одним из дюжины людей, объявивших себя верховной властью, – это явное свидетельство его важной позиции. Есть другая оценка: после июльского поражения именно Сталин держал связь с находящимся в подполье Лениным [Радзинский, 1997: 123]. То есть был, по сути, одним из важнейших проводников ленинского влияния на ответственном участке революционного фронта.

Тоже совсем не пешка – явная фигура. Не король и не ферзь, конечно, а по тем же шахматным понятиям, скорее, слон. Но гораздо лучше здесь подходит разговорное название сильной, высокоманевренной фигуры: офицер. Бывают офицеры штаба, офицеры связи... Сталину, как видно, удавалось и то и другое; с этими умениями он и вошел в «дивный новый мир».

Глава 5

Настанет год –

России черный год –

Когда царей корона упадет.

Забудет чернь к ним прежнюю любовь.

И пища многих будет смерть и кровь.

М.Лермонтов

Три источника и рассыпные части

Большевистскую победу в Гражданской войне трудно понять умом. Узкая группа деклассированных лиц интеллигентского происхождения провозгласила мизерную часть мещанского сословия – рабочих – солью земли и венцом социального творения, «приписав ей свойства и права общества в целом». Заявляла о некоем светлом коммунистическом будущем, а в конечном итоге... возродила империю. В модернизированном, само собой, виде, но если говорить, например, о пресловутой территориальной целостности, то процент восстановления оказался беспрецедентно высок по историческим меркам. Из 21,8 млн. квадратных километров прежней Российской империи «вторичной сборкой» было оприходовано 21,3 миллиона! Безвозвратно ушли только такие давно отрезанные ломти, как бывшие Привислянские губернии и Финляндия, а еще небольшой кусочек причерноморской Анатолии. Прибалтику и Бессарабию Сталин вернет в 1940 году; Урянхайский край, «свободно ассоциированный» с Россией в самый канун Первой мировой (ныне Республика Тыва) – в 1944-м. Еще год спустя вождь наложит руку на южную половину Сахалина, Курилы и даже на далекий Порт-Артур, потерянные задолго до победы большевиков, в итоге японской войны. Кроме того, полунезависимые протектораты, ранее втиснутые анклавной пазухой в «мягкое подбрюшье» имперской глыбы – Хивинское ханство и Бухарский эмират (на таком статусе для них сумела в свое время настоять соперница-Великобритания) – теперь были без каких-либо оговорок включены в Советский Туркестан.

Примерно тогда же у большевиков появился первый по счету геополитический вассал: Монголия во главе с Народно-революционной партией, вроде бы также приступившей, хотя не очень-то убедительно – в силу природно-исторических причин – к «построению социализма».

Столь полная реституция после великих потрясений не удавалась ни разу за тысячу лет даже второму Риму, не говоря о первом!

Как большевики взяли власть, ясно в общем и целом: они «доходчивей» любых прочих претендентов пообещали основной массе населения – крестьянам с сохой и крестьянам с винтовкой – удовлетворить все их требования без исключения и немедленно. Куда сложнее усваивается логика победы ленинцев в последующей борьбе: как и почему удалось эту власть удержать; более того, собрать из осколков рассыпавшееся государство.

Источник первый: раскол

По устоявшейся привычке хотелось написать: конфликт между народом и властями предержавцами, разделение общества по классовому признаку и так далее... Но в том-то и дело, что к началу XX века в Российской империи не было никакого «общества», одного для всех, как в национальных государствах и даже таких же многонациональных империях, располагавшихся к западу от нее. А были психологически изолированные друг от друга пространства «мировой деревни» и точки-вкрапления «мирового города». Город жил более-менее по меркам европейского исторического времени. Деревня же, то есть 85 % населения империи... В какой эпохе пребывала она, сразу и не скажешь в двух словах.

...Появление в X веке Библии на кириллице открывало возможность массовой грамотности русского народа. Тем более что староболгарская речь (таково лингвистически корректное определение языка, известного массе современников как «церковнославянский») тогда была еще довольно близка и в целом понятна

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org восточным сородичам. Археологические находки берестяных грамот в Новгороде показали, что с раннеписьменных времен вплоть до захвата республики Московским царством грамотность была широко распространена у тамошнего люда.

Именно так, через Священное писание, грамотность пришла в Западную Европу. Причем и той пришлось в свое время дожидаться переводов «с канонического на национальный»: полная Библия сразу сделалась семейным чтением лишь у протестантов разного толка, а католикам клир еще довольно долго старался не давать ее в руки. На Западе и на Востоке опасения духовной власти были одни и те же: вдруг народ в простоте своей что-нибудь в Священном писании истолкует неверно или, чего доброго, обнаружит противоречия в разных его частях – и подвергнет сомнению божественные истины!

Но при такой серьезной «духовной конкуренции» Рим не мог бесконечно держаться за прошлое. Благодаря своей известной гибкости католицизм и сохранился как мировая религия, а не превратился в захудалую секту. Русская православная церковь подобных стимулов не имела. Хроника библейских изданий в России напоминает то детектив, то политический триллер: начиная с бесследного исчезновения новозаветного перевода пастора Глюка в 1705 году, заканчивая административным запретом деятельности Библейского общества в 1826-м, длившимся тридцать с лишним лет.

И когда появился полный текст русской Библии, включивший наконец-то Пятикнижие (оно же Тора или Моисеев Закон), исторический момент был упущен. Книга Книг не вошла в каждую избу и оставалась по сути неизвестной простонародью; чтение ее – часто публичное, с одновременным толкованием – привилось лишь у здешних «протестантов»: некоторых старообрядцев. (Оттуда, кстати, в их семьях обилие вводящих в смущение простого обывателя «нерусских» – ветхозаветных имен.) Потому в их общинах и читать-писать не мог только самый тупой да ленивый. А подавляющее большинство русских крестьян в просвещенном девятнадцатом веке оставалось неграмотно. Стало быть, по одному из важнейших показателей они обретались все еще в «доисторическом» – или, сказать вернее, во внеисторическом времени. Да и само православие было для верхов одно, для низов – другое. Господа читали Толстого и Достоевского, создавших красивую, возвышенную концепцию народа-богоносца, а «богоносец» тем временем созрел для очередного всесветного погрома.

И вот следующий ключевой момент истории. Рассказни о том, что-де Киев при Ярославе Мудром был столицей мирового класса, а Париж, куда он выдал замуж свою дочь Анну, захолустной дырой, или что на Руси каждый смерд сиял опрятностью и просвещенностью, тогда как в Европе знатнейшие рыцари поголовно не умели ни написать собственное имя, ни прочесть «мама мыла раму» (к тому ж не только рамы, но и детей заморские мамы якобы вовсе не мыли) – просто байки квасных патриотов. На самом деле средневековый этап своего развития Русь и Запад начинали с примерно равного во всех отношениях старта. Правда, с отрывом в пару столетий, но по тем неспешным временам такое было почти не в счет.

А потом, ближе к Новому времени, начинается труднообъяснимое. В Европе низшие сословия мало-помалу, но постоянно расширяют свои гражданские права, добиваются принятия все новых монарших законов, позволяющих защитить жизнь, свободу и имущество каждого. Любая страна, которая шагнет вспять, поддавшись поветриям социального регресса и редукции, расплачивается за это скоро и жестоко. Хуже всех пришлось Речи Посполитой: почти весь XVI век она на вершине своего могущества и расцвета, при весьма высокой по тогдашним меркам общественной терпимости, даже «либерализме». Именно с той поры в Польше массово селятся евреи, бегущие из германских земель, да и к собственным религиозным ересям вроде арианства поляки еще довольно снисходительны. А в следующем столетии начинаются непрерывные войны и смуты, хиреют науки, искусства и хозяйственная жизнь. Пройдет еще две сотни лет, и от всей польской державы останется крошечный клочок земли с вольным городом Краковом; в середине XIX века с карт Европы исчезнет и он.

Что же там приключилось? Да просто «сто семей» магнатов, с готовностью поддержанные самой косной мелкой шляхтой, формально равноправной с ними, а фактически – клиентелой при земельных аристократах, и примкнувшее к ним духовенство решили усилить нажим сразу на крестьян, мещан, евреев и окраинное православное казачество. Схожие в той или иной степени явления, происходившие тогда сразу в нескольких странах Восточной Европы, Энгельс

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org окрестил «вторым изданием крепостничества»; у нас сегодня сказали бы – «чисто конкретный наезд с отъемом».

В Московском Великом княжестве, затем царстве, а после и в Российской империи шел процесс, прямо противоположный европейской доминанте. Здесь низы не расширяют век от века, а последовательно теряют свои права и возможности. Соответственно любой их бунт направлен не на то, чтобы заставить власть строго следовать гуманным «божеским» законам и ограничивать репрессивные нормы, но на некую «народную справедливость» и «мужицкую волю». Чтобы, значит, вот этих вот больше здесь не стояло – и тогда на Марсе будут яблони цвести! (Анахронизм допущен нами вполне сознательно: для русского крестьянина как минимум пяти последних столетий права его личности являлись никак не меньшей абстракцией, чем четвертая планета Солнечной системы.) Но жестко централизованная монаршая «вертикаль» здесь не сдала ни одной позиции, а наоборот, захватывала всё новые; так, казалось, будет вечно...

В сегодняшних историко-философских дебатах часто всплывает парадокс Петра Первого. Великий царь, желая модернизировать страну по определенному набору параметров, в то же время жестоко усугубил ее отсталость по целому ряду других – как выяснилось, более важных и решающих. Вопрос о надругательствах над самобытными заветами предков мы оставляем профессионалам особой духовности. Но никто ни разу, даже в построенной Петром империи, не подвергал сомнению факт, что он, прорубая окно в Европу, радикально расширил арсенал форм и методов крепостной повинности. Так что само это понятие – крепостное право – с тех пор окончательно превратилось в подобие фигового листка, коим стыдливо прикрывали самое натуральное рабство. И через сто лет после Петра, в эпоху расцвета высокой культуры, русский мир выглядел странной смесью общинного варварства с античностью. Даже Пушкин – «наше всё» – был фигурой скорее не из эпохи Возрождения, вопреки расхожей метафоре, но из той самой русской античности, что отчетливо видно по его кругу литературных ассоциаций: классические боги и герои ему явно ближе, чем библейские персонажи, которых поэт воспринимает больше через призму Вольтера и Руссо.

Вместе с тем заметно теряют популярность сравнения Петра со Сталиным, вроде бы вполне закономерные и оправданные (к тому же поощрявшиеся самим вождем), поскольку делали оба одно и то же, абсолютно одинаковыми методами. Видно, оттого, что сознание нынешней интеллигенции – такой же жертвы смесительных упрощений, как все и вся в России, – чем дальше, тем больше сводит самые сложные проблемы бытия к единственной довольно примитивной антиномии. Если к Петру намертво прилипла этикетка «западничества», то Сталин считается его антиподом, ненавидевшим Запад. И этих представлений оказывается вполне достаточно, чтобы сторонники той или другой системы взглядов в очередной раз провозгласили кого-нибудь одного из «исторических близнецов» эффективным менеджером (допускавшим перегибы в силу неизбежной необходимости), второго – дегенеративным чудовищем. Впрочем, к этой важной теме мы вернемся в самом конце.

Реформы в Европе происходили примерно по тому же принципу, что и ее революции: устраняется, говоря условно, одна крупная проблема, тут же вместо нее возникает десяток новых, размерами поменьше; все они обычно решаются так или иначе, «по мере поступления». В России же на месте каждой «убитой» проблемы вырастают еще более масштабные и трудные, часто вовсе неразрешимые в исторической перспективе. Именно так случилось с «авторитарно-либеральной модернизацией» Александра Второго, откуда берут начала и Февраль, и Октябрь.

Отмена крепостного права лишила отношения помещиков и крестьян традиционной легитимности. Почему теперь одни должны работать на других – на этот вопрос государственный комплекс идей, выраженный, как известно, в формуле: Православие, Самодержавие, Народность – сколько-нибудь убедительного ответа дать не смог. Кроме того, все реформы Александра задолго до социалистического строительства (и не впервые в отечественной истории) стали попыткой «перепрыгнуть через ступеньку»: в данном случае из антично-варварской эпохи сразу в капитализм, минуя промежуточную ступень с ее эволюцией феодальных прав и свобод. И опять не допрыгнули – как всегда...

В момент реформ 134 тысячи помещиков владели 80 миллионами десятин земли, из которых 70 млн. находились у 30 тыс. крупнейших владельцев – «двухтысячников». Помещичьи хозяйства – это те самые «дворянские гнезда»,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org которые служили остоном российской державы. Здесь в течение долгого времени производится основная масса сельскохозяйственной товарной продукции, они же составляют важную часть банковской системы, будучи основной формой недвижимости: 60 млн. десятин земельной собственности были заложены на колоссальную по тем временам сумму 3,5 млрд. рублей. В «дворянских гнездах» создана и почти вся высокая русская культура.

Стократ большее количество крестьянских хозяйств имело примерно равные по размеру земельные угодья. В среднем на семью приходилось 11,37 десятины – 124 сотки, что сплошь и рядом было недостаточно для прокорма.

К началу следующего века крестьяне в Европейской России арендовали у помещиков 37 млн. десятин за совокупную плату 400 млн. рублей. А поскольку в массовом сознании, отвергавшем любые понятия частной собственности, издавна сложилась стройная система представлений: «Земля – Божья, людишки на ней – государевы», то само собой, возникло и стремление избавиться от этой «дани».

Массовые выступления крестьян, которым не могло противостоять уже ничто, начались в марте 1917-го, а к осени того года, по данным Троцкого [Троцкий, 1997, т.2, ч.2], территорией крестьянского восстания становится почти вся страна. Из 624 уездов старой России бунтуют 482, что составило 77 процентов, а без окраин, имевших свои особенности – Закавказья, Сибири, – из 481 уезда в восстание вовлечены девять десятых. Наступает долгожданный «черный передел». В Курской губернии селяне поделили между собой покос, принадлежавший председателю Госдумы Родзянко. Епископ Подольский доносит на самоуправный захват леса, обер-прокурор Священного Синода жалуется на отобрание у Александро-Невской лавры луговых земель. В Нижегородском уезде мужики теснят женский монастырь, косят его луга, разломали заборы и не дают прохода монахиням.

Помещичьих усадеб было разгромлено несметное множество – какой русский интеллигент не помнит, скажем, о блоковском Шахматове? Частный случай нередко может поведать больше, чем самая обширная статистика. Вот лишь пара взятых наугад.

«В ночь под 8 сентября крестьяне села Сычевки, Тамбовской губернии, с дубинами и вилами, идя со двора на двор, созывают всех от мала до велика громить помещика Романова. На сходе одна группа предполагает отобрать имение в порядке, разделить имущество между населением, постройки сохранить для культурных целей. Беднота требует сжечь усадьбу, не оставляя камня на камне. Бедноты больше. В ту же ночь моря огня охватило имения всей волости. Было сожжено все, что поддавалось пламени, даже опытное поле, вырезан племенной скот, пьянствовали до безумия». За три дня сгорели 24 имения...

Пензенский крестьянин Бегищев рассказывал: «В сентябре все поехали громить Логвина (его громили еще в 1905 году). К имению и от него тянулась вереница упряжек, сотни мужиков и баб стали угонять и увозить скот, хлеб и прочее».

В Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, «крестьяне стали громить экономии, разгонять заведующих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, мертвый инвентарь. Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались. Захват имущества оправдывали так: «Помещик был наш, мы ему работали и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться»».

С февраля до октября таких набегов набралось до пяти тысяч общим счетом. И если «при царе» можно было вызвать войска, то теперь, с появлением в деревнях толп вооруженных дезертиров, с деморализацией даже казачьих частей, остановить беспощадный, а сплошь и рядом совершенно бессмысленный бунт невозможно.

Еще одним проявлением раскола нации стали серийные, как принято выражаться в наши дни, убийства офицеров на позициях. Как в гибнущем Риме невольник воплощал свою заветную мечту: «Убей хозяина!» – так внутренние варвары, дети и внуки рабов просвещенного века отыгрывались на потомках рабовладельцев. «Расправа производилась почти открыто, на глазах солдат. Никто не вступался: большинство не хотело, маленькое меньшинство не смело. Убийца всегда успевал скрыться, как будто тонул в солдатской массе».

Одну из таких трагедий описал в подробностях печально известный генерал

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
П.Н. Краснов: «При моем отъезде генерал Волкобой, считавший себя любимцем солдат, почтенный старик с седой бородой, типичный русский старик, «дедушка», как звали его солдаты, убедил генерала Гиршфельдта поехать в дивизию без конвоя и уговорить солдат повиноваться. Они поехали вдвоем на лесную прогалину. Там их окружила толпа солдат. Солдаты прежде всего потребовали освобождения арестованных. Волкобой тут же приказал их отпустить. Потом схватили Гиршфельдта, повели в лес, раздели, привязали к дереву, истязали и надругались над ним, после чего убили. Волкобой убежал в землянку, плакал и умолял пощадить его в уважение к его сединам. Солдаты со смехом выволокли его из землянки, посадили в автомобиль и, окружив издевавшимися над ним солдатами, отвезли в штаб его корпуса. Вместе с Гиршфельдтом был убит командир полка и еще один офицер Убийства, наступающая темнота, лес, – все действовало отрезвляюще на солдат, и они тихо ушли на позицию и решили сидеть на ней и никуда не уходить» [Октябрьская революция, 1991: 15–16].

Ситуацию подытожил Горький, знавший как мало кто свой народ: «Мы, Русь, анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь – ядовитое наследие татарского и крепостного ига – что тоже правда». И дал ей точный прогноз: «Теперь, когда вскрылся гнилостный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекается по всей стране, – теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого, за нашу азиатскую косность, за эту наивность, с которой мы терпели насилие над нами» [Горький, 1990: 6].

В Гражданской действовали, как известно, три стороны: красные, белые и «зеленые». Социальную роль первых двух, скорее всего, принято преувеличивать. В сущности, в России начала XX века разгорелась тотальная крестьянская война, вроде тех, что за 500–600 лет до нее происходили в локальных масштабах по всей Европе. Она, подобно извержению вулкана, залила страну огненными потоками ненависти и насилия, уничтожая цивилизацию. Деревня восстала против города и, поскольку впервые в отечественной истории оказалась массово вооружена, получила шанс полностью уничтожить противника. С редкой точностью об этом высказался тот же Николай Бердяев: «Русская революция возможна была только как аграрная революция, опирающаяся прежде всего на недовольство крестьян и на старую ненависть их к дворянам и помещикам и чиновникам. В русском крестьянстве не исчезли еще воспоминания об ужасах крепостного права, об унижении человеческого достоинства крестьян. Крестьяне готовы были мстить за своих дедов и прадедов. Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев» [Бердяев, 1990: 111].

И наверное, все могло бы – даже должно было по идее кончиться так, как в Демократической Кампучии шестьдесят лет спустя. Но «внутренний Вьетконг» в лице большевиков сумел, не дожидаясь развязки, погасить пожар новыми потоками русской крови.

Источник второй, он же Первая мировая

Была ли эта война неизбежной?

Ленин, во всяком случае, так считал; свои соображения он изложил в упомянутой работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Правда, когда он приступил к написанию трактата, война уже шла вовсю, и начало ее – как обычно, долго готовившееся всеми сторонами – оказалось, как всегда, полной неожиданностью для большинства европейцев. Весь прежний уклад жизни, с каждым десятилетием становившийся уютнее, гуманнее и безопаснее, обрушился враз и навсегда, точнее, был разломан их собственными руками.

Потому многие исследователи до сих пор испытывают недоумение, обращаясь к этой теме. Вспоминают даже тесные родственные связи между большинством правивших домов Европы: так, императоры Германии и России в неофициальной обстановке обращались друг к другу не иначе как «кузен Ники» и «кузен Вилли», а английский король Георг Пятый рядом с Николаем и по внешности смотрелись не то что двоюродными, но прямо-таки родными братьями. При этом как Вильгельм, так и двое других, невзирая на разницу государственных языков и вероисповеданий, одинаково были этническими немцами. Неужто не

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org могли поладить без кровопролития; или та сакраментальная империалистическая грызня, о которой писал Ленин, набрала такую силу, что ей уже не могли препятствовать ни семейные сантименты, ни элементарный инстинкт самосохранения?

Противоречия действительно обострились радикально с тех пор, когда Британскую империю возглавляла мать Георга, знаменитая Виктория, а Германия была поделена на два с лишним десятка больших и малых государств, которыми правили суверенные монархи под разными титулами. Главным же агентом первого кризиса всей мировой цивилизации послужил не какой-то там абстрактный «капитализм», тем более «загнивающий» и даже якобы «умирающий», – но, как нам представляется, одна вполне конкретная страна. Та самая Германия, к 1870-м окончательно объединившаяся под эгидой воинственной и амбициозной Пруссии. Гегемония последней в Германском союзе установилась как бы естественным путем, поскольку Пруссия-Бранденбург была в нем самым большим и сильным государством, ее столица Берлин – крупнейшим из немецких городов. Но в судьбах мира пруссачество сыграло, без преувеличения, роковую роль. Этот выбор немцев, между прочим, сильно тревожил в свое время английскую королеву, хорошо знавшую душу соплеменной нации и понимавшую, какие опасности в ней могут таиться.

К началу второго десятилетия XX века Второй рейх уверенно обогнал Великобританию по большинству важнейших промышленных, технологических, военно-технических и научных показателей и стал второй экономикой мира, уступая только США. Но те в европейской политике не участвовали еще ни с какой стороны: разве что у обессиленной Испании отобрали пару ее последних колоний, однако стрельба шла далеко за морями-океанами. «Великой прусской мечтой» стало полное вытеснение англосаксов из всех сфер их влияния. Бурно растущая экономика требовала все больше разнообразного сырья и рынков для готовой продукции; по условиям эпохи заполучить то и другое было проще и надежней всего в собственных колониальных владениях.

Но раздел мира, как точно подметил Ленин, был уже завершен. Самую лакомую долю захватила Британия: ее империя в полтора раза превосходила Российскую по территории, в два с половиной – по населению. Франции достались владения общим размером с британский доминион Канаду. А слишком поздно консолидировавшаяся Германия – всего-то около трех миллионов квадратных километров, прихотливо разбросанных по трем разным частям света. Вроде бы и это совсем немало; но почти равный кусок имела крошечная Бельгия (огромную страну в бассейне реки Конго королева Виктория фактически подарила своему любимому дяде Леопольду Первому), столь же скромная Голландия – лишь в полтора раза меньше.

Пруссачество чувствовало себя обделенным, смертельно обиженным – и стремилось во что бы то ни стало воспрянуть во весь рост. Последствия этой виртуальной гимнастики будут бесконечно долгими и разнообразными, но неизменно трагичными, в первую очередь для самих немцев. Здесь не только погубленный их руками золотой век человечества и следующая мировая война как плод очередного выпрямления коленных суставов нации, чей высокий дух так безжалостно унижали обступившие кругом враги. Это и появление на теле планеты черной дыры коммунизма, и последующее антиколониальное движение, превратившее в гнилой провал уже половину «бедного Юга» с Африканским континентом в центре – выражение «развивающиеся страны» звучит в наши дни злобной издевкой. Чем все это грозит обернуться в будущем, неизвестно. Но пусть утешением послужит то, что хотя бы сама Германия после всех бед наконец-таки вернулась в разум. Возможно, благодаря тому, что после повторной резекции наиболее несгибаемых частей никакой Пруссии на картах вообще больше нет – от нее один только Бранденбург и остался...

Однако вернемся к России: она-то за что воевала в Первую мировую? Никаких ее реальных и сколько-нибудь значимых интересов в этом клубке конфликтов отыскать не удастся. Тяга к заморским колониям у Петербурга пропала за сотню лет до того, хотя в разное время ему «предлагали себя» и Гавайские острова, и почти единовенная Эфиопия, и даже Мадагаскар. Николай Первый не скрывал, что надежный контроль над подданными для него предпочтительней неясных выгод от слишком далеких владений – тут на своих-то бескрайних просторах непросто уследить за всеми и каждым! Его сын-реформатор и «родимую» Аляску продал, как только там иссякли ресурсы легкодоступной пушнины. Найти иное применение этой окраине держава не могла: даже знаменитый Клондайк, не говоря об аляскинской нефти, тогда еще не открыли.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Германия нападать первой на Россию определено не собиралась – в здравом рассуждении, что новый Drang nach Osten скорее всего встанет слишком дорого. Мобилизация, объявленная Петербургом на четвертый день войны, не то чтобы обернулась полным сюрпризом для Берлина, воленс-ноленс связавшегося с мелочными, по прусским масштабам, интересами Австро-Венгрии, но явно его озадачила. Гораздо более естественным для обеих империй было бы возобновление недолгого союза тридцатилетней давности против Великобритании. Но – не случилось, о чем рыдают по сей день многие наши национал-патриоты. Вообще, ни с одной из Центральных держав Россия не имела в тот момент противоречий настолько сильных, чтобы нельзя было найти менее самоубийственный выход.

Да, конечно же, обязательства перед Францией – важнейшим кредитором и концессионером... Да, братья-сербы с их мечтой о собирании земель – впрочем, и до того, и после благополучно забытые про братство всякий раз, едва минует очередная угроза... Ну и заветные Дарданеллы, само собой, хотя эту идею разделяли далеко не все в российских политических верхах: для большинства программой-максимум была облегченная проводка судов через Турцию проливы. И еще целый мешок каких-то уж вовсе трагикомичных историй, вроде геополитического недовольства рытьем железнодорожных туннелей от Берлина до Багдада: гражданин Дугин вместе с его загробным гуру, как раз к началу той войны вошедшим в лета зрелой мудрости сэром Джоном Маккиндером – отдыхают.

Не обошлось, надо понимать, и без подспудных надежд элиты разрядить хоть таким способом тягостную атмосферу без малого десятилетнего застоя, встряхнуть погрязшую в декадансе и диссидентстве интеллигенцию, «укрепить и направить» подозрительно безмолвствующий народ. Иллюзиям поддавались даже такие умы, как Бердяев: слишком очевидным был тупик, слишком сильно хотелось спасительного очищения. Действительно, краткая вспышка ура-патриотизма имела место в начале войны, которая могла бы оказаться победоносной, но никак не обещала стать маленькой. Санкт-Петербург переименовали в Петроград, погромили немецкие магазины и объявили сухой закон. Однако и с ним получилось как всегда; помните, у Маршака: «Для нас, людей, был черный ход, а ход парадный – для господ»? Так вот, черную лестницу из людской в лавки и трактиры заколотили наглухо, парадный вход в господские рестораны остался нетронутым.

Неудивительно, что войну со столь неясными целями и перспективами эти люди – кто протрезвев поневоле, кто отравившись патриотическим суррогатом, – не только возненавидели очень скоро, но и жутко остервенели от нее.

Да на что иное можно было рассчитывать, если даже прошлая война с Японией, не такая уж большая и очень далекая от средоточий русской жизни, вызвала совсем нешуточную революцию в столицах и сильно пошатнула вековые устои режима? В итоге три страшных года спустя, после смены власти тяжелейшей из всех проблем оказалось даже не столько бремя войны, сколько пути избавления от него. Именно это, а не политика и не экономика стало самой важной и безотлагательной задачей для большевиков.

И вот «мирные народы», начав на «честь клич», получили искомое. По сепаратному Брестскому договору с Берлином, подписанному в марте 1918 года, от российского государства отторгались Польша, Литва, части Белоруссии и Лифляндии. Германия также сохранила за собой большую часть побережья Рижского залива и Моонзундские острова. Армия и флот, в том числе воинские части РККА, сформированные советским правительством, подлежали полной демобилизации. Балтийский флот выводился из своих баз в Финляндии и Прибалтике, Черноморский со всей инфраструктурой передавался Центральным державам. Россия выплачивала 6 миллиардов марок репараций и компенсировала убытки, понесенные Германией в ходе Октябрьской революции – 500 млн. золотых рублей. Советское правительство обязывалось прекратить всякую агитацию и пропаганду против Центральных держав.

Получается, что будущие «жертвы версальской несправедливости» обошлись со своими побежденными ничуть не гуманней, а в основном не в пример жестче, чем поступили с ними самими два года спустя. Германии, например, оставили 100-тысячную сухопутную армию, а репарации были разложены на невозможно долгий срок – почти что до того момента, когда в реальном историческом времени пала Берлинская стена.

Большевики сулили мир без аннексий и контрибуций, а пришлось платить по

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org счетам победителей. И здесь Ленин во второй раз в жизни сыграл определяющую роль в судьбе страны – пошел против течения и ожесточенно сражался за мирный договор. Было ли это гениальным предвидением? Едва ли. Он все еще уповал на мировую революцию, как христиане ждут второго пришествия.

Но опять угодил в точку – правда, не совсем ту, но тоже вполне подходящую. Через восемь месяцев революция в Германии свергла кайзера. Немцы спешно покинули свои новые приобретения и отказались от всех требований.

Однако Брестский мир дал решающий импульс «демократической контрреволюции»: в Сибири и Поволжье провозглашались эсеровские и меньшевистские правительства, в Москве в июле 1918-го произошло восстание левых эсеров. Подавление этих выступлений, в свою очередь, привело к окончательному установлению однопартийной большевистской диктатуры, а затем к полномасштабной гражданской войне.

В ходе ее российским элитам предстояло убедиться в реальности угроз расчленения страны и бесконечной войны всех со всеми. В конце концов уцелевшие признали легитимность большевиков, потому что те заново собирали империю, восстанавливали пусть новый и чуждый во многом, но твердый порядок. Лозунги свободы и демократии больше не воспринимались. Все классы и слои, еще не уничтоженные, уставшие от войн, хотели стабильности. На краткий миг ее и получили.

Источник третий – традиция, однако!

Герои февраля, как показала жизнь, совсем не понимали страну, которой они пытались руководить. Популярный миф о народе-богоносце внушал благостные иллюзии. Вот так чувствовал себя первый глава Временного правительства князь Львов в конце апреля, когда уже все выглядело весьма непросто: «Великая русская революция чудесна в своем величавом, спокойном шествии... Чудесна в ней сама сущность ее руководящей идеи. Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера. Идея, взращенная из мелких семян свободы и равноправия, брошенных на черноземную почву полвека тому назад, охватила не только интересы русского народа, а интересы всех народов мира. Душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе. Она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди ее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства и братства» [Милюков, 2001, т. 1:74].

Странное впечатление оставляет этот экзальтированный текст. Выделим из половодья эмоций стройный ряд логических заключений. Именно мы – самые-самые, только мы одни способны объединить в себе весь мир, оттого он обязан немедленно восхититься и отдать нам пальму первенства, так чтобы все были равны, но мы при этом – непременно впереди, а остальные бы следовали, совершенно свободно, по-братски и в своих же интересах, курсом великой руководящей идеи.

Теперь попробуем подставить на место «великой русской революции», то есть конкретной февральской, аналогичную подборку с разных страниц отечественной истории. Для начала, скажем, «внутренний стержень православной веры в соборной душе народа», затем «великие идеалы коммунистического строительства»; наконец, последний взвизг отечественной политической моды – «демократия эгалитарная, но не либеральная, где свобода отдельного человека ограничена интересами сохранения государственного суверенитета» (и это вот косноязычно мямлящее – оно, представьте, тоже демонстрирует духовную жажду углядеть в каком-нибудь уголке мира стройные колонны идущих следом!). Неприятно, конечно, сводить в одном ряду людей благородного кондута, подозреваемых в идеализме, с анонимными передовицами, тем паче с ивановым-соседем. Да что поделаешь...

Ибо вот как трансформируется сегодня комплекс романтического мессианства в подсознании отнюдь не сервильного, даже несколько не системного, а открыто протестующего российского политика из молодых – отчасти левого, на чуток просвещенного националиста, а в основном, как большинство, противника бюджетных распилов под государственных вывесками. В недавно вышедшей книге он сперва описывает на высокой публицистической ноте, каким хотел бы видеть будущее родины; толково рассуждает о достоинствах своего поколения, не успевшего нахлебаться жизни при совке, даже проклятые девяностые прощает

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org и оправдывает до какой-то степени, потому что тогда и оппонентам давали свободу, кто на сколько вытянет. Брезгливо морщится от вопилок, спускаемых по вертикали в толпу, на утеху ликующей гопоте: «Россия, вперед! Кто против – урод!» и т. п. И вдруг, как настоящая оплеуха ни с того ни сего, среди мирного разговора – квинтэссенция этого далекого вымечтанного счастья: «Таким образом, западная цивилизация, идейно исчерпанная, но сохранившая смысловое первенство, получает по зубам сразу двумя аргументами: а) вы бескультурны, ваши локальные специалисты комичны на фоне массового явления русской интеллигенции; б) вы лишены коллективистского инстинкта, ваше атомизированное общество с его гражданскими механизмами проигрывает нашей энергии братства» [Шаргунов, 2008: 47].

Господи, чего же ради, во имя каких высоких целей и благ, а главное, за что сразу целой цивилизации – по зубам (пусть даже только «аргументами»)?! А вот за то, оказывается, что не нашему всечеловечному братству, а ей до сих пор принадлежит «смысловое первенство». На неотвязно зудящий участок в идейной подкорке сползаются сами собой, словно навозная фауна, клише векового бреда, которые для мыслящего человека, будь он левым, правым или фиолетовым в крапинку, вообще-то должны бы быть унижительны по определению. С таким всеобщим содержанием не то что на какую-то там «высокую культуру постижения жизни», но и на мало-мальски приличное будущее рассчитывать России, увы, не приходится.

В реальности в начале XX века не только остальной мир, но и народные массы в отечестве – к счастью ли, к несчастью – никаких подобных мыслей вовсе не имели. «Не богоносец, а зверь», – так оценят потом свой народ те, кто угшвапся свободой весенних месяцев 1917-го. Как писал Милюков: «этот народ, сохранивший мировоззрение иных столетий, чем наше, а в последнее время строгого режима умышленно удерживаемый в темноте и не сторонниками этого режима, – этот народ действительно предстал перед наблюдателями его психоза как какая-то низшая раса» [Милюков, 2001, т. 1: 12].

Еще хлестче высказался думский коллега Василий Шульгин – не либерал, а монархист, сам приложивший руку к свержению своего государя. «Солдаты, рабочие, студенты, интеллигенты, просто люди... Но сколько бы их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое», – такими он вспоминал соотечественников, оказавшись в эмиграции.

И это тоже логично. Потому что, если экстрагировать до последнего предела думы всех наших одухотворенных мечтателей, революционных романтиков и суверенных сукиных сынов об исторической миссии России, сведя их в единый сухой остаток, – то и выйдет в чистом виде иностранец Оруэлл. Сатира *Animal Farm*, для которой в России так и не придумали канонического перевода названия: одним она запомнилась как «Звероферма», другим как «Скотный двор», третьим вовсе как «Скотский хутор». Там, как сказано, во-первых, все животные равны, во-вторых, одни равнее других.

Действия большевиков были адекватными «доставшемуся в наследство» человеческому материалу.

Они проклинали государство как социальный институт, но первым делом все-таки создают свое правительство. Известно, что заменить название должности министра на «народного комиссара» предложил Лев Троцкий, апеллируя к французской революции. Впрочем, и Временное правительство пользовалось этим словом довольно активно. Ленину с его манией уничтожить старый госаппарат идея не могла не понравиться. Вскоре организовали и силовиков, тоже под новыми названиями – ВЧК и милиция вместо жандармов и полицейских. Символично, что в позднесоветское, точно так же и в нынешнее время праздничный концерт по случаю Дня милиции 10 ноября, завершающий на высокой музыкальной ноте торжества очередной годовщины революции или, как сейчас. Дня народного единства – становится главным шоу официальной эстрады за целый год. И единство, и революцию подменили собой репрессивные силовые структуры.

27 октября Вторым Всероссийским съездом Советов был утвержден Совнарком в составе:

Председатель Совета Народных Комиссаров – В.И. Ульянов (Ленин);

народные комиссары:

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
по внутренним делам – А.И. Рыков;

земледелия – В.П. Милютин;

труда – А.Г. Шляпников;

по делам военным и морским – комитет в составе В.А. Овсенко (Антонова,
Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко);

по делам торговли и промышленности – В.П. Ногин;

народного просвещения – А.В. Луначарский;

финансов – И.И. Скворцов (Степанов);

по делам иностранным – Л.Д. Бронштейн (Троцкий);

юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов);

по делам продовольствия – И.А. Теодорович;

почт и телеграфов – Н.П. Авилов (Глебов);

по делам национальностей – И.В. Джугашвили (Сталин).

Это, пожалуй, единственный список Совнаркома, который цитировался в учебниках. Затем в течение десятилетий подробных перечней избегали по причине массового истребления наркомов в годы Большого террора.

Пост председателя Совнаркома был, строго говоря, не самым главным – формально выше него стояли Всероссийский съезд Советов или даже председатель ВЦИК. Ленин до того несколько месяцев без передышки писал о Советах, которые-де так хороши, что несомненно, заменят с полным успехом прежнюю государственность. Но сам-то он в Советы не пошел, а занял пост премьер-министра под другим названием! Догматик в очередной раз проявил изумительную гибкость ровно там, где было надо. Почти весь ноябрь номинальным главой нового государства, вскоре провозгласившего себя Советским, был Лев Каменев, потом его сменил Яков Свердлов. Ленин же, как и они, не имевший ни малейшего опыта административного или хозяйственного руководства, возглавил самую сложную в этом смысле – исполнительную власть. Однако ранг абсолютного Вождя, своего рода большевистского самодержца позволяет ему не управлять, но править, разделяя властные полномочия между соратниками. А такая задача политику, приобретавшему опыт в партийных интригах, вполне по силам. Действительно, впоследствии власть оказалась распределенной между Советом обороны, Совнаркомом «большим» и «малым», ЦК, ЧК, ВЦИКом, Московским и Петроградским советами и прочими партийно-государственными структурами. Многие определялись личным авторитетом того или иного деятеля, которых тоже называли вождями революции.

В первом составе Совнаркома большинство – выходцы из семей дворян, крупных чиновников, учителей, приказчиков; несколько крестьянских сыновей. Один только Шляпников мог утверждать, что он профессиональный рабочий. Этим-то людям и предстояло создавать «пролетарскую» диктатуру. Четырнадцать наркомов из пятнадцати не переживут террора, устроенного последним по списку коллегой: кто не успел помереть сам, будет расстрелян. Идеалисты усматривают в таком финале руку возмездия за содеянное.

Но в частности, и по этой причине 1936–1938 годы можно считать реальной датой окончания русской революции первой половины века. Затем ее все больше вытесняет из идеологического пространства Советская Империя, заявившая о своей преемственности с империей Романовых и средневековой Русью Рюриковичей (которую у нас повелось с незапамятных пор называть «Древней» для пущей важности – в том числе, видимо, и перед Европой). С точки зрения мировой истории, ничего принципиально нового или оригинального: Наполеон, к примеру, был в числе героев Великой революции, а потом основал новую империю со своей династией.

Сам факт образования Совнаркома с первых дней показал бессмысленность и лозунга «Вся власть Советам», и представлений о «двоевластии». Теория политики давно установила необходимость разделения власти на отдельные

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
ветви: в условиях демократии – независимые друг от друга представительную (законодательную), исполнительную (администрацию) и судебную, плюс еще местное самоуправление. Ленин все эти буржуазные штучки отвергал, да и вообще, как свидетельствуют его заключительные попытки «привлечь побольше рабочих», создавая какие-то особые органы контроля, вряд ли понимал, для чего вообще они нужны. Тем не менее события заставили создавать и координировать различные «ответвления» власти большевиков.

Россыпь первая:

диктатура для демоса или демократия для друзей?

Основная часть российских элит, то есть люди наиболее образованные, обладавшие реальным опытом в управлении, военном деле, бизнесе, были против большевизма. В бывшей империи насчитывались сотни тысяч офицеров, полицейских чинов, казаков, возмущенных сперва падением своей великой державы, потом и капитуляцией перед ее врагом. Их поддерживала церковь, к которой большинство населения, быть может, и не испытывало особого пиетета, но привыкло за тысячу лет. И вся эта сила не смогла удержать большевистский прорыв к власти.

В конце октября, когда большевики провозгласили свою власть, элиты не восприняли это как трагедию. Мыслящая интеллигенция понимала, что реального проекта за лозунгами и призывами нет. Отсюда почти полное отсутствие сопротивления поначалу. Ведь тут же начались выборы в Учредительное собрание, которое, по мнению вовлеченных в политику людей, собственно, и должно было создать новую российскую государственность. К тому же недовольные Временным правительством Керенского рассуждали вполне логично, что большевистская власть с ее «абсурдными идеями» скоро рухнет сама под давлением обстоятельств. Либо, как считали иные, большевики, оценив ситуацию и почувствовав ответственность, откажутся от своих предложений и трансформируются в рациональную политическую силу, как нередко бывает с политиками, в «безответственный» период своей деятельности приверженными к популизму и демагогии.

Ничего подобного не случилось. Более того, когда уже шла ожесточенная борьба и кровь лилась рекой, большевики подвергли репрессиям и крестьянское большинство страны – у мужиков отбирали не только запасы зерна, но уже розданную землю!

И этот расклад тоже относили к «диктатуре пролетариата». Впрочем, везде и всегда, вплоть до Нового времени репрессивные аппараты власти, численность которых была относительно невелика, как правило, без особых проблем справлялись с бунтующими массами, имея преимущества в организации, навыках, вооружении и легитимности. Большевики использовали этот исторический опыт, придав последней составляющей форму идеологии.

Как раз в 1918 году тогдашний ведущий теоретик марксизма, идейный душеприказчик Энгельса Карл Каутский, знавший чуть ли не наизусть все написанное основателями, авторитетно заявил: под «революционной диктатурой пролетариата» Маркс разумел не форму правления, исключая демократические процедуры, а некое «состояние господства». Господство же пролетариата, как большинства населения, возможно лишь при строжайшем соблюдении этих процедур: например, Парижская Коммуна, высочайший образец пролетарской диктатуры, была избрана всеобщим голосованием.

Логика Каутского понятна: Маркс, как хорошо образованный человек, безусловно, знал, что разумели под словом «диктатура» в античности. С этой точки зрения идея диктатуры пролетариата, понятая буквально, как ее описывал Ленин в Швейцарии, – бредовая фантазия. Но как тактико-стратегический инструмент непрерывной борьбы идея вполне себя оправдала, и Ленин оказался на голову выше оппонентов. В разваливающейся империи с неграмотным народом, при неразрешимых процедурным путем социальных, национальных и прочих противоречиях вся русская элита боролась за демократию. Коль скоро монархическая идея была полностью дискредитирована, интеллигенты, дворяне, офицеры и инженеры не придумали ничего иного, как предложить народу либеральные постулаты.

Не менее, если не более важным элементом пролетарско-диктаторского

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org комплекса, наряду с уничтожением старой государственной машины и построением новой с самых азов, было подавление оппозиции. В конечном итоге вернулись к обыкновенному для авторитарных режимов аппарату с полным набором репрессий. В сентябре 1918-го был объявлен красный террор. Большевицкое формотворчество оказалось совершенно неоригинальным, сочетая в себе новое издание опричнины в духе Ивана Грозного с жесткой иерархией типа петровской Табели о рангах. И тем победили!

Как положено при всех подобных режимах, ужасы «эскадронов смерти» и блага иерархии по-разному распространялись на соотечественников. Вспомним, как Робеспьер не пощадил даже друга детства Демулена; как регулярно Сталин вырубал ту или другую «вертикаль», чересчур, на взгляд вождя, приподнимавшуюся в его окружении. Ленин же как начинал революцию с Каменевым, Зиновьевым и прочими, так с ними и прошел до самого конца весь этот путь через любые его кризисы. Уж как бранил и проклинал Троцкого битых пятнадцать лет, а в последнее пятилетие ленинской жизни они работали вполне слаженно. В спорах о Брестском мире вождь вообще оказался в меньшинстве, а потом, в двадцатые годы образовалось полно «платформ» и шла настоящая внутривластная дискуссия. К кадрам Ленин относился бережливо, каждый штык был у него на счету и людьми он не разбрасывался, словно бы держа в уме, что проверенных товарищей никакие бабы из очереди нарожать ему не смогут. После превращения Ленина из маргинала в правителя заметно меняются даже его методы руководства, стиль общения с людьми. Благо и спорить приходилось уже не о положениях устава или умозрительном будущем землеустройства, но о проблемах собственного выживания. Значит, вождь был уверен: кто-кто, а старые большевики унизить его самолюбие точно не способны – потому и остался с ними.

Нельзя не признать и того, что общий уровень культуры и интеллекта большевицких лидеров был относительно высок – отнюдь не по кухаркиным меркам. Шаг за шагом новая власть создавала свои или восстанавливала известные из истории государственные механизмы, либо просто продолжала действия предшественников, царского и Временного правительств.

К тому же на ленинском этапе становления диктатуры она и впрямь сочетается с кое-какими формами демократии, пусть для ограниченного круга. Пожалуй, именно к ней (а не к дебюту нынешнего президента Грузии, как придумал в то время один наш коллега, намекая на особенности работы его первой администрации) подходит лучше определение «дружеская демократия». Что, в общем, тоже не ново под луной: приятелям правителя, как известно, прибыль, противникам пули, прочим – палками по пяткам. Ленин формирует механизмы коллективного действия. Совнарком заседает часами, председатель правительства черкает «записочки», пытается зафиксировать крайние точки зрения, выслушивает специалистов или просто сведущих людей. Затем относительно быстро – затягивать обсуждения вождь не позволял – принимается общее решение. Притом происходит все это регулярно и последовательно, в разнообразных форматах.

В общем, как ни парадоксально, Ленин в роли диктатора оказался «либералом»: во всяком случае, власть принадлежала не персонально ему, а партийной корпорации. Сплоченной явно не только страхом, властолюбием, алчностью или тупой фанатичной верой, но и определенными чувствами высшего порядка. Пожалуй, как раз за это «ленинские принципы» вполне искренне чтит наши незаслуженно осмеянные и бессовестно забытые шестидесятники. И за это последних уже вполне открыто возненавидела в перестройку «народно-патриотическая» публика, сообразно задачам своего антикультурного проекта (Д. Быков) объясняя их чувства к ужасному Ленину и к великому Сталину жидовской солидарностью.

Как бы там ни было, авторитарно-демократическая система сделала свое, и Россия, понеся чудовищные (но пока еще не фатальные) потери, начала выкарабкиваться. Из ниоткуда в нечто.

Россыпь вторая:

утопист или пророк?

Духовный кризис Российской империи был не в последнюю очередь связан с состоянием церкви и веры. Грамотность общества, конечно, оставалась

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org недостаточной, но ее известный рост в последнее десятилетие, возможность самостоятельного обращения к Библии не могли не подпитывать коммуноидных настроений, как было и в Германии после Лютера. Официальное православие оказалось неспособно объяснить исторический тупик, куда зашла христианская страна. Православие же народное по своей сути было ближе к «ревнивому Богу» иудеев и к «повиновению» ислама, нежели к интеллигентскому христианству, агностицизму или атеизму. Христианские мотивы любви и сострадания для народа были абсолютно неактуальны; центральное место в его верованиях занимал мстительный Бог-Отец, а Христос – только как «Спас Ярое Око». Решающий удар по церкви нанес Петр Первый: государственная религия окончательно превратилась в идеологизированный культ на потребу агрессивно-послушных толп. Многолетнее вырождение подготовило почву для новой веры.

Образованная интеллигенция понимала связь между Христом и социализмом и знала, что коммунистические идеи начинаются даже не с него, не говоря уже о Марксе. Задолго до нашей эры Платон разработал свою версию государственного устройства, в котором нет места частной собственности. Правда, позже его ученик Аристотель, комментируя эти диалоги, замечал: «но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что скорее уж следует уравнивать человеческие вожеления, а не собственность». Или: «Справедливость требует указать не только на то, какие отрицательные стороны исчезнут, если собственность будет общей, но и на то, какие положительные свойства будут при этом уничтожены; на наш взгляд, само существование окажется совершенно невозможным». Да и первый же «коммунистический эксперимент», предпринятый самим Платоном, закончился плачевно: после попытки изложить свою систему взглядов перед тираном Сиракуз философа продали в рабство, обвинив в покушении на власть, и пришлось друзьям собирать деньги на выкуп. Однако идеи социализма, прожив еще две тысячи лет, пришлись ко двору в России.

Ряд довольно тонких сравнений социализма с христианством проводит Энгельс; но во многих отношениях история большевизма близка и к исламу. Христианству, чтобы стать государственной религией в Римской империи, понадобилось триста лет, а ислам еще при жизни своего пророка не только занял весьма сильные позиции, но и совершил настоящее триумфальное шествие. В гражданской войне «продвинутое» христианство с его пацифизмом – не помощник. В этом смысле Ленин и Мухаммед почти «близнецы-братья», ибо совершили практически одно и то же: лидер, почувствовав себя гласом божьим, сумел создать вооруженные отряды и привлечь массы к своей войне за истину. Наконец, в современную эпоху так называемый политический ислам стал безудержно обогащать свою практику приемами из террористического арсенала ранних большевиков. Разве что массового захвата заложников не знали тогда; но вот предшественники-народовольцы, устроившие охоту на Александра Второго, своим образом действий сильно напоминают нынешних шахидов-самоубийц – с поправкой на технические возможности.

Многое в характере Ленина указывает на «проphetический» тип личности. Ощущение собственного избранничества проявилось с молодости, когда он сумел настроить всю семью – мать, сестер, зятя – исключительно на обслуживание его потребностей. Другой важный признак – полная неспособность психологически подчиниться другому человеку или его резонам, тогда как «просто лидер», если он достаточно умен, нередко соглашается уступить сильнейшему, чтобы тот не спихнул его с занимаемой позиции на более низкую. А у пророка за спиной сам бог – куда уж выше. И упасть можно лишь в яму со львами или в штормовую волну, но и тогда провидение спасет, выведет в безопасное место.

Из этой же оперы – полное отсутствие критического подхода к «заветам». В то же время Ленин всегда был готов менять тактические установки, исходя из потребностей реальной политики. Самая фундаментальная из всех его ревизий основоположников – применение марксистской теории к стране, где рабочий класс составлял мизерную часть населения. Однако расхожие обвинения вождя в цинизме суть не что иное, как обычное упрощение. Любой, кто знаком с верой, знает, что всевозможные эмпирические опровержения только провоцируют изощренность в доказательствах того, в чем и так не сомневаешься. Как провозглашал Тертуллиан: верую, ибо абсурдно! Ленин был не более циничен, чем сонмы истинно верующих до него и после; он без особых затруднений увязывал любые противоречия жизни с путеводным догматом.

В конце первого десятилетия XX века выяснилось, что не только многие

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org интеллигенты, но и народ в массе своей готов принять социалистический миф – идеологию всеобщего равенства «без частной собственности и деления общества на классы». Готов с одной лишь поправочкой, сыгравшей роковую роль: чтоб у меня земля была моя, а вот у буржуев ихнего имущества не было, да и самих буржуев тоже! (Как ни странно, даже собственный опыт не научил народ ровно ничему: точно тем же способом люди сегодня принимаются массово «любить Сталина» – не того, что был в действительности, но придуманного ими самими. Такого Сталина избирательного действия, который сразу прикажет расстрелять всех жадных, подлых чиновников, Гайдара с Чубайсом и Новодворскую заодно, а нас, правильных, трогать не станет, только посмотрит с отеческой улыбкой. И, наверно, оставит нам в подарок часы, как той узбекской девочке, – только, конечно, не «Славу», как ей, а лучше, как у Путина или у Патриарха. Но главное, цены снизит – само собой, не на «ручки перьевые и чулки х/б»... Если это не фидеизм в российском народном исполнении, то что тогда? Неужто утопия научного социализма в действии?)

Уже на Первом Всероссийском съезде Советов из тысячи с лишним делегатов не менее двух третей составляли меньшевики, эсеры, большевики и другие социалисты. В правительстве Керенского, сформированном в июле, социалистов было больше половины, да и остальные недалеко от них. На выборах в Учредительное собрание за социалистов всех мастей проголосовало подавляющее большинство.

Так Владимир Ульянов стал кем-то вроде нового Владимира-Крестителя, только крови при его наставлении на путь пролилось несравнимо больше. У него и толстая священная книга имелаась. Разобраться в ней профанам было так же непросто, как в Библии, написанной на мертвом языке: ну так на то и религия, чтобы ее постулаты принимать на веру.

Задолго до нас, но словно в пандан этим размышлениям, писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков сочинил вполне наукоподобную утопию, где изображал гуманный «мир близнецов» с безмятежно процветающей Российской империей (притом, что особенно ценно, вовсе не рвущейся никого строить в затылок и гвоздить по зубам даже аргументами). Собственно, она-то и была в романе единственной настоящей Россией, а «параллельная» – та, о которой пишем мы: миниатюрную копию всей планеты с ее населением вырастили в реторте около 1870 года двое экспериментаторов: злобный кристаллограф-народоволец и его компаньон-химик. В кубе, где помещалось это хозяйство, они распылили ядовитое вещество, отчего у мини-людишек периодически случались коллективные приступы бешенства. Так у них, то есть у нас, произошли обе мировые войны, все революции и, наконец, распад социалистической державы. «Большая Земля» о возможности подобных ужасов, разумеется, не догадывалась.

Но речь не об этих научно-фантастических допущениях. В правильной империи Рыбакова к списку обычных традиционных конфессий добавлена еще одна – «церковь коммунистов». Функционирует она по тем же принципам, что любая религиозная община, и святые, и пророки со знакомыми фамилиями в ней имеются, а предстоятель – мудрый, добрый двойник Михаила Сергеевича Горбачева. Вот только идея божественного в этой вере, естественно, отсутствует начисто: вместо нее один сплошной гуманизм, что-то наподобие недоразвитого или, наоборот, сильно перезревшего горьковско-богдановского богостроительства.

Поначалу задумаешься: не переборщил ли писатель с фантазиями? Могло ли большинство населения, воспитанное в единобожии, воспринимать этакое диво, как обычную «нормальную» религию вроде всех других? Потом соображаешь, припомнив кое-какие детали авторской биографии: для человека, наверняка сильно набравшегося китайского духа за годы своих научных занятий, именно такой взгляд на веру и должен быть нормой. Что ж, видно, как пели по радио в нашем раннем детстве: «Русский с китайцем – братья навек». Совершенно неважно, согласятся ли с этим сами китайские товарищи из тогдашнего и нынешнего веков.

Финал эпопеи большевистского пророка закономерно соединил обряды сразу нескольких верований из разных стран и эпох – искусственно забальзамированные «мощи» Ленина хранятся на главной площади столицы в мавзолее-зиккурате. Трудно сказать, действительно ли они остались святыней для множества сограждан, но артефактом ценимой традиции, с которым психологически тяжело расставаться, – несомненно. Таковы особенности восприятия российскими массами новой веры.

Россыпь третья:

«вам шашечки или вам ехать»?

Две тысячи лет философы предавались фантазиям, изобретая все новые коммунистические прожекты; люди попроще порою пробовали воплощать их в жизнь, но без особого успеха. После Платона, Томаса Мора и его итальянского тезки Кампанеллы Маркс давал примерно столь же упрощенную характеристику нового уклада, сводя все к отрицанию частной собственности при коммунизме. Отсюда по логике вещей вытекает упразднение и денег, и разделения труда, даже товарного производства как такового.

И вот в двадцатом столетии идея счастливого будущего все же прошла полноценную и широкомасштабную апробацию. Тут выяснилось, однако, что конкретных идей и механизмов за все минувшие века придумано, что называется – ноль целых ноль десятых. К революции большевики подошли, не имея никакого проекта или даже модели коммунистической экономики. Теоретические положения, которые можно было извлечь из трудов основоположников, представляли в лучшем случае набор худо-бедно увязанных между собой постулатов. Ленин в эмиграции писал философские трактаты, разоблачал монополии, занимался партийными склоками, но поразительно мало думал о будущем. Основные надежды, как и в нынешней посткоммунии, связывались с Западом, который, правда, в России с середины девяностых начали сильно недолюбливать, с середины нулевых устраивают пятиминутки и месячники ненависти к нему, но при этом неизменно убеждены в его обязанности делиться своим добром. Главная разница в том, что сейчас уповают на кредиты и инвестиции, а тогда ждали мировую революцию.

Какие принципы экономической организации – а экономика по определению занимает центральное место в коммунистической доктрине – предполагает марксистско-ленинское учение? Их, по сути, всего два. Во-первых, экономическое равенство людей, следствием которого является отказ от материальной заинтересованности в результатах труда. Второй принцип, логически связанный с первым. – организация хозяйства на основе научного планирования из единого центра.

В исходных построениях марксистов было одно-единственное вето: запрещалась частная собственность на средства производства. Европа, деморализованная войной и разочаровавшаяся в «скромном обаянии буржуазии», поддержала спрос на новизну. Можно говорить об авантюризме и безрассудстве большевиков, но в данном случае подчеркнуть следует другое: отсутствие «чертежей», с которыми можно было бы сравнить построенное, открывало возможности для широкого эксперимента, перебора различных вариантов. Ленин со товарищи весьма активно поупражнялись на этом поприще...

Первую теоретическую попытку Ленин сделал в Разливе. За основу взяты Парижская коммуна, прусский государственный сектор экономики, организация крупных монополий и высказывания Энгельса о «единой фабрике». При этом все управление хозяйственным механизмом сводится к контролю и учету (для чего требуется знать четыре действия арифметики) и равенству оплаты. Вот с такой «моделью» большевики и берут власть. Поразительно, но Ленин на самом деле верил, что социализм может быть построен за полгода-год! И здесь, как с политикой, дремучая наивность помогла: не ведал человек, что творит, потому и получилось.

В первые дни после переворота большевики всерьез следуют ленинским указаниям: главное – рабочий контроль, поскольку пролетариат теперь самый главный начальник. Правительство издает декреты, «трудовые коллективы» их выполняют – таков предлагаемый хозяйственный механизм. Декреты штамповались со скоростью невероятной: только в ноябре-декабре наркомы рассмотрели 500 вопросов [Волкогинов, 1994, т.1: 300].

Этой же цели служит национализация банковской системы как органа «всеобщего счетоводства». Вожди полагают, что трудящиеся, знающие арифметику, могут организовать производство по-коммунистически. Через десятилетия подобная система была создана в Югославии и действовала худо-бедно. Однако в начале века рабочий контроль вел только к дальнейшей дезорганизации и углублению кризиса. Уже в декабре 1917-го большевики начинают сооружать собственную бюрократическую машину экономики – Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ).

В 1918 году Ленин разрабатывает уже более развернутую модель в «Очередных задачах Советской власти». Наряду с верой в энтузиазм и сознательность масс она включает следующие постулаты: централизацию управления на основе всестороннего учета, контроль, единоначалие, профессионализм (использование «спецов»), соревнование, производственно-потребительские коммуны и всеобщую кооперацию. К этому времени промышленность в основном национализирована и начинается превращение народного хозяйства в «единую фабрику». Новая власть всерьез собирается строить новый экономический порядок в соответствии со старыми заветами и свежими откровениями вождя.

Однако только с централизацией производства большевики относительно преуспели. Намного хуже обстояло дело с другими «механизмами». Большевики вплотную подходят к реализации идеи уравнительного распределения и отказа от денег: частная собственность уже отменена, однако обмен товарами продолжает порождать неравенство. И здесь особое значение имеет идея производственно-потребительской кооперации. Если всех жителей страны приписать к коммуна, которые сами распределяют необходимые блага, тогда действительно можно попытаться добить остатки капиталистического обмена. Вводятся карточки, пайки, запрещается всякая торговля. Результаты, как и следовало ожидать, плачевны донельзя. Дело доходит до продразверстки, поскольку для того, чтобы распределять, надо что-то иметь.

Итог этих исканий известен. Уничтожить обмен не удалось, следовательно, пришлось сохранить и денежные знаки. Таким образом, одна из заветных идей коммунизма оказалась отвергнута с самого начала как абсолютно нежизнеспособная.

Важным механизмом производства должен был стать контроль. Всякий, кто немного знаком с историей, знает, что про контроль большевики говорили непрерывно. Даже на смертном ложе Ленин в очередной раз вспоминает о нем. Можно, конечно, считать, что в этом проявились его тоталитарные наклонности и жажда власти. Однако если обратиться к основам возникшей гораздо позже кибернетики, идею контроля можно признать вполне логичной.

Жестко централизованной и стремительно бюрократизировавшейся системе требовался механизм обратной связи. Для принятия рациональных решений необходима информация «снизу». В демократическом государстве рынок и свободная пресса постоянно выдают сигналы, позволяющие оперативно влиять на ситуацию. Чтобы компенсировать нехватку нормальных социальных институтов, большевикам пришлось изобретать различные системы контроля. Сначала был рабочий контроль, затем государственный, наконец создали рабоче-крестьянскую инспекцию. По наитию Ленин пытался добавить еще один, как говорят кибернетики, контур управления к иерархическому: поскольку материальные стимулы не работают, институты разрушены, нужно создавать новую институциональную ткань общества. В конечном счете не Рабкрин, а партия с ее многоуровневой аппаратной структурой стала основой советской государственности. Партбилет превратился во «всеобщий эквивалент», а основанный на партийном членстве всех основных руководителей контроль стал достаточно мощным рычагом управления экономикой. Впереди еще и народный контроль, и соединение того и другого. Правда, в дальнейшем лишь одна из этих форм, а именно партконтроль, сохранила свое значение.

Понятно, что социализм, каким его представлял Ленин, был утопией, к тому же примитивной. Попытки создать экономику без денег и товаров – что-то вроде построения вечного двигателя. В слабо развитой стране с малограмотным населением и разрушенным войнами хозяйством цивилизационный идиотизм задуманного трансформировался в привычные формы восточной деспотии на основе «новой веры», придававшей легитимность содеянному. Ленин оказался достаточно гибким политиком, чтобы сочетать традиционные социальные институты с мифами, приспособляемыми к русской действительности. ЧК например, «надстроило» на опричную практику мотивы классовой ненависти. Партия быстро превращалась в экзотерический орден, прираставший отрядами неопитов, а государственный аппарат оформлялся в традиционную русскую бюрократию.

Итак, более чем дискретная на первых порах политико-экономическая программа Ленина и соратников, на деле слабо связанная с лозунгами социализма, проложила большевикам дорогу к власти и позволила в ней закрепиться. Не то чтобы они были умнее и честнее всех других русских людей. Нет, здесь вышло совпадение: большевики, желая разрушить государство и построить свой рай

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org земной, были наиболее последовательны в проведении исторической ломки, в которой объективно нуждалась Россия. Старая империя была обречена, и те, кто пытался ее сохранить, терпели поражение за поражением, а кто сумел использовать энергию падения – те выиграли! Традиционные формы бытия – православие, самодержавие, народность – они восстановили в виде «коммунизма, светлого будущего человечества», «диктатуры партии», и «пролетариата» как социальной группы-«богоносца», наделенной высшей истиной в силу своей классовой природы.

Революция и Гражданская война провели чудовищную, но неизбежную хирургическую операцию: рабовладельческий строй, пережитки которого сохранялись веками, был уничтожен. Русское дворянство, поколениями использовавшее рабский труд, фактически исчезло с лица земли; православие, его опора, было оттеснено за кулисы государственной жизни. Образовавшийся вакуум элит придавал мощную социальную мобильность новым группам – мещанам, рабочим, евреям. Площадка для нового социального строительства была расчищена. Более того, возникли некоторые предпосылки для возрождения страны. Социализм оказался обновленной, «более прогрессивной» формой феодализма, способной провести модернизацию, которая дала полвека технологического развития. В России наступало «новое Средневековье».

Потом, естественно, этот импульс иссяк, а тот мир, который нужно было догонять, вошел уже в следующую – постиндустриальную эпоху.

Глава 6

Одетый с иголки интеллигент-эмигрант, пацифист, блестящий литератор, дебютировавший в сибирской газете некрологом Ницше. И – затянутый в черную кожаную сбрую, сочиненную для него художником Юрием Анненковым, чеканящий расстрельные приказы творец Красной армии, ходивший в ночной рейд на белогвардейские позиции в Казани на хлипком катере. Любитель французских романов, кабинетной работы, домашнего уединения. И – «экстремал». Рыбалка в шторм в Турции, едва не гибельные лыжные эскалады в Норвегии, где он попал в ледяную ловушку, многодневная охота в самых диких уголках Казахстана.

Интернет

Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына.
Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело.
Нарезавши тысячи тысяч петель, насильем к власти пробрался.
Ну, что ж ты наделал, куда ты залез, расскажи мне,
семинарист неразумный!

П. Васильев

Ни мир, ни война

Наркомом иностранных дел Троцкий стал по предложению Ленина. На кого же, как не на организатора октябрьского переворота, было взваливать ответственность за заключение мира? Нельзя не оценить аппаратную изощренность Ильича: своего постоянного конкурента он «ставил на место», загоняя в безвыходную ситуацию. По сути, Ленин предложил Троцкому самолично расписаться под актом капитуляции. И хотя тот имел полномочия шефа дипломатии, фактически это задача главнокомандующего – сдаться врагу с минимальными потерями. Для публичного политика такой акт смерти подобен: на всю оставшуюся жизнь клеймо. Ленин же выигрывал в любом случае: замирится Троцкий – власть премьера усилится, как и было задумано, а переговорщик получает репутацию капитулянта. Не удастся политическому сопернику добиться нужного результата – потери понесет опять же он.

Дебютный ход большевики сделали решительно. Уже 26 октября выпущен Декрет о мире: всем воюющим сторонам предлагается немедленно начать переговоры о подписании справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. 8 ноября – нота наркома иностранных дел Льва Троцкого с тем же предложением. 14 ноября германское командование выразило согласие, и 20-го в Брест-Литовске открываются переговоры о перемирии между Россией и Центральными державами: Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
Советская делегация во главе с одним из ближайших и самых стойких соратников Адольфом Иоффе требует заключить мир без аннексий и репараций, с соблюдением права народов распоряжаться своей судьбой. 7 декабря после десятидневного перерыва (устроенного по просьбе советской стороны, которая безуспешно пытается привлечь к переговорам страны Антанты) мирная конференция возобновляется; теперь делегацию возглавляет Троцкий. 5 января немецкий генерал Гофман в форме ультиматума предъявляет условия мира, по которым Россия лишается своих территорий на западе.

Троцкий ведет переговоры вязко, пытаясь выиграть время и используя заметные ему противоречия между германским генштабом и правительством, между Германией и Австро-Венгрией. Большевики пытаются – впрочем, без особого успеха – призвать к «германскому и австрийскому пролетариату».

В ЦК партии большевиков сталкиваются три позиции. Ленин стоит за продолжение переговоров, но в случае ультиматума согласен на капитуляцию ради укрепления революционной власти в оставшейся части страны; «левые коммунисты» во главе с Бухариным выступают за продолжение революционной войны для расширения арены революции. Троцкий предлагает промежуточный вариант: прекратить военные действия, не заключая мира. Преодолев упорное сопротивление со стороны советов разных территорий и многих членов ЦК, позиция Троцкого побеждает; теперь большинство за нее. Во внутривластном плане Лев Давидович ведет себя как умелый игрок: ему удается переложить часть ответственности на Ленина, которому пришлось бросить на чашу весов весь свой партийный авторитет, чтобы заставить недавних учеников признать резоны правительства.

Параллельно с борьбой на переговорах и спорами внутри партии Совнарком принял Декрет об организации РККА – большевики начали воссоздавать разрозненную армию. Забегая вперед, отметим, что декрет о всеобщей мобилизации в Красную армию был оглашен уже в конце мая. Армейскими делами занимается Троцкий. Человек, что называется, глубоко штатский, не обстрелянный даже на баррикадах революции, стремительно превратился в военного специалиста, организатора и главнокомандующего. Правда, был у него небольшой, но как видно, с пользой усвоенный опыт: в 1912-м Троцкий работал военным корреспондентом «Киевской мысли» на Балканах, а в начале мировой войны – во Франции. Да и сейчас во многих развитых странах министры обороны – гражданские лица; однако вести тотальные войны этим государствам уже не приходится.

А 28 января (еще по юлианскому календарю – переход состоялся после 31-го) Троцкий, реализуя свою формулу, сделал заявление, что «прекращается состояние войны между Россией и центрально-европейскими державами». После предъявления России ультиматума началось австро-германское наступление по всему фронту; оно продолжалось и после того как советская сторона в ночь с 18 на 19 февраля приняла все условия. Затем последовали новые, еще более жесткие требования. Ленину наконец удается добиться от ЦК безоговорочного согласия на его предложение. Принят декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!»; враг останавливается под Нарвой и Псковом в основном для отдыха и перегруппировки сил, поскольку серьезного сопротивления в эти дни он не встречал нигде. 23 февраля на позиции, брошенные разбежавшимися российскими солдатами, вошли разрозненные формирования Красной гвардии. Но кроме нескольких незначительных стычек и перестрелок, других событий в тот день не произошло, так что говорить о славных победах русского оружия не приходится. Тем не менее эта дата остается одним из главных государственных праздников, сначала как День Советской армии, теперь – День защитника Отечества. Ирония в том, что самыми деятельными его защитниками, выигравшими схватку на тот момент, были Ленин и Троцкий: трудно сказать, кто из них в большей степени. Во всяком случае, свой политический режим (для множества россиян по-прежнему неотделимый и неотличимый от понятия отечества) они отстаивали объединенными усилиями. Но не может же страна имени эффективного менеджера Сталина «праздновать Троцкого»! Хотя как раз это и было бы, по всей очевидности, исторически справедливым решением...

Третьего марта 1918 года российское государство, подписав Брестский мир, лишилось сразу четверти своего народонаселения, такой же доли обрабатываемых земель, около трех четвертей угольной и металлургической промышленности. Вскоре прошел восьмой экстренный съезд большевистской партии, на котором РСДРП(б) была переименована в РКП(б). Съезд одобрил тезисы Ленина против «левых коммунистов», поддерживающих линию Бухарина на

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
продолжение «революционной войны». 14–16 марта четвертый (чрезвычайный) Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор, а левые эсеры в знак протеста ушли из правительства. Последнее обстоятельство большевиков не сильно огорчило: межпартийные дискуссии в структурах исполнительной власти им нужны были в тот момент меньше всего.

После этого Троцкий, можно сказать, с чувством выполненного долга оставляет пост наркома иностранных дел и с апреля возглавляет военно-морской народный комиссариат. Здесь начинается его последний звездный час: он фактически создал одну из сильнейших регулярных армий тогдашнего мира, основанную на всеобщей воинской повинности и строгой дисциплине, и был ее верховным главнокомандующим в годы Гражданской войны (до 1925-го – также председателем Реввоенсовета Республики). Люди, сколько-нибудь осведомленные в истории, признают, что Троцкий был главным организатором побед Красной армии в ее первые годы. Кстати сказать, одну из самых ценных воинских наград – Орден Красного знамени ввел тоже он.

Поход Бонапарта

Лев Троцкий яснее многих других понимал психологию современной войны. Он писал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади».

О своем способе действий он рассказывал на совещании в Москве: «Дайте мне три тысячи дезертиров, назовите это полком, я им дам боевого командира, хорошего комиссара, подходящих батальонных, ротных и взводных – и три тысячи дезертиров в течение четырех недель дадут у нас превосходный полк». При этом Троцкий не только командует и казнит, но и агитирует, доказывает необходимость продолжать борьбу тысячам простых мужиков, которые в этой необходимости сомневаются, так как главную цель считают уже достигнутой – земля в их руках. У него всегда за плечами несколько десятков решительных помощников с партбилетами, готовых выполнить любой приказ. А в Москве – надежный заместитель по Реввоенсовету, блестящий организатор Скланский.

Добровольный набор в войска заменен обязательной службой, отменены выборы командного состава, в частях появились политические комиссары. Для создания боеготовой армии предприняты решительные и жестокие меры: взятие заложников, расстрелы, заключение в тюрьмы и концлагеря противников, дезертиров и нарушителей воинской дисциплины, причем для большевиков не делалось исключения. Приказ Троцкого гласил: «Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым – командир. Мужественные, храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Трусые, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед Красной Армией!».

Впрочем, ничего принципиально нового в такой установке не было. В июле 1917 года либерально-социалистическое правительство Керенского детально прописало применение высшей меры: «Смертная казнь через расстрел полагалась за военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою, подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче, к бегству или уклонению от сопротивления противнику, сдача в плен без сопротивления, самовольная отлучка с караула в виду неприятеля, насильственные действия против начальников из офицеров и из солдат, сопротивление исполнению боевых приказов и распоряжений начальников, явные восстания и подстрекательства к ним, нападения на часовых или военный караул, вооруженное им сопротивление и умышленное убийство часового, изнасилование, разбой и грабеж – лишь в войсковом районе армии» [Милюков, 2001:266].

Большевики, памятуя опыт Великой Французской революции, добавили к этому соответствующий коллективный документ. В нем уже трактуются репрессии не столько против изменников, дезертиров и мародеров, сколько против широкого круга «классовых врагов». [4 - ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ 5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.]

К лету 1918 положение новой власти было близко к катастрофе. Контроль большевиков, и без того далеко не абсолютный, распространяется на территорию меньшую, чем Велико княжество Московское при Иване Третьем. Восстали по пути на родину чехи – бывшие военнопленные и перебежчики, оседлав своими эшелонами осевую железнодорожную магистраль страны. Французы и англичане вводят в периферийные российские города свои ограниченные контингенты – скорее как бы на всякий случай, нежели с ясно выраженными захватническими намерениями. Тем не менее их действия пафосно назовут Интервенцией и будут потом трактовать как настоящую оккупацию, хотя данный термин и означает всего-навсего вмешательство. Белое сопротивление в городах и на казачьих землях, убийство левыми эсерами (занимавшими важные посты в ЧК!) германского посла и мятеж сторонников этой партии... Москва «в кольце фронтов» гражданской войны.

Троцкий выезжает навстречу боям и под Казанью приступает к организации отпора. Он вводит жесткую дисциплину, подавляет панику и измену; по войсковым частям распределяются надежные кадры, привезенные на фронт наркомом. Ему удается собрать в единый кулак разрозненные красные отряды. «Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессий был достигнут необходимый перелом» [Троцкий, 1991: 390]. Наконец, первая победа: 10 сентября 1918 года красная армия берет Казань.

Одно из самых известных сражений Гражданской войны – за Петроград. В октябре 1919-го Троцкий отбил наступление Северо-Западной армии генерала Юденича, когда Зиновьев со своей партийной командой потерял надежду отстоять город. Ситуация во многом напоминает 1941 год, когда поднимать боевой дух в Ленинграде, которым руководил растерявшийся партбосс Жданов, прилетел генерал армии Жуков. Объективно говоря, этого национального героя России тоже можно считать военным выучеником и последователем Льва Троцкого, под чьим началом молодой красноармеец Георгий Жуков сражался на нескольких фронтах...

В конце 1918 года рухнул Второй рейх. Перемирие между союзниками и Германией аннулировало Брестский договор. Это сильно подняло авторитет Ленина: тот вроде как оказался провидцем, хотя, конечно, поражение одной Германии никак не могло заменить всемирную революцию. Но хотя бы «капитулянтство» вождя было предано забвению.

Троцкий тем временем руководил военными операциями из специального поезда, превращенного в мобильный генштаб, колесивший с одного фронта на другой. В нем помещалась важная часть аппарата управления всей страной: секретариат, типография, радио, электрическая станция, гараж. Над вагоном связи была натянута антенна, которая позволяла в пути принимать радиотелеграммы из Европы и держать постоянную связь с Москвой. Передвижной гараж с автопарком позволял в любой момент «отскочить» от железной дороги, чтобы разобраться в обстановке на позициях и принять необходимые меры. В этих вылазках Троцкого сопровождали команды «запасных назначенцев» и вооруженная до зубов, с ног до головы одетая в кожу охрана.

Траектория движения этого уникального транспорта: Самара, Челябинск, Вятка, Петроград, Балашов, Смоленск, Ростов, Новочеркасск, Киев – более ста тысяч верст проехал Верховный по дорогам Гражданской войны. Не раз личная храбрость Троцкого решала исход боев; были случаи, когда министр обороны сам вел в атаку полки. Фактически всю войну Троцкий провел вдалеке от центрального правительства, лишь наездами бывая в столице. Иными словами, все тот же «синдром Моцарта»: делал что должно, не оглядываясь на то, что творится у него за спиной в глубоком тылу. Несомненно, впоследствии и этот затаенный отрыв от партаппарата с его корпоративными заботами, раскладами и интригами тоже сыграет свою роковую роль.

Но не следует думать, что стиль руководства Троцкого был сплошной

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org импровизацией – прикатил, выступил, победил. Нет, он выстроил сверху донизу четкую систему принятия решений, управления войсками, непрерывного подбора кадров. Председатель Реввоенсовета сформировал шестнадцать армий, которые воевали на всех фронтах и привели большевиков к победе. Создавая вооруженные силы, Троцкий опирался на интеллект и опыт российского офицерства. Он отверг тактику «малой войны»; и здесь ему пришлось выдержать не одну баталию с любителями партизанщины вроде Клима Ворошилова.

Революционный военный совет Республики оставался высшим коллегиальным органом военной власти в стране вплоть до 1934 года. Кандидатуры членов РВСР предлагались ЦК РКП(б) и утверждались Совнаркомом. Их количество было непостоянным и составляло, не считая председателя, его заместителей и главкомов, от двух до 13 человек. В функции председателя, он же нарком по военным и морским делам, входил контроль за правильностью претворения политики партии в военном строительстве. Его заместитель через Управление делами РВСР и Всероссийский главный штаб руководил центральным и местными военными аппаратами, координировал их деятельность с работой Главного командования, являлся докладчиком по военным вопросам в партийных и правительственных органах. В велении второго заместителя (должность введена в 1924 году) находились вопросы боевой подготовки войск.

Руководство Красной армией Реввоенсовет осуществлял через подчиненные ему штабы и управления: Управление делами РВСР, Полевой штаб Реввоенсовета Республики, Всероглавштаб, Всероссийское бюро военных комиссаров (позже Политотдел и Политическое управление РВСР), Высшую военную инспекцию. Центральное управление снабжения, Морской отдел, Военно-революционный трибунал, Военно-законодательный совет и другие. За годы Гражданской войны в РВСР входили:

лев Троцкий (6.09.1918–26.01.1925) – председатель.

Заместитель председателя: Эфраим Склянскнй (22.10.1918 – 11.03.1924).

Главкомы Вооруженными Силами Республики:

Иоаким Вацетис (6.09.1918–8.07.1919);

Сергей Каменев (8.07.1919–28.04.1924).

Члены совета:

Петр Кобозев (6.09.1918– 17.04.1919);

Константин Мехоношин (6.09.1918–8.07.1919);

Федор Раскольников (6.09.1918–27.12.1918);

Карл Юлий Данишевский (6.09.1918–27.04.1919);

Иван Смирнов (6.09.1918–8.07.1919);

Аркадий Розенгольц (30.09.1918–8.07.1919; 28.08.1923 –10.12.1924);

Семен Аралов (30.09.1918–8.07.1919);

Константин Юренев (30.09.1918–8.07.1919);

Николай Подвойский (30.09.1918–8.07.1919);

Василий Альтфатер (15.10.1918–24.04.1919);

Владимир Невский (30.09.1918–10.05.1919);

Владимир Антонов-Овсеенко (30.09.1918–8.07.1919; 4.08.1922 –5.02.1924);

Ивар Смилга (8.05.1918–24.03.1923);

Алексей Рыков (8.07.1919–09.1919);

Алексей Окулов (30.01.1919–8.07.1919);

Дмитрий Курский (2.12.1919–5.01.1921);

Иосиф Сталин (8.10.1918– 8.07.1919; 18.05.1920–1.04.1922);

Сергей Гусев (21.06.1919–4.12.1919; 18.05.1921–28.08.1923).

Нелишне вспомнить этот список: большинство из тех, кто совершил чудо победы красных, были потом уничтожены и надолго забыты.

Под конец советско-польской войны, в 1920 году Троцкий возражал против ухода Красной армии вглубь территории противника, слишком далеко за так называемую линию Керзона – восточную границу этнически польских земель, понимая, что польский народ неминуемо увидит в этом прямое продолжение завоевательной политики царей. И вместо пролетарского братания с «освободителями» поступит с ними так, как упомянутые литературные герои Сенкевича – с его же антигероями. Именно это случилось на подступах к Варшаве. Официозные российские источники называют одни и те же цифры: 200 тысяч пленных красноармейцев, из которых самое меньшее 80 тысяч умерли на чужбине от голода, болезней и издевательств. По польским данным выходит 85 тысяч военнопленных, 20 тысяч умерших. Последнее выглядит более правдоподобно, учитывая возможную емкость существовавших мест для интернирования: ведь специальную систему концлагерей на польской территории тогда еще никто не создавал.

Зато последняя крупная операция Гражданской войны на Балтике – подавление восстания моряков в Кронштадте в марте 1921 года – завершилась быстрым и полным успехом; руководил ею опять же Лев Троцкий.

Гражданская война закончилась полной победой красных, но ее итоги, особенно «боевая ничья» с ближайшим западным соседом, окончательно похоронили надежды на мировую революцию в обозримый срок. Хотя полуофициальный отказ от этой идеи будет зафиксирован лишь после смерти Ленина (когда Сталин неожиданно для многих товарищей, но более чем логично с точки зрения собственных интересов и планов примется отстаивать тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране), а упоминание о некоей «Мировой Советской Социалистической Республике» как важной цели коммунистов исчезнет из Конституции СССР и подавно в 1936 году.

Ведь империя уже собрана заново без малого в прежнем объеме. А возникновение новых революций, у которых наверняка появятся собственные вожди с претензиями на свою долю реальной власти в «земшарной республике Советов», грозит нарушить тот далеко не окончательный баланс, что установился в границах Советского Союза. Нет, товарищу Сталину определенно следует сперва решить целый ряд более важных и неотложных задач. Потом уже можно будет подумать и о слияниях, и о поглощениях, и конечно, нужна постоянная помощь всем антиимпериалистическим движениям и силам, – но ни о каком равном партнерстве с иностранцами речи быть не может.

Пока же державе предстоит утверждаться в роли социалистического уника на долгие годы, который призван когда-нибудь стать примером для всей планеты. Это покойный вождь слепо повторял основоположников, твердя о какой-то там относительной отсталости; более того, считал, что стоит только произойти революции в двух-трех странах Европы, как Россия мигом переместится из авангарда в арьергард коммунизма. Ничего подобного: отныне мы – самые передовые!

А «Моцарт мировой революции» Троцкий, фактически преподнесший на блюдецке возрожденную империю своему новому сопернику, продолжал, подобно пушкинскому Моцарту, играть и слышать лишь то, чего душа просила. Не считаясь ни с какими обстоятельствами.

Являлось ли ему «виденье гробовое, незапный мрак иль что-нибудь такое»? Томила ли бессонница?

Как бы то ни было, начальные такты «Реквиема» уже прозвучали.

Первый ученик

Революцию начали постепенно «изымать» из биографии Троцкого еще в те годы, в середине 1920-х. Пропаганда, а за ней и система образования, и массовое искусство все труды и заслуги Льва Давидовича «переписали» на Ленина и Сталина, причем октябрьский переворот достался преимущественно Ильичу. Основное же, что на первых порах Сталину приходилось делить с Троцким – Гражданская война. К концу своей жизни генсек не только ликвидировал главных участников тех событий, но и присвоил все победы красных, заодно Троцкого представили злостным врагом большевистского дела. После XX съезда КПСС уже Сталин «пропал» с театра военных действий, но его безвестность оставалась сравнительно недолгой.

Если подойти объективно к немногим имеющимся данным, напрашивается вывод, что во время самой войны существенных разногласий между Троцким и Сталиным не было, а отдельные споры разрешались в текущем порядке. В пользу этого говорит и распространенное сегодня мнение о разном статусе Троцкого и Сталина в то время. Первый – красный бог войны, второй – аппаратчик, пусть и из числа особо приближенных к Ленину. Тем более в соответствии с версиями «хрущевского» извода, Сталин вплоть до 1922 года, когда его чуть ли не по чистой случайности избрали генсеком, вообще ничего особо заметного не совершал. Если объединить оба популярных представления – какой может быть конфликт у «фельдмаршала» с «бумажной душой»?

Первый председатель Совнаркома страну знал слабо, дальше Горок не бывал, решения в силу их объективной сложности либо некомпетентности новой когорты управленцев принимались зачастую едва ли не наобум, на одной интуиции или, как говорили, «классовом чутье». Лавина дел, обрушившаяся на большевистское правительство, привела Ленина к необходимости полноценной коллективной работы. В таких условиях нужно было иметь управляемую команду, которая не вспоминала бы о сделанных ошибках, не выясняла отношения и не боролась за близость к быстро слабевшему телу, а работала.

Надо признать, что Ленину удалось сформировать дееспособный костяк органов управления, в котором удачно применялось разделение труда. Разносторонняя одаренность и темперамент Троцкого позволяли взвалить на него любую сложнейшую проблему – и он чаще всего справлялся наилучшим образом. Свердлов, Каменев и Рыков были упорными и исполнительными помощниками под рукой у вождя. Дзержинский не только проявил себя беспощадным организатором репрессий, но впоследствии постарался по хозяйственной части. Бухарин, Преображенский, Радек – «товарищи оформители», яркие публицисты и теоретики. «Аппаратный либерализм» Ленин пытался компенсировать выдачей мандатов, дающих абсолютные полномочия – такими бумагами он награждал Троцкого и его людей в Реввоенсовете. Например, 10 июля 1919 года Рыкова произвели в «диктаторы» по военному снабжению, с задачей накормить советскую власть в условиях массового голода и сопротивления крестьян.

А какое место в этой слаженной команде занимал Сталин?

Реальные заслуги тирана в Гражданской войне сегодня оценить непросто. Мало-мальски просвещенные обыватели помимо повести Алексея Толстого «Хлеб» (в которой писатель, само собой, «отдал дань культу личности») знают разве что о том, как Сталин «помешал Тухачевскому взять Варшаву», да еще чувствительный такой фильмец по ящику, где двухметровый красавец Иосиф куда-то мчит сквозь метель на паровозе, пока его жене-бедняжке делают на походной наковальне очередной – сорок первый, что ли, по счету аборт. Люди более продвинутые могут припомнить конфликт с табуированным Троцким под Царицыном, когда абрек Джугашвили, привычный к терактам и прочей партизанщине, ставил палки в колеса наркомвоенмору, строившему современную армию. Вот, собственно, и все.

Действительно, оборона Царицына – самый известный эпизод в боевых действиях с участием Сталина. Но и здесь картину затемняют многослойные «культовые» напластования: в память об этом событии Царицын еще в 1925 году переименовали в Сталинград, потому титаническая битва за этот город в следующей войне стала Сталинградской. Очевидно, во всяком случае, стратегическое значение Царицына-Сталинграда в обеих войнах. Тот, кто держал его в руках, перекрывал Волгу, связывавшую по меридиональной оси всю европейскую часть страны; следовательно, Сталин в Гражданскую находился на одном из ключевых направлений. И если Троцкий играл первую скрипку в

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org большевистском оркестре, то его будущий преследователь был никак не меньше, чем «главным ударником».

Официально карьерный взлет Сталина начался с назначения на пост наркома по делам национальностей, что всегда оставалось общеизвестным. Только после «оттепельных» разоблачений эту должность стали считать синекурой с неясным кругом задач, тем более полномочий. Ну допустим, Ленин перед смертью вдруг принялся разбираться с национальным вопросом и настоял на федеральной организации СССР. Но чем конкретно занимался Сталин битых пять лет до этого решения, не сообщалось. Да были ли тогда вообще национальные проблемы, или большевики всех сепаратистов догадались вовремя поставить к стенке, не то что Горбачев и Ельцин?

Проблемы, конечно же, были, и не менее, если не более сложные, чем семьдесят лет спустя. В многонациональной империи, унаследованной большевиками, русские составляли 43 % населения; гораздо острее, чем сейчас, стоял еврейский вопрос, а роль закоренелых сепаратистов, не согласных ни на какие компромиссы и подающих дурной пример всем остальным, играли поляки. Финский народ отстаивал свои права более умеренными методами, но столь же упорно. Весьма непросто складывались отношения нового государства с Украиной. И на Кавказе были практически все те же линии разлома, что мы наблюдаем сегодня: осетино-вайнахская, армяно-азербайджанская, грузино-абхазская...

Выходит, далеко не последний по значимости пост получил Джугашвили. Просто так сложилось, что для биографии вождя народов всегда хватало более эффективных сюжетов – будь то борьба с Царским режимом, с мировым империализмом и фашизмом или с «троцкистско-бухаринской кучкой убийц, шпионов и вредителей». Однако его особая увлеченность массовыми депортациями соотечественников по этническому признаку, проявившаяся уже с начала 1930-х, явно шла от «первичной специализации»

Еврейский вопрос Сталина в годы Гражданской войны как будто не занимал. Он решался на другом уровне и другими средствами – евреи активно участвовали в боевых действиях и чистках, занимали государственные посты, а при этом в прифронтовых зонах, как водится, шли погромы, которыми грешили не только белые, но и красные. К польской и финской проблемам Сталин приложил руку уже в другом качестве и в другое время. Советская власть поначалу легко согласилась отпустить из империи оба народа, потом спохватилась, но было поздно.

Впрочем, провозглашение права наций на самоопределение было не только эффективным, но и высокоэффективным политическим ходом. Приписывание Борису Ельцину «большевистских методов», неизменно раздражающее его сторонников-либералов, по крайней мере, в этом отношении не глупость и не провокация. А для «красных», «белых» или каких других «имперцев» оно и подавно имеет глубокий смысл. В 1990-е Ельцин фактически повторил этот ход на свой манер, заявив фрондирующей Республике Тачарстан: берите суверенитета, сколько сможете. И выяснилось очень скоро, что реальные потенции местного суверенитета не так уж сильно угрожают государственному единству. Гораздо хуже вышло с Чечней, но там центральная власть не учла такой «факультет забытых вещей», как устойчивые реликты военно-демократического уклада. Ничего удивительного, коль скоро сегодня не каждый квалифицированный историк способен представить во всех подробностях, что это такое; о питомцах Высшей школы КГБ им. Ф.Э. Дзержинского и говорить не приходится. А военная демократия – совсем не только абречество и даже не набеговое хозяйство с пережитками домашнего рабства: ее главный сущностный признак – полное отсутствие властной вертикали в привычных и сколь-нибудь понятных нам формах. Иными словами, для того, чтобы официальная Москва хотя бы теоретически могла договориться о чем угодно с тамошними мятежниками, следовало бы подписывать отдельное соглашение с главой каждой чеченской семьи. (Именно с этим фактором взаимного непонимания мотиваций столкнулось в свое время правительство США, когда еще пыталось заключать мирные договоры с племенами степных индейцев: обе стороны постоянно обвиняли друг друга в вероломстве, и с позиций собственной «школы цивилизации» обе были одинаково правы.) Это, впрочем, совершенно особая большая тема – Большевики в Гражданскую войну использовали сепаратистские настроения, как чудо-оружие в борьбе с белыми, у которых не принимались на дух даже мягко федералистские проекты – только Единая-и-Неделимая! В этом идеологическом аспекте русопятствующие «заединщики» современного образца стали их прямыми наследниками. С тою принципиальной разницей, что среди последних вовсе не

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org нашлось готовых идти на смертный бой не то что за имперские идеалы, но даже за свои корпоративные интересы. Если политика Ельцина лишь косвенно способствовала переделу земли и имущества в пользу «коренных»; то ленинская гвардия приложила руку самым прямым образом – например, на том же Северном Кавказе в борьбе вайнахских родов с «белоказаками» и «белоосетинами». В конечном итоге призывы к самоопределению оказались эффективной демагогией – справившись с главным врагом, красные подавили по отдельности сопротивление большинства окраин. Так, в Средней Азии местные элиты отвергали большевиков не столько как создателей нового политического строя, но как противников веры. Эти элиты были полностью уничтожены. (И что же – к началу нового тысячелетия «задержанная» история успешно вырастила их точную социально-политическую кальку, правда, в каких-то деталях упрощенную, в чем-то и ухудшенную, как любая копия по сравнению с оригиналом...)

Однако задачи Сталина в Гражданскую войну не ограничивались Наркомнацем. Он был еще и членом Реввоенсовета Республики, реввоенсоветов Западного, Южного и Юго-западного фронтов, затем вошел в Совет обороны представителем от ВЦИК. А главное, в марте 1919-го Сталин назначается начальником Государственного контроля, позднее реорганизованного в наркомат Рабоче-крестьянской инспекции. А кто еще в РСФСР имел сразу два поста в Совнаркоме? К тому же начальник Рабкрина – это универсальный мандат, позволяющий внедриться в любую сферу деятельности. Здесь, как и в нацвопросе, не приходится ничего производить или обменивать, надо только контролировать и карать. Как Наркомнац связан со всеми географическими регионами, так и главный контролер страны обрастает связями во всех отраслях экономики. В отличие от многих других, которые, заняв определенное место, так на нем и застревают – например, Зиновьев просидел «на Питере» до самого конца. Вполне естественно, что такой человек становится универсальным деятелем с соответствующими возможностями. Все начальство его знает, и он знает всех. Но что знают другие о нем?

По большому счету – разве только то, что слишком очевидных ошибок он не совершал и в порочащих связях с кем-либо не замечен. Примечательно, что Ленин до конца своих дней не находил у «чудесного грузина» никаких более серьезных недостатков, нежели слишком грубые манеры. Но такое легко было объяснить простонародным происхождением и куда более суровой, чем у множества соратников, жизненной школой. (Правда, Каменев в последней, самой тяжелой ссылке, был вместе со Сталиным, и его как будто в brutальном поведении не упрекали.) Да и сам главный вождь, по крайней мере, на бумаге, хамил неугодным ничуть не меньше – беря, в свою очередь, пример с учителя Маркса...

Некоторые, как покойный Дмитрий Волкогон, полагают, что Ленин был интеллектуально ярче и сильнее, чем Сталин. Однако сталинский диамат в «Кратком курсе истории ВКП(б)» или его брошюра о языкознании ничем не уступают «Материализму и эмпириокритицизму», хотя к философской науке все эти труды имеют весьма отдаленное отношение.

Попробуем представить изменения в аппаратном весе Сталина, сведя их в таблицу состава высших партийных органов с 1919 по 1923 год (см. след. стр.).

Понятно, что в то время партийная иерархия еще не приобрела столь четкой структуры, как в годы «развитого социализма», когда даже порядок расположения на Мавзолее во время праздничных мероприятий был четко зафиксирован. Тем не менее, из списка виден «основной состав» ленинской команды, его ближайшее окружение – Политбюро, ядро которого составляют Ленин, Каменев, Зиновьев, Троцкий. Сталин, Бухарин а еще, как ни странно, совершенно невыразительный (хотя и «рабоче-крестьянский» донельзя, и знавший Сталина еще по Тифлису; может, для того и понадобился?) Михаил Калинин.

Теперь подсчитаем номенклатурный рейтинг соратников простейшим способом: суммировав количество кооптаций в высшие органы, считая присутствие в каждом из них – Политбюро, оргбюро, секретариате – за единицу. Можно разделить на максимально возможное количество номенклатурных позиций – 15 (пять съездов помножены на три позиции). Получаем относительный рейтинг:

Сталин – 12 (0,750) Калинин – 10 (0,667) Троцкий – 6 (0,400) Молотов – 6

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
(0,400) Томский – 6 (0,400) Зиновьев – 6 (0,400). Бухарин – 6 (0,400)
Каменев – 5 (0,333) Крестинский – 5 (0,333) Рудзутак – 5 (0, 333)

Старшее поколение помнит, что такое «член Политбюро». Если сравнивать с прошлой имперской эпохой – статус члена царствующего дома, что-то вроде великого князя. И кого здесь мы видим?

Ленин – самый главный, безусловный лидер.

Троцкий – по сути, по делам – не менее значительная фигура этого периода.

Каменев – в отличие от двух первых, его сегодняшняя репутация совсем никакая, поэтому стоит перечислить его, прямо скажем, неординарные функции – первый «президент» большевистской России, заместитель Ленина по Совнаркому и Совету труда и обороны, руководитель Москвы.

Зиновьев – близкий соратник Ленина, знакомый с ним с 1903 года, рядом с вождем много лет прожил за границей, был его любимым учеником, способным и почтительным. Именно его Ленин взял с собой в Разлив в 1917 году, когда ему угрожал арест и, возможно, казнь. Партийный начальник Петрограда, впоследствии «главный коммунист во всем мире» – руководитель Коминтерна; блестящий оратор (об этом говорил Троцкий!) и агитатор.

Сталин – последний в списке, но он надолго переживет всех остальных. Оставаясь в рамках логики, принять хрущевские утверждения, якобы будущий диктатор был рядовым в команде Ильича, невозможно.

Однако многообразие должностей и впрямь не позволяет однозначно описать функцию каждого из вождей. Троцкий – фактически первый заместитель, Каменев и Зиновьев – заместители. А Сталин? Поищем подходящее слово. Пожалуй, наиболее точное – помощник, то есть человек, реально очень близкий к боссу в силу, может быть, не столько своего авторитета, сколько готовности и умения выполнить любое поручение. Не приходится сомневаться, что в иных обстоятельствах он мог бы и руководить группой киллеров, как, вероятно, руководил боевиками в «эксах».

После революции Сталин обретает реальные административные и силовые полномочия, становится кем-то наподобие генерал-адъютанта при императоре. Кстати, с незапамятных пор в каждой мало-мальски представительной ведомственной конторе имеется должность руководителя аппарата: поставленный на нее человек не отвечает за какое-либо конкретное направление деятельности, но участвует во всех делах как главная бюрократическая «крыша». Из советской действительности эта должность плавно перекочевала в новую Россию.

Одним словом, если подытожить все регалии и чины Сталина, то можно убедиться, что он для Ленина – незаменимое «второе я». Не только тот, кто всегда голосует «за», но и «бич божий» вождя, его Аракчеев, которому можно поручить самую неприятную работу с полной уверенностью, что он, во-первых, не станет задаваться ненужными вопросами, во-вторых, выполнит все по максимуму, не считаясь ни с какими сантиментами.

И если еще до июля 1917 года первым среди апостолов «пролетарского мессии» был Григорий Зиновьев, то после этой даты именно Сталин сделался связующим звеном, незаменимым для Ленина. Понятно, что на войне преуспевают те, кто умеет добиться результата любыми средствами. Надо думать, действия Сталина производили на Ленина наиболее впечатление, иначе почему у него одного столько мандатов? Именно Сталин становится, по Евгению Шварцу, «мерзавцем – первым учеником». Потому не случайно, но вполне логично его последующее призвание на пост генерального секретаря ЦК.

В официальной пропаганде до XX съезда партии аппаратные победы Сталина не педализировались. Но и тогда его представляли, выдающимся, как придумали говорить сейчас, менеджером, которого Ленин направлял на самые сложные участки и который неизменно добивался победы. В следующую войну сам Сталин отчасти перенесет это амплуа на Георгия Жукова; оттого, надо полагать, лихому маршалу при нем и прощалось многое такое, что не сошло бы с рук другим, не менее одаренным полководцам.

В связи с этим стоит вспомнить, с чего началась царицынская эпопея Сталина. В мае 1918 года его назначили «руководителем продовольственного дела на юге

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org России» – чрезвычайным комиссаром от ЦК с неограниченными полномочиями по жизненно важному направлению. Приехав с группой доверенных людей, он принялся наводить жестокий порядок и в конце концов поставил-таки ситуацию под свой личный контроль, хотя бои под Царицыном шли еще долго, с переменным успехом. После 1956-го в учебниках из ближайших военных соратников будущего генсека оставили только Ворошилова и Буденного.

Характерно, что даже чрезвычайного мандата Сталину как будто очень скоро стало не хватать. В начале июля он сообщает Ленину, что реквизирует уже много зерна, но пока не может отправить его в Москву из-за разрушенных железнодорожных путей. И добавляет как бы между прочим: «Дайте кому-либо (или мне) специальные полномочия (военного характера) в районе южной России для принятия срочных мер пока не поздно. Ввиду плохих связей окраин с центром необходимо иметь человека с большими полномочиями на месте для своевременного принятия срочных мер». Через пару дней, не дожидаясь ответа, пишет новое письмо: «Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Для Сталина эта кампания завершилась полным успехом: созданием Военного совета Северокавказского округа во главе с ним (причем возводит его на этот пост пришлось самому Троцкому – «по поручению Совнаркома») и последующим прореживанием «троцкистской гвардии» военспецов, чьи планы обороны не понравились Сталину. Тут уже можно было выразить удовлетворение достигнутым: «Не сомневаюсь, что [наши дела] пойдут еще лучше... Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш Сталин».

Другая важная командировка – Восточный фронт. В январе следующего года Сталин вместе с Дзержинским расследует причины сдачи Перми: аресты трибунал, расстрелы... Еще одним известным местом «наведения порядка» стал Петроград, где Сталин проводит мобилизации рабочих и аресты классово чуждых элементов. Весенне-летнее наступление Юденича захлебнулось. Но при следующем, осеннем, спасать ситуацию пришлось уже Троцкому, что, конечно, не прибавило ему симпатий со стороны «абрека».

Впоследствии Сталин стал известен и как организатор наступления на юге. Однако на польском фронте ему впервые не повезло по-крупному, что впрочем, не повлияло на цеховские расклады. Надо заметить и то, что сам он, в отличие от Троцкого, в атаки никогда не ходил, предпочитая осуществлять руководство вдали от передовой.

Тем не менее товарищи по партии отметили его заслуги патетическим постановлением: «...В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов, Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-крестьянской Революции в июле 1919 года подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии. Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем, личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику. В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его работы на южном фронте. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И.В. Джугашвили (Сталина) орденом «Красного Знамени»».

Так в Гражданскую войну впервые схлестнулись пути Троцкого и Сталина. В конечном итоге все свершения одного были приписаны другому. Потом, правда, произошел очередной разворот непредсказуемого прошлого. Даже бывший Царицын переименовали по-новому, однако Сталинградская битва, вопреки торжествовавшему в тот момент духу волюнтаризма, все-таки не стала «Волгоградской». (Сейчас в разных кругах – как самодеятельных, так и полуофициальных – периодически поднимается вопрос о возвращении городу славного имени номер два.)

А главное, Троцкому не вернули совсем ничего и нигде.

Опять, опять взлетают шашки,
Труба рокочет по рядам,
И скачут красные фуражки
По разоренным городам...
Вольнолюбивые крестьяне
Еще стреляли в спину с крыш.
Когда в предутреннем тумане
Перед разъездом встал Париж.
Плывут багровые знамена.
Грохочут бубны. Кони ржут.
Летят цветы. И эскадроны
За эскадронами идут.
Они и в зной, и в непогоду.
Телами засыпая рвы.
Несли железную свободу
Из белокаменной Москвы.

А.Эйснер

Соратники вчера и сегодня

Многое в «проклятых девяностых», что массовому человеку советской выделки кажется пагубными изобретениями современных либералов, демократов и прочих национал-сепаратистов, на самом деле – основательно позабытое давнее прошлое. То, что было в России сразу по окончании Гражданской войны, история воспроизвела сразу в нескольких уголках распавшегося Союза: в непризнанных или, как их еще называют, «пиратских» республиках, которые не согласились подчиниться беловежско-ооновским схемам раздела, в результате отвоевали за независимость, а затем пережили разруху и блокаду. Вдобавок к ним надолго приклеился ярлык «коммунистической Вандеи» – так пропаганда официально назначенных суверенов мстила отщепенцам за поражение. В действительности этнические мятежники вовсе не были поголовно привержены советской идеологии; но кое в чем этот штамп довольно точно отразил их общую ситуацию.

Русские большевики начали свою главную междоусобную разборку относительно поздно, на пятом году после захвата власти, когда основные битвы Гражданской были позади. По схожим законам развивался «социально-политический заказ» в большинстве непризнанных республик вчерашнего СНГ.

Поначалу над вчерашним полем битвы реет неомраченный дух боевого товарищества, своего рода патриотическая релаксация. Первая цель достигнута, враг отброшен, но остается общим для всех, память еще свежа, и любые расхождения в своем кругу вторичны. Депутатов и других лидеров выбирают почти как командиров в земляческом ополчении или сельских старшин на сходе. Те из «наших», кто мог бы предъявить принципиальные счета новой реальности, в большинстве решили перебраться куда-нибудь подальше, да и там по понятным причинам редко рвутся обнародовать несогласие с режимом на родине. Об оставшихся на месте «чужих» говорить не приходится.

Постепенно жизнь входит в более или менее устоявшуюся колею, и вот наступает момент, скажем так, взрывообразного расширения политической субстанции. Тут уже образ врага как внешней (этнически или классово чуждой) силы перестает застить весь свет: обостряется внутренняя конкуренция, нередко переходя в борьбу на уничтожение; бурлят публичные дискуссии. А затем прежняя – как правило, единственная «революционная» партия, она же национальное движение, сходит со сцены, перерождаясь в классическую постсоветскую «партию власти» со своими фаворитами и изгоями. Однако воплощенные символы общей борьбы и победы пока в неприкосновенности: претензии фронды сосредоточены на «коррумпированных бюрократах в окружении лидера», на «сером кардинале» или еще каких заместительных фигурах. Иначе – народ не поймет. Без кавычек. Но и это до поры до времени.

Возможно, из-за сравнительно небольших размеров отделившихся территорий и народов ни у кого из них не было «революционной троицы» в полном комплекте. Но, например, в Абхазии можно обнаружить «своего местного Ильича». Как и

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org российский вождь, Владислав Ардзинба долго жил и работал вдали от родных мест, разве что только не за границей и отнюдь не на положении маргинала. Конечно, его в незнании собственного народа не упрекнуть – хотя бы просто потому, что чуть ли не все абхазы от хладных питерских скал до речки Аалдзги лично знакомы друг с другом: их в этом пространстве и наберется-то немногим больше ста тысяч. Все же без подобных обвинений не обошлось: сторонники грузинского дела утверждали, что Ардзинба в жизни не имел ни малейшего соприкосновения с их государствообразующей нацией, оттого и стал таким закоренелым нигилистом; но это явные выдумки. Как Ленин, он возвратился на родину в критический момент, возглавив освободительное движение; правда, старался до последней возможности действовать исключительно легальными методами. И так же сделал невероятно рискованный, но оказавшийся единственно верным шаг, когда все повисло на волоске: грузинские отряды заняли столицу; по другую сторону российской границы, в Адлере дожидался самолет со спецназом из Тбилиси, пока абхазские начальники сбегут сюда, и можно будет их интернировать. А те по настоянию Владислава Григорьевича решили, несмотря на видимую безнадежность положения, держать оборону в Гудауте, «самом абхазском» центре страны, и в итоге выиграли войну с мизерной территории в кольце фронтов, при поддержке добровольцев из-за Большого Кавказского хребта. Шамиль Басаев, очевидно, здесь сыграл роль Беды Куна – если и не в реальности, то в записках мемуаристов. Лет через шесть после победы Ардзинбу поразил тяжелый недуг, в чем-то даже схожий с ленинским (хотя официально он оставался на посту до исхода следующих президентских выборов) – и когда это стало очевидным, пошли слухи, будто президента отравили враги. Современный уровень знаний позволяет счесть такие подозрения, во всяком случае, более обоснованными, нежели давние сказки о «пропитанных ядом пулях Каплан».

Правда, в наши дни всякое сходство заканчивается: карты абхазской политики смешала рука *dei ex machina*. «Конференции в Рапалло» пока не видно и на горизонте, но все-таки мятежную республику признали уже не только Кремль и безвластное правительство давно не существующего африканского государства Сомали, но также, после долгих сомнений, Никарагуа. Возможно, признает окончательно и Венесуэла, когда русские подвезут еще больше дарового оружия, и даже Белоруссия – если ее батьке, наоборот, Европа не подбросит кредитов по потребностям...

В Нагорном Карабахе, в свою очередь, имеется прямой аналог Троцкого: главком и министр обороны, военный диктатор и пламенный мотор соответствующей хозяйственной системы. Именно он в тех местах стал живым символом победы. «Один из наиболее ярких и талантливых командиров, Самвел Бабаян участвовал в боях на самых трудных участках. Практически не было такого участка фронта, где не побывал Самвел Бабаян. Не отягощенный академическими военными знаниями, принимал смелые и неординарные решения», – сообщает сегодня один из сайтов его сторонников.

А в первые годы мира о Бабаяне рассказывали в Степанакерте: «он выиграл нашу войну, вот только говорить открыто при нем боялись». Потом он, совсем как Троцкий, был объявлен убийцей – ладно, хоть не шпионом. И альпинистскими орудиями, каковых, несомненно, хватает на складах в высокогорной стране, его, к счастью, не рубили.

Над благополучно отстроенной карабахской столицей распласталось по склону ее «верхнее предместье», некогда центр Карабахского ханства, затем славный город Российской империи (пятый по величине и значению во всем Закавказье), а нынче захудалое районное местечко Шуша. Еще выше, на одиноко вознесшейся скале – городская тюрьма. Там четыре с половиной года из назначенных по приговору четырнадцати отсидел Самвел Бабаян, обвиненный в покушении на тогдашнего президента НКР. Последний его и помиловал, выдержав приличествующий срок. Вскоре по выходе на свободу Бабаян основал свою политическую партию, власти ее явно не зажимают. К чести для местного общества, удалось пройти по острию кинжала, избежав раскола. Больше никаких последователей революционного вождизма в Карабахе уже не находилось.

Возможно, еще и поэтому из всех непризнанных или «недопризнанных» столиц на бывших имперских окраинах один только Степанакерт местами – особенно ночью, когда из едущей машины не углядишь горный кавказский колорит, а видны в основном углы домов, тротуары и фонари – вполне может сойти за тихий городок где-нибудь в провинциальной Европе, за десятилетия позабывшей войну.

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
А что же третий вождь? У многих, если не у большинства осетин можно заметить весьма своеобразное отношение к фигуре Сталина: когда речь заходит о великих свершениях и исторических победах, то он «весь наш», брат по крови. В записках одного отставного генерала из этой нации даже довелось прочесть, что пару раз Иосиф Виссарионович заговаривал с ним по-осетински, не то что совсем бегло, но довольно свободно. А вспомнят про жестокости и преступления – тут Сталин персонифицируется как чужак, «настоящий кекел» (так в Осетии и некоторых других областях Кавказа прозывают почему-то всех грузин, при том что у них самих это слово неясной этимологии и довольно прихотливой семантики подразумевает только женский пол).

Можно допустить, что сравнение со ним, приди такое в голову кому-нибудь, вполне бы импонировало югоосетинскому президенту Кокойты, одному из тройки разрушителей статус-кво вокруг Цхинвала, на который за все годы своего правления не покушался Шеварднадзе, и ответственному исполнителю окончательной этнической чистки в регионе. Но увы!..

...В результате удара тупым аппаратом

Очень похоже все было и в Советской России по окончании главных битв Гражданской войны. До этого времени действия Ленина, Троцкого и Сталина еще можно рассматривать по отдельности; да они и находились в разных местах, и встречались все вместе нечасто. Предсовнаркома из Москвы и ближайших окрестностей не выезжал, двое других кочевали по фронтам необъятной родины. Но с 1921 года важнейшим содержанием политической жизни, по сути, определившим будущее державы, становятся личные противостояния или коалиции внутри этой тройцы.

В стране кризис, полыхают крестьянские восстания, где-то идет последние бои, еще не добита оппозиция бывших союзников, страшный голод и разруха. Но главное происходит наверху, вокруг нового трона, который воздвигли большевики. Там велась не просто борьба за первенство. Новоиспеченная элита искала магистральный путь страны и лидера, лучше всех других подходящего к следованию именно этим путем. И обрела их, хотя не с первого шага.

Загвоздка оказалась в том, что самым мощным фактором единения в тяжелейший период войны служил как раз Лев Троцкий. В большевистскую команду бывший противник пришел со стороны, когда там уже сложилась система отношений и лидерство Ленина, за которое он боролся столько лет, было бесспорным фактом. Успешный захват власти, удачный в конечном итоге исход Брестского мира закрепили репутацию «вождя и пророка», а победа в Гражданской войне вознесла ее до заоблачных высот. Но параллельно – и не в меньшей мере – рос авторитет Троцкого. Это тоже работало на сплочение ленинцев, прекрасно понимавших, что в случае ослабления старого лидера с новым им будет труднее.

Как только отступила угроза поражения, политический кризис в условиях диктатуры «пролетариата», то есть единственной партии, превратился во внутривнутрипартийный. Острых проблем несколько, на первый план временно – до Кронштадтского мятежа выходит «дискуссия о профсоюзах», послужившая скорее поводом на фоне разрухи и народных восстаний. И здесь, впервые за долгий срок, Лев Давидович публично обозначает свое несогласие с Владимиром Ильичем.

Это вовсе не было реальной схваткой двух лидеров: скорее, наркомвоенмор, упоенный своими подвигами в продвижении советской власти и важностью новых задач (в тот момент он разруливал сложнейшую транспортную проблему страны) просто решил слегка поиграть мускулами, то есть интеллектом. Он поглядывает свысока на товарищей, как бы невзначай бросая лозунг перетряхивания профсоюзов, на съезде участвует в обсуждении как «старший», снисходительно объясняя «мелюзге» свою позицию. Да и некогда ему рассусоливать – он сейчас же уезжает подавлять мятеж в Кронштадте. И вот тут происходит такое, чего Троцкий не сумел понять и объяснить до конца своих дней: пока он разбирался с матросами, партия нанесла ему сокрушительное аппаратное поражение.

Внешне все выглядело как разгром «рабочей оппозиции – «децистов»», то есть сложившейся пару лет назад группы последовательных сторонников демократического централизма, который они противопоставляли бюрократическому, требуя передать управление хозяйством профсоюзам. Кстати,

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org в принятой совсем незадолго до того, на VIII съезде, второй программе партии содержится именно такое положение (п.5 «в области экономической»): «Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством как единым целым».

А уже на X съезде «синдикалистов» размазывают по стенке, и не только как противников экономической политики партии. Принимается резолюция, запрещающая фракции, что имело принципиальнейшее значение для будущих политических междоусобиц: «Съезд предписывает немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии». По сути, это было дальнейшим свертыванием любых форм демократии, что наряду с нэпом, собственно, и считается главным результатом этого партийного форума. На требования «рабочей оппозиции» съезд ответил, что профсоюзы и так играют большую роль в советских учреждениях. Кроме того, они еще не освободились от «цеховой узости», значит, реальная экономическая власть должна оставаться у РКП(б).

Интересный штрих в понимание «фона» этих политических процессов вносит личная переписка Ленина со старым большевиком, пермским рабочим Гавриилом Мясниковым, чьим главным следом в истории остался расстрел великого князя Михаила в 1918 году и самолично сочиненная об этом брошюра под названием «Философия убийства». В начале 20-х Мясников был самым авторитетным из лидеров «рабочей группы», по многим позициям солидаризовавшейся с привластными интеллигентами-«децистами». Его сторонники, в частности, добивались «свободы слова для всех, от анархистов до монархистов».

Ильич попытался дружески убедить оппозиционера: «Мы ясно видим факт: «свобода печати» означает на деле немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас». Мясников оставался непреклонным: «Не верите вы в силу рабочего класса, не верите вы в его классовую политику, а верите в чиновников – вот ваша беда, – отвечал он вождю. – Вы разве не знаете, что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидит в тюрьме и ни одного буржуа не сидит, который так и вопроса ставить не будет? Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В чека или больше того, меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Люксембург, Либкнехта. Еще раз, вы замахиваетесь на буржуазию, а у меня кровь из зубов, а скулы трещат у нас, рабочих».

Потом философа-убийцу арестовывали не раз, и в конце концов сослали в Армению. Однако сбежать ему удалось не в страдательном залоге, переплыв бурный Араке. Добравшись из Персии в Париж, Мясников продолжал писать брошюры, в которых разоблачал сразу Сталина, Троцкого и Бухарина. На свою беду, под конец Великой Отечественной он решил все-таки вернуться на родину, и тут уж «бежали» его – а реабилитировали только при Путине..

Итак, меняется принципиально расклад сил в руководящих органах. По «качеству» занимаемых должностей между IX и X съездами ленинцы стоят явно выше, но по количеству аппаратных позиций «троцкисты» держат паритет 8:8. О более-менее равном соотношении сил упоминал и Сталин.

После X съезда Троцкий в партийном руководстве остался один-одинешенек. Все остальные – ветераны ленинской гвардии или уже новые «люди Сталина». Пятнадцать на одного – разгром полный и, как подтвердила история, окончательный. Вот это действительно был «Великий перелом»! Видимые свидетельства краха – дело лишь времени. Да, у него пока остается армия, и личный рейтинг среди партийной элиты близок к стопроцентному. Кстати, принятие на том же съезде новой экономической политики, которую ранее предлагал Троцкий, в очередной раз засвидетельствовало его позиции интеллектуального лидера. Может, эти почести дезориентировали самого Льва Давидовича? Уже через год он будет обложен со всех сторон, а вскоре затравлен вконец.

Кто же решил исход борьбы на X съезде – Сталин со своими аппаратными маневрами? Он наверняка проявил активность, и его кадры – Молотов, Куйбышев – уже добрались до самых верхов. Но Сталин тогда еще не контролировал аппарат, следовательно, ведущая роль в «троцкистском погроме» могла принадлежать только Ленину.

Да, именно Троцкий «приходится отцом» многим репрессиям военного коммунизма, вроде трудовых армий и продразверстки. Однако он же первым понял, что эти методы себя исчерпали, и выдвинул идею продналога. Что будет, если он после войны решит осесть в столице и окончательно закрепиться в роли ведущего ума партии? Опять «двоевластие»? Сделавший свое дело должен уйти; пожертвовать ферзя в самом конце выигранной партии – вроде бы ничего страшного, раз противнику это все равно уже не поможет. Встревоженный разногласиями с Троцким, а возможно, и той же ревностью к его успехам, Ленин-Сальери подливает отраву «Моцарту революции». Здесь, в отличие от легенды, рассказанной Пушкиным, агонии предстояло быть долгой и мучительной.

Но король, хоть он и важней любых фигур на доске – все-таки сам не игрок, а деревяшка в руке игрока. Того всяк называет по-своему: одни законом истории, другие – Божьим промыслом. На следующем, XI съезде Ленин доводит дело до логического конца: при полной поддержке Зиновьева и Каменева ставит Сталина генсеком, самым главным партийным аппаратчиком. (Иногда всю инициативу приписывают главному питерскому большевику, но такое допущение нельзя принять всерьез.) Но вскоре Ленин заболевает – и тут-то выясняется, что Троцкий был не только и не столько конкурентом, но столпом его личной власти.

Новое поколение выбирает Чингисхана

О последних годах вождя и в советской, и в постсоветской лениниане рассказано немало всякой всячины. Судорожные попытки меркнувшего сознания извлечь из себя хоть что-нибудь внятное и сама смерть Ленина, не успевшего отметить пятьдесят четвертый день рождения, воспринимались сторонниками «социализма с человеческим лицом» как трагедия, искажившая «верный» ход истории. Как злобный Сталин третировал бессильного Ильича, или как тот собирался, но не успел развенчать тирана – все эти подробности пережеваны многократно. Умиравший сочиняет одну за другой памятные записки – «политическое завещание», пустоватые рассуждения о рабочем контроле, о кооперации и действительно вроде как пытается придержать своего фаворита. Но и здесь он говорит о двух лидерах, Троцком и Сталине, а в общем, тужится из последних сил лягнуть всех и каждого, включая зачем-то Пятакова, который к политбюро близко не стоял.

С замечательной ловкостью Сталин обратил этот маразм основателя в свою пользу: каждое слово критики стало камнем в последующем избиении Троцкого и всех, всех остальных. Затем «передовой опыт» распространился ретроспективно вообще на все конфликты, вплоть до самых ранних, когда бы и о чем бы ни случилось поспорить с Лениным его ближайшим соратникам – а ведь именно этим большинство из них занималось всю свою партийную жизнь. Иными словами, «чемоданов с компроматом» хватало на всю имевшуюся в наличии ленинскую гвардию. Но тут-то и выяснилась удивительная вещь: оказывается, в смысле всяческих «уклонов» праведнее самого великого покойника был один только новый генсек. Ну а что касательно недостатков воспитания – не принимать же было всерьез подобные обвинения людям, отлично помнившим в наследии самого Ленина, к примеру, такие пассажи: «Приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу снюхался с правым крылом «Нового Мира» против левых циммервальдцев... Всегда равен себе – виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым» [Ленин, т. 49: IX].

Все же нельзя не отметить одно: никто из соратников не попытался совсем «задвинуть» мощного вождя до самой его могилы. Не иначе, опасались – Троцкий еще тут, рядом. А вдруг прорвется снова наверх? Похоже, Лев Давидович оказался слишком штучным творением природы и политики, чтобы старая гвардия могла счесть его своим естественным лидером по умолчанию. Те же опасения распространялись на «подмастерьев» – Склянского, Сокольникова, Муралова, Преображенского, Крестинского, которые были на свой манер и ярче, и талантливей, чем «запасная скамья» верных ленинцев. Парадоксальным

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
образом единство последних пять лет кряду укреплял фактор Троцкого; в этом, надо понимать, еще один – неявный его вклад в победу большевизма.

В 1923 году еще сохраняется иллюзия, будто позиции Троцкого достаточно сильны, его заслуги признаны массами, которые, естественно, не заметили аппаратного разгрома на X съезде. Угрозы не чувствует пока даже искушенный Карл Радек, сложивший в то время оду о «тайне величия» Троцкого. Последний в ней предстает как «человек с железной волей», «один из лучших писателей мирового социализма»; у него «великий умственный авторитет», «организаторский гений» и «гениальное понимание военных вопросов». Отчет о партконференции в «Правде» отмечает, что речь Троцкого была подытожена бурными, долго несмолкаемыми аплодисментами. «Этого мало сказать, – уточняет В.Валентинов. – Появление Троцкого и уход с нее после доклада сопровождалась такой действительно бурной овацией, таким длительным, несмолкаемым громом аплодисментов, что Сталин и другие члены Политбюро позеленели от зависти и злобы, а Ворошилов, находившийся в составе президиума съезда, не постеснялся громко сказать: «Подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина»» [Валентинов, 1991: 14; 18].

Между тем кому иному, как не Троцкому принадлежала на самом деле львиная доля революционных замыслов и конкретных результатов, достигнутых за 1917–1921 годы: октябрьский переворот, нэп, плановое хозяйство, индустриализация за счет села и еще многое другое. Не приходится сомневаться, что если бы уже в то время существовали ОРТ с РТР, народ и власть не замедлили бы отдать Льву Давидовичу. Но до сих пор не перестает удивлять то, что политик, совершивший больше всех других соратников, упорно продолжал держаться на второй роли, уступая первую Ленину даже после его смерти, несмотря на годы ожесточенной полемики в прошлом. А его, помимо расхожих сравнений с военными и реформаторскими талантами Наполеона, еще и обвинили в «бонапартизме», причем не только сталинисты, но и Оруэлл, например.

Однако в отличие от Бонапарта, чья страсть к завоеваниям серьезно обескровила французскую нацию, а реформы в то же время резко двинули вперед общественное развитие в целом ряде стран Европы, Ленин с Троцким, затем и Сталин были в принципиально иной ситуации. Ведь и современный капитализм «удался» далеко не с первой попытки: итальянские города-государства, бывшие первопроходцами на этом пути, даже объединившись в Новое время, продолжали падение в застой вплоть до прихода Муссолини и плана Маршалла. Попытки же создать такой коммунистический уклад, который бы не загнил, не умер, не трансформировался в свою противоположность или не был отброшен за ненужностью всего через несколько десятков лет, пока не удавались на практике никому и нигде. Естественно, большевикам пришлось непрерывно искать и находить какие-то обходные пути. Оптимальным и самым устойчивым (как представлялось в те же считанные десятилетия) паллиативом стал «феодальный социализм» по Сталину. Конечно, и это было само по себе более чем серьезной модернизацией – учитывая особенности дореволюционного прошлого, о которых мы писали выше. Но без «гарантий качества», увы.

За год с небольшим до смерти Ленин признавался: «Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Вернитесь к нам назад». И вот все они вернулись». («К пятилетней годовщине Октябрьской революции». Понятно, что здесь вождь то ли сознательно наводит тень на плетень, то ли уже просто не разбирает, во что вляпался пером: «все они» вернуться не могли никак, потому что слишком многих покروшили разгулявшиеся мужики и красные комиссары, или увела эмиграция.) Затем «Завещание» и письма – последний крик отчаяния у разбитого корыта: «Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это лишь суетня, которая за пять лет лишь доказала свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность» («лучше меньше, да лучше»).

Коммунистическая революция в Европе меж тем откладывалась на неопределенный срок. Троцкий при своем уме и воззрениях не мог не прийти к выводу: в этой ситуации и настоящего, «правильного» социализма, какой ему виделся, быть в принципе не может. Не оттого ли, что тоска по сбежавшему идеалу оказалась – редчайший случай в популяции двуногих! – сильнее, чем основные инстинкты, в данном случае стремление к власти и реваншу; не отсюда ли и его согласие оставаться «самцом бета» даже при вожде-паралитике, и странные приступы

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org эскапизма в самые неподходящие моменты, наконец, непонятное безразличие к аппаратной угрозе? Из этого инерционного «штопора» Троцкий выйдет окончательно только к 1927 году, когда бороться останется уже только за физическое существование, свое и близких. Безнадёжно поздно.

Сталина нередко сравнивают с великим завоевателем куда более ранней эпохи и дикого нрава, чем Наполеон. Тому же Троцкому, а иногда Бухарину приписывают фразу «Чингисхан с телефоном» – в подражание Герцену, называвшему Николая Первого «Чингисхан с телеграфом», который, дескать, еще хуже, чем предводитель орды, оно не ведавший. Гораздо шире известно высказывание, сделанное якобы Уинстоном Черчиллем, о том, что Сталин «принял Россию с сохой, а оставляет ее с ядерной бомбой». Только мало кто знает до сих пор, что телефон в ханской ставке хитро испортили какие-то услужливые нукеры. Конечно, премьер-министру прежде своей знаменитой Фултонской речи случалось произносить комплименты в адрес военного союзника, однако большая часть того пространного панегирика, как и сами слова о бомбе и «деревянном плуге» (так в подлиннике: на современном языке передовой технической цивилизации сей предмет иначе, как описательно, не назовешь), принадлежат вовсе не ему, а взяты из статьи ничем не выдающегося английского депутата – еврея по происхождению и, что любопытно, «перековавшегося» троцкиста, – напечатанной в столь же захудалой левой газетке.

Как бы там ни было, Чингисхан с термоядом – вот кто уж точно фозней всех остальных! На вожде с такими задатками и остановила свой окончательный выбор политическая элита России – тогдашнего Советского Союза, а вслед за нею вся страна. Любопытно, что после победы во Второй мировой и присоединения Восточной Европы, а затем «кооптации в соцлагбюро» Китая, слишком большого для прямого поглощения (хотя было время, председатель Мао называл себя «младшим братом великого Сталина», и конечно, не нашлось охотников объяснить вождю, что тот слышит просто-напросто стандартную формулу традиционной китайской вежливости) – сталинская империя и по своим очертаниям на карте становится похожа на владения Чингизидов. Правда, до полных размеров предшественницы она, кажется, так и не доросла, но сроки существования оказались примерно схожими.

Однако еще интереснее сравнить мировой статус российского государства, его роль в глобальной политике и экономике по состоянию на 1913 и на 2009 год. Выходит, после всех кровавых усилий не сдвинулось здесь практически ничего – а кое-что (например, размеры и, как бы сказать, общий жизненный потенциал народонаселения за вычетом разве лишь массовой грамотности, или состояние сельского хозяйства) даже заметно поменялось в худшую сторону.

И это тоже, судя по всему, прямо связано с особенностями вечного «русского выбора».

А вот почему он, этот выбор, неизменно оказывается таким?

Голова аграрной химеры

Что было бы, если бы Ленин сделал ставку на Троцкого, а тот не сбежал бы вдобавок на нелепую «утиную охоту» осенью 1923-го, не пролежал в горячке несколько важнейших недель сразу после смерти вождя и потом еще долго приходил в себя? Weltschmerz над зачахшим эмбрионом всемирной страсти – конечно, штука сильнее не только Фауста, но и вполне уже зрелого Вертера; но несомненно то, что и под руководством Льва Давидовича Советский Союз строил бы социализм. Какой же?

Из вариантов, которые в разное время удалось на более-менее длительный срок осуществить тем или иным государствам, основные по типологии: «чисто сталинский» (поначалу вроде бы затевавшийся и Пол Потом в Кампучии, а затем им же «перевернутый с ног на голову» и пущенный на рельсы всеобъемлющей национальной катастрофы); теперь в этом эшелоне остались только братья Кастро да папа и сын Кимы. «Югославский», соединивший авторитарную внутреннюю политику с почти (но все ж не до конца!) рыночной экономикой, пустив гниловатые отроду побеги в некоторых арабских и латиноамериканских странах. Наконец, самый большой из всех мировых «братьев»: китайский социализм Дэн Сяопина, также сочетающий жесткий политический авторитаризм с относительно свободным рынком, но в условиях крестьянской – на те же печально памятные 80 % – страны, которая проводит широкомасштабную

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
модернизацию по заведомо устаревшим, сугубо индустриальным образцам, неудержимо губящим среду обитания. При этом финансовое положение Китая, завалившего протоварами весь мир, устойчиво, как мало какой другой страны, даже последний кризис его едва затронул; более того, он сегодня практически единственный партнер, с кем вынуждена считаться, что называется, по полной программе сверхдержава США. Но очень многие не самые глупые аналитики сейчас сильно опасаются, что все эти диспропорции китайского чуда могут совсем скоро привести к новым катаклизмам уже не национального, а глобального масштаба... Это, впрочем, тоже отдельная тема за пределами нашей книги.

У Троцкого были интеллектуальные и волевые качества для того, чтобы стать «первым Тито» или «российским Дэном». Террор в мирное время – во всяком случае, в сталинских размерах – ему, скорее всего, не понадобился бы, поскольку ни его исторические заслуги не нуждались в подобных коррекциях, ни личность – в самоутверждении такого рода. Конечно, как и Тито, как и Дэн, совсем без политзаключенных Троцкий бы не обошелся. Однако вполне можно предположить, что обошелся бы без железного занавеса. Но кончилось бы все, наверное, вряд ли лучше, чем в бывшем государстве Тито. (Последний, кстати, не нравился православному сербскому большинству еще и тем, что был чужаком – хорватом. Его и за гробом продолжают этим шпынять, точно как призрак «лейбы Бронштейна»: вот, насажал на нашу шею разных инородцев! Только специально-разоблачительного имени вроде, скажем, Пепе, чтоб еще больше отдавало Ватиканом, сербы не додумались изобрести.)

А что было бы в СССР, если бы страну повел дальше Бухарин под своим девизом «Обогащайтесь»? Не исключено, что в конце концов партию свергли бы, большевиков разогнали. Но к тому времени мировой кризис 1930-х вряд ли успел бы закончиться; и поскольку при таких условиях задачи идти России некуда, кроме как на глобальный рынок, а предложить там нечего, кроме традиционных зерна, пеньки и льна, – страна, скорее всего, снова погрузилась бы в разложение и хаос. Возможен другой вариант: поднакопившее ресурсов и сохранившее в неприкосновенности все свои устои крестьянство устраивает новую войну за очередной передел в духе Болотникова-Разина-Пугачева.

Поэтому даже смысла нет задаваться следующим по порядку вопросом: что, если бы сам Сталин не разорвал тактический союз с «правыми» и не свернул нэп? Тут гадать не приходится – именно такой вариант опробовал Горбачев. Начали с кооперативов, те быстро «институализировались» очень самобытным, чисто местным способом, превратившись в конторы по обналчке казенных бюджетов на потребу краснодиректсрской и комсомольской шушере, через пару лет и вся экономика развалилась, а потом политическая система посыпалась как картонный домик.

Политическая линия Сталина в середине 20-х со стороны выглядела извилистой, если не сказать непоследовательной. Вместе с Бухариным он продолжал отстаивать нэп, в то время как троцкисты, в чьем лагере очутились и Зиновьев с Каменевым, выступали за ограничение частного сектора. Для Троцкого и соратников очевидно, что «мелкобуржуазная стихия» и социализм – две вещи несовместные. Евгений Преображенский выдвигает лозунг «социалистического накопления» – ускоренной индустриальной модернизации за счет крестьян. Естественно, обе противоборствующие стороны, излагая свои резоны, без конца обращались к «тени отца» – Ильича. На том этапе дело кончилось исключением Троцкого и Каменева из политбюро; Зиновьева выгнали с поста председателя исполкома Коминтерна. Далее, как говорится, – везде. И всех...

Вскоре, однако, происходит то, за что Сталина обвинили потом в плагиате: дескать, взял у троцкистов их идею, и вместо мирного, благостного нэпа началась индустриальная гонка с попутным геноцидом русской нации, отдельными, в чем-то даже преступными перегибами в отношении некоторых других народов, например, украинского; наконец, многочисленные недочеты и ошибки с остальными, вроде вайнахов. (Последним определением, помнится, блеснул пару лет назад, в очередную годовщину депортации этнический ингуш, генерал ФСБ Зязиков.)

Но, быть может, возрождение в полном объеме «великой крестьянской державы» на самом деле, как утверждали троцкисты, грозило завести в политический тупик? И когда Сталин в 1925-м проехал по стране, руководя по старой памяти хлебозаготовками на местах, он убедился воочию в правоте «левых» – либо

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org
социалистическая индустриализация, либо... В лучшем случае – сползание в
какой-нибудь реформизм или ревизионизм с неизбежной утратой власти.

В конце концов все вопросы жизни и смерти уперлись, как видим, вовсе не в запаздывающую всемирную революцию, а в вязкую глубинку «Сердцевинной Земли» человечества, которую на переломе столетий романтически воспел тот самый лорд Маккиндер, папа самоновейшей геополитической теории образца 1890-х, не ведавший о своих духовных бастардах в лице З. Бжезинского, А.Дугина и Академии Генштаба ВС РФ. (Спустя лет сорок, ближе к нынешнему возрасту первого из них, сэр Джон окончательно переключится на идеи более здравые и практичные – прогнозирует, например, образование биполярного мира.)

Оглянемся для ясности на мировую картину. Уже тогда во многих передовых странах в сельском хозяйстве было занято не более 10–15 % самодеятельного населения, а в Англии, например, меньше восьми процентов. Аграрный сектор нэповского СССР на этом фоне был чрезмерно велик, его экономика – экстенсивна и неэффективна. Советский народ, как был до революции, так и остался сельским на восемь десятых, три четверти этой массы кормились исключительно своим трудом на земле. Совсем как в нынешнем Китае, только там на пригодной для земледелия половине страны климат по преимуществу муссонный, он еще до всякой интенсификации позволял снимать по два, а то и три урожая в году; и опустынивание плодородных лессовых долин в бассейнах великих рек стало принимать критические размеры всего каких-то лет двадцать назад. А России как раз перед революцией начинало уже вплотную грозить аграрное перенаселение; собственно, его первые издержки и стали одной из важнейших причин социального взрыва. Передел помещичьих земель и колоссальные людские потери в Гражданскую войну, конечно, снизили в какой-то степени это давление; однако с тогдашними демографическими характеристиками страны (первое и единственное поколение «детей нэпа» было, как известно, самым многочисленным из рожденных когда-либо не только за всю прежнюю, но и за последующую историю РСФСР-России) «сносная жизнь» продлилась бы, скорей всего, недолго.

Но почему лишь в российско-советской империи первоначальный бунт сельской косности против всего чужого и чуждого ей обернулся в конечном итоге полномасштабным антропологическим кризисом, ставящим под угрозу уже в недалекой перспективе само бытие целых народов?

...Начать придется с времен весьма отдаленных. Два центра зарождения русской государственности, Киев и Новгород, были долгое время разделены финно-угорскими племенами. Впоследствии большинство автохтонов переняло динамичную культуру широко расселившихся славян. Однако те были носителями хозяйственно-культурного типа, который формировался в совершенно иных природных условиях, неподалеку от древнейших центров земледелия. Большинство ученых сейчас считает, что основной территорией формирования славянской общности были нынешние Украина и Польша, а расселение на север и северо-восток началось сравнительно поздно, в IV–VII веках новой эры. Надо полагать, климат там и прежде был не в пример благополучнее, чем на просторах «Сердцевинной Земли».

С тех самых пор все русское хозяйство постепенно, но неуклонно превращалось в погоню за несбыточным. Население Нечерноземья, подчиняясь древнему психологическому стереотипу, мучительно пыталось воссоздать изобилие хлеба, каш и пирогов своей прародины. И еще полбеды, пока сеяли там в основном устойчивые к сельскохозяйственному риску рожь, гречиху и ячмень. Потом аграрная идеология социализма постаралась нивелировать и эти нехитрые приемы хлебно-крупяного выживания. За полвека после нэпа посевной клин ржи в СССР сократился более чем втрое – с 27 до 8,1 млн. га; площади, отведенные пшенице, выросли с примерно равного старта почти пропорционально упомянутому падению.

Так, по-видимому, впервые в истории отечества отмечается феномен, «навязывание» которого любой наш умный, добрый патриот приписывает почему-то Западу и всей местной гнилой интеллигенции, наипаче «либерастам-ельциноидам, продавшимся ЦРУ», – и неустанно клянёт их за это. То есть некоторое умозрение было чисто механически, возможно, даже «грубо» и вполне «насильственно» пересажено на почву, не слишком для него подходящую. Но поскольку в ту эпоху на заокеанском континенте воины-разведчики не только не организовывали центральных управлений, но разве лишь «сном или духом» подозревали о существовании земли своих почти забытых предков, относя ее к запредельным мирам; поскольку слова

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org «либерализм», «интеллигенция», «реформа» и «модернизация» были тогда знакомы лишь жителям Средиземноморья, да и по смыслу мало совпадали с нынешними, – то история позволила себе пошутить в очередной раз. В нашем случае «родненькой», следовательно, практически неотвязной оказалась как раз основополагающая идея, а почва, куда ее силиться воткнуть, – совсем наоборот. И этот перевертыш, как увидим, сыграл поистине роковую роль в судьбах страны.

Дальше все тоже пошло в направлении, обратном западноевропейскому. Там под конец Средневековья, после временного похолодания, вызвавшего аграрный кризис, и ужасной эпидемии чумы, сократившей в разы количество рабочих рук, начинается постепенная интенсификация всех хозяйственных систем – в первую очередь земледелия, тогда, как известно, бывшего основой экономики для всех. Русь же продолжает расти только вширь, вовсе не меняя укоренившихся представлений о «государевых людишках на Божьей земле» и привычных способов обхождения с небесным даром, который, казалось, не иссякнет вовек. Только так выходит, что с каждым новым шагом в полупустые, никем почти не занятые просторы, дар этот отчего-то не увеличивается, но становится все скудней; вот уж Камень-хребет под ногами, а скоро за ним – вечный нетающий лед...

Конечно, как-то приспособлялись и тут. Например, поморы, осевшие под боком у мерзлоты, даже не пробовали пойти против заведомо слишком сурового окружения: переключились на морской промысел, на молочное скотоводство, как соседи-норвежцы, и зажили лучше многих. Может, не случайно их община дала стране одного из самых славных «первых европейцев» – Ломоносова? К похожим способам прибегали волей-неволей и более поздние, сибирские переселенцы. Совсем другая история с южнорусскими казаками: у них, наоборот, «генетический код» удачно совпал с возможностями сравнительно недавно, по меркам истории, занятых земель. [5 – Чрезвычайно интересно отметить факт, что в ходе первой (и пока единственной из-за кризисного ажиотажа) Всероссийской переписи населения 2002 года и многие поморы, и еще большее количество казаков (десятки тысяч!) именно так обозначили свою национальность, отделив себя тем самым от «большого» народа. Среди первых один человек указал даже, что для него русский язык не родной. Какой язык он считает своим, авторам установить, к сожалению, не удалось из-за обшей невнятности этого раздела в постсоветском опросе. Ни в каких других региональных группах русского этноса подобный феномен не проявился за пределами статистической погрешности] Но при этом, скажем, в отменно плодородном и терзаемом суховеями южном Поволжье ирригационных систем ни при каких царях не строили. И мужики, и власть рассуждали, похоже, по принципу: бог дал, бог и взял. А может взял как раз не он, а черт, ну так авось смилостивится хоть один на будущее лето...

Так что повторим еще раз: «неудобный» климат – здесь не самая главная беда.

Многое могут объяснить злаковые химеры, владевшие сознанием предков. Не только головокружительные карьеры «народных академиков» или фантазии Никиты Сергеевича о бескрайних целинных просторах и кукурузе у Полярного круга (при том, что на большей части наших угодий даже пшеница по мировым меркам – не что иное, как низкоурожайный полусорняк, годный разве лишь на плохонький фураж), но и хроническое засилье в отечественной экономике ненормального перераспределения над нормальным производством чего угодно. И совершенно дикое для настоящих «крестьянских держав», но неувядаемое в России убеждение, якобы кто-то – вожди, потом Запад, теперь снова начальство и так далее по кругу – обязан накормить народ. Не отсюда ли и все прочие странные загибы русского менталитета, от многовековых «бросков на юг» до нынешней всеобщей тяги к судорожной, безобразной урбанизации, толчком к которой как раз послужили решения сталинского ЦК? Даже странная судьба национальной идеи, которую все ищут в потемках и не могут никак отыскать отечественные умы. И не в последнюю очередь – затянувшееся господство бесперспективных идеологий и самоубийственных политических методов.

Пережив в 1930-е последнюю из своих великих трагедий, аграрная дезадаптация стала быстро обрастать загогулинами фарса. Особенно это проявилось при Хрущеве, когда не было уже ни гигантских человеческих жертвоприношений, ни голодомора (благо после очередного неурожая тогдашняя кремлевская команда додумалась положить начало массовому импорту зерна – причем, что характерно, из «самых капиталистических» стран). Всевозможные «битвы за урожай», причем непременно зерновых культур, сделались центральной темой не

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org только партийных накаток, но и всего соц-реалистического искусства. Ни одному иностранцу, если его предки не отсиживали срок в соцлагере, это выражение в дословной передаче совершенно непонятно, с иного станется еще спросить: а что, на вашей ферме засели солдаты противника? Многие помнят, наверное, и плакаты, развешанные в каждой советской столовке. Самый простенький трафарет лаконично возвещал: «Хлеб – всему голова!». Наиболее изысканный развертывал ту же самую идею до высот поэзии:

Не напрасно народ с давних пор и поныне Хлеб насущный зовет самой главной святыней. Золотые слова забывать мы не вправе: Хлеб – всему голова. В поле. В доме. В державе.

Но почему, собственно, именно он? А не картошка, скажем, занимавшая уж никак не меньшие объемы в желудках большинства рядовых граждан СССР? Или, может, рабочие, расстрелянные в Новочеркасске, требовали у начальства не доступного мяса и масла, а побольше булок да батонов на обед?

Просто – так родная природа захотела. Никто ж не спрашивает, почему Ганди – это голова.

Великая авторитарная имитация

Коль скоро в большинстве мест отведенной нам суши «трудом праведным» – на колосющейся ниве не наживешь не только палат каменных, но и маломальских припасов в косом домишке, остается, во-первых, курочить и загонять все, что под руку попадет, во-вторых, «мыслить о душе». И называть эти занятия, в зависимости от сиюминутного настроения и политических нужд, хоть нравственной, хоть экономной, хоть рыночной экономикой.

Впрочем, не только у нас, но, похоже, уже и в преобладающей части популяции Ното новая история породила парадоксальный социально-психологический тип – человека, изможденного работой, но в сущности неприспособленного, «паразита с мозолистыми руками». Вся его деятельность находится в идеальном соответствии с основным экономическим законом социализма. Но не из советских учебников (помнится, сильно забавляло то, что их «формула капитализма» содержала по крайней мере одну категорию, реально относящуюся к экономике как таковой – прибавочную стоимость, а «социалистическая» вовсе ни одной). С тем законом, что гениальней всех марксистов изложил поэт Илья Кормильцев в тексте для рок-группы «Наутилус Помпилиус»: здесь мерилом работы считают усталость. И производят в основном ее.

В собственных речевых оценках классический вариант духовно-нравственного труженика не столько работает в прямом смысле, сколько «горбит», «ишачит» и «вкальывает» (более энергичные версии опустим из уважения к читателям; да они без того общеизвестны в России). Даже превратившись в привидения, незадачливые герои родной литературы, от поэзии Николая Некрасова до прозы Андрея Платонова, продолжают по инерции, доведенной до автоматизма, колупать без толку мерзлую землю. А при жизни они неспособны не презирать собственную долю и не зариться на чужой комфорт. Именно это обстоятельство решающим образом обесценивает любые соображения касательно «особой духовности». Участи человека можно (и должно, по всей видимости) сочувствовать, делам же их – увы и ах...

В той же Англии, только еще не «старой доброй», а не успевшей ни состариться, ни тем более подобреть, крестьянская проблема была решена на свой манер не менее радикально, чем потом в СССР – и кровью немалой, и большими слезами. Однако делали это гораздо более постепенно и размеренно; как выяснилось в конечном итоге, совершенно рационально. Начатый за полтысячи лет до сталинской коллективизации процесс так называемого огораживания практически завершился в XVIII веке: арендаторы-«копихолдеры» подались в города развивать прядильные и ткацкие, сукновальные и шерстобитные мануфактуры, которые дали самый первый импульс знаменитой промышленной революции. Овцы, главный источник первоначального накопления, паслись за изгородями на их бывших участках. Немногих независимых фермеров, оставшихся на земле, в общем, хватало для прокорма и элиты, и новых рабочих масс, даже когда возникали досадные перебои в подвозе продовольствия извне – например, во время отпадения американских колоний.

«...Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия». Это Максим Горький написал о Ленине; но если попробовать приложить его слова к любому из «великих кормчих», сколько их ни было в отечественной истории, – подойдут вполне. С той же, можно сказать, четкой прямолинейностью.

В России еще прежде большевиков избавиться тем или иным путем от аграрной химеры стремились практически все сколь-нибудь продвинувшиеся в своих задачах реформаторы, кончая Столыпиным и начиная... вероятно, с Петра Великого. Разве что этот император мог выбирать алгоритмы своих действий скорее интуитивно, нежели логически, ну так на то он и первопроходец.

Ни одна из реформ, как мы понимаем сегодня, не принесла решающего успеха, даже самая грандиозная из всех – коммунистическая. Династия Романовых правила Россией триста лет, а оставшегося после Сталина имперского могущества не хватило и на полных сорок.

Почему? Может быть, у него, в отличие от англичан с их пресловутыми двухсотлетними газонами, просто не оставалось времени в запасе, и он, как тот герой фильма «Коммунист» в исполнении артиста Урбанского, принялся бешено размахивать топором, а щепки летели, летели?.. Очень похоже, что сам он так и думал, при этом не забывая ни на минуту сохранять свой знаменитый загадочно-невозмутимый вид и оттачивая соответствующие пластические приемы, которые просто-таки гипнотизировали далеко не наивных во многих других отношениях славяно-еврейских товарищей. Почти каждый грузин, даже если с виду простоват и неотесан – выдающийся лицедей. (Любой «кавказский человек» с ходу припомнит и поймет, о чем речь; а знакомому в основном с приятельскими застольями стоит перечитать рассказ того же Фазиля Искандера про абхазского мальчика Чика, его одноклассника Ваню Цурцумию и театральную лошадь.) Тем не менее, самое важное, ради чего, собственно, и затевалась вся эта грандиозная перестройка, Сталин проглядел так же бесславно, как его учитель – начало февральской революции. Совершенно не имеет значения столь волнующий многих вопрос: собирался он на самом деле напасть на Германию первым, или нет. Так или иначе, перехитрить Гитлера лицедейство не помогло.

Одних только людских потерь в Великой Отечественной хватило бы, чтобы подорвать силы России уже необратимо – как и вышло в действительности. Но потом великую стройку продолжали прежними, ничуть не изменившимися методами. Если попробовать свести воедино «сталинские» приоритеты хотя бы в самом поверхностном виде, получится примерно следующее. Территориальные аннексии важнее, чем нормальное последовательное обустройство уже имеющегося. (Сталин во время Второй мировой и после нее расширил пределы СССР за счет доброго десятка соседних стран, от Финляндии до Японии; а, например, США ограничились несколькими малолюдными или необитаемыми островами в Тихом океане, которые использовались как военные базы. Британская корона тоже не стала удерживать «отнятые» у Италии Сомали и Эритрею.) Далее: сохранение эмбрионов важнее жизни уже рожденных на свет и полностью сформировавшихся людей. Объяснять это с рациональных, не религиозно-мистических позиций можно разными способами, например: «будущее страны для нас важнее ее прошлого» (и даже настоящего!), но глубинная психологическая подоплека была, наверное, все-таки в том, что граждане пренатальные, в отличие от взрослых, не способны даже умозрительно стать угрозой для власти ни с какой стороны. Техническая вооруженность, кстати, еще гораздо более ценна, чем человек на любой стадии своего развития. В общем же и целом – лояльность официальным догмам и идее Государства полезнее любых реальных результатов; страх нужнее совести.

Только ведь и с этим промашка вышла. Расходовать в этих целях людской материал так же безоглядно, как в древнем Египте на постройке пирамид или как в древнем Китае на возведении Великой стены, уже не получалось. Исторические египтянки и китайки не отводили с утра пораньше своих малюток в детсад, чтобы самим отправиться в институт или на курсы повышения квалификации, встать к станку или сесть на трактор. Если в индустриальном обществе вдобавок убивать всех «лишних», а остальных непрерывно рассеивать по бескрайним просторам, то сколь бы выдающимся и талантливым ни был народ, вместо задуманного он обязательно получит полный крах.

Было время – лет двадцать назад, когда соотечественники вели между собою горячие споры: в чем истинная правда о Сталине, был ли он величайшим вождем или пошлым уродом-садистом? А ведь на самом деле никакого рокового, неодолимого противоречия здесь, сдается, нет.

Гениальным диктатором был Иосиф Джугашвили! Пишем это без тени издевки: в смысле менеджмента своей личной власти он велик и эффективен, как, возможно, никто другой во всей истории человечества; «соразмерному» Чингисхану выпало на долю управлять менее сложными системами, а Наполеон, если его поставить в этот ряд, будет смотреться просто жалким неудачником и слюнтяем.

Вместе с тем Сталин проявил себя полным цивилизационным, историческим идиотом: осуществляя свою модернизацию, особенно на поздних ее этапах, он погряз в безнадежной архаике минувших эпох, когда жизнь уже вовсю требовала иных понятий, иных методов и средств. Более того, наотрез отказалась прощать не понявших ее вызова. Чингисхан, думая, что овладевает телеграфом, непоправимо испортил сложную машину. И в конце концов стал увлекаться бессмысленным копированием внешних примет жизни в былой империи, вроде погон, штатских вицмундиров и раздельного обучения в школах, когда внутреннее содержание той жизни – было безвозвратно утрачено... Ну ладно он; но наших современников, которые продолжают воспевать его достижения, видя воочию плоды, трудно назвать иначе, как идиотами клиническими.

Нет, настоящая беда всех отечественных реформ отнюдь не в том, что они «авторитарные» или «догоняющие». В таком понимании причина и следствие меняются местами. Точно так и каждый авторитарный правитель России сосредоточивался не на содержании, даже не на формах, но на их имитациях: тех самых внешних и отдельных от человека, технико-механических деталях, на «проблеме ружей и кирпича». Говоря образным языком булгаковского профессора, бросал все силы исключительно на переделку клозетов – и зачастую с полным успехом превращал эти сооружения в неприступную для любого противника крепость. Тогда как в головах – и у подданных, чьими руками должна была создаваться новая жизнь, и, что еще хуже, у него самого – царил разруха. А какое «внутреннее содержание» только и может иметь клозет, даже самый механизированный и автоматизированный в мире?

Из греческого языка в христианское богословие вошло понятие «метанойя». В буквальном переложении на русский – «сверхразумие»; но обычно у нас его объясняют как «покаяние». Хотя последнее слишком легко свести к банальному набору словесных формул и соответствующих жестов (что чаще всего и происходит на практике). Между тем подлинная метанойя – это именно попытка приподняться над привычными представлениями и выйти за их пределы; глубинное переосмысление собственной личности, души, страстей и долга, в конце концов, своего места в мире.

Что сотворил из самых лучших побуждений и высоких чувств великий немецкий народ не просто за двенадцать лет нацизма, а за всю свою новейшую историю, – мы писали.

Сейчас у немцев в телевизионном шоу, аналогичном нашему «Имени Россия», на первом месте тоже политический деятель – как, собственно, почти во всех крупных державах, где прошли эти программы. Но не агрессор, поднимавший страну с колен, а первый федеральный канцлер Аденауэр, возглавивший ФРГ, когда ей только предстояло преодолеть наследие Гитлера и вновь добиться доверия в мире. А одно только слово Nazi у них сегодня вызывает негодование либо омерзение чуть ли не на подсознательном, физиологическом уровне. Примерно так самый рьяный ваххабит или, наоборот, ортодоксальнейший из хасидов, скорее всего,отреагируют на слово «хазр» (свинья). «Но ведь не у всех же немцев!» – тут ухватятся за соломинку наши доморощенные «культурные националисты». Нет, конечно. Таких маловато пока: всего девять из десятка. И до того уже дошло, что они больше вообще ни за какое правое дело в чужих Гренадах воевать решительно не хотят.

И в Америке еще полвека назад – как раз когда русские придумали анекдот: «Зато у вас негров линчуют», – чернокожего действительно кое-где могли избить или даже убить только за то, что он такой, хотя уже не столь демонстративно, как раньше. Сегодня не только первое лицо великой страны имеет эти черты, но его даже и назвать негром невозможно никак – не потому, что Барак Обама не совсем черный, а мулат, просто лет за двадцать до его избрания президентом слово стало считаться неприличным в кругу порядочных людей. Теперь им только сами нег... то есть афро-американцы перебрасываются между собой. Мы не по небрежности так построили этот кусок текста, что результат каких-то мелочных дискуссий оказывается словно бы весомей немаленького исторического события. Для американцев первое не только

Русская Троица XX века Ленин, Троцкий, Сталин. Виктор Бондарев Михаил Глобачев filosoff.org предшествует второму, но с необходимостью его обусловливает: так они договорились поступать и не прогадали по большому счету.

Вывод может быть единственный: «в действительности все обстоит не так, как на самом деле». На самом деле бездушный, меркантильный Запад умеет, оказалось, модернизировать не одни клозеты, но и межчеловеческие отношения. И те на самом деле для него первичны. А Россия, беспрестанно бредящая своей особой духовностью, праведностью, космизмом и бог еще знает чем, – в действительности только то и знала столетиями, что бить поклоны грубой, косной и тупой материи, проще говоря – железякам (в условно-лучшем варианте), а то и дензнакам (в безусловно худшем), в них она полагает и величие свое, и спасение. Неизбывный стиль национального мышления недавно вновь продемонстрировало послание главного блоггера страны: «Вперед, Россия!». Результат его призыва и последующей широкой дискуссии: социальные недуги предложено лечить путем постройки технополисов. С высокотехнологичными, само собой, сортирами; это даже где-то отмечалось особым пунктом. Впрочем, не стоит поминать всуе тех, кого иным образом помянуть невозможно: ведь никаких других идей у нации нет все равно.

Как ни парадоксально, у нас к метанойе подошли ближе всего те, кого и обвиняют злее всех прочих в пресловутом «механическом насаждении чужого». Сперва Горбачев, который однажды заметил совершенно справедливо, что, мол, перестройку надо начинать с себя. Но фактически тут же и отказался от своих верных слов, принялся рассказывать совсем другие истории, вроде той, что его дед любил социализм, а он любит деда: так нельзя же дедушку – лопатой буржуазного ревизионизма! Однако разрешенная им гласность вызвала в обществе лавину образов и идей, на какие-то эфемерные мгновения улетающих к подлинной жизни. Но образ ведь и есть одна из разновидностей имитации...

Потом пришел Ельцин со своей первой командой «гарвардско-чикагских мальчиков» и шоковой терапией. Те предпочитали оперировать все больше в терминах современной экономики. И конечно, тоже наломали кучу дров, не столько по-гарвардски, сколько чисто по-русски. Но кажется, вполне искренне эти люди желали двух вещей: во-первых, научить сограждан любить свободу, во-вторых, признавать право не только свое, но и ближнего. Иначе любые модернизации так и будут проваливаться без конца.

Человек, даже если он советский, не рождается для счастья, как птица для полета, – разъясняли либералы свою науку не столько даже на словах, сколь буквально «на пальцах». Птице, и той приходится постараться сперва, человеку же для этого надо приложить усилий куда как больше... Мерило работы – не усталость от нее, а рыночный спрос. Понятно, для богослова столь бездушные слова, что порция рвотного. Но смысл их в том, чтобы твои труды могли пригодиться не «Родине» или «народу» (всем – значит никому) и не только твоему начальству, домочадцам и тебе самому. И уж если речь о нравственности с духовностью, то их мерилом служит не самооценка, но... обыкновенный инжир. Только не тот, что продают на лотках, а из библейской притчи о смоковницах, согласно коей дерево узнают по плодам. Ни по чему другому.

Так они «хотели как лучше» – получилось опять как всегда. Страна поступила по обыкновению: снаружи сделала вроде бы все, как сказано, а изнутри... Разумеется, страшно разобиделась за это. На либералов. Но в таком случае и она, по логике вещей, не могла не обидеть свою малую кровиночку – не бывает ведь конфликтов, где вся вина целиком на одной из сторон. Нам этот баланс представляется не в виде математического равенства, а двумя простыми дробями. У одной в числителе общее количество ельцинских реформаторов, в знаменателе – все, кто считает себя оскорбленными. Вот эта величина и будет описывать размеры провинности либералов. Соответственно, вину их жертв получаем, перевернув дробь.

Впрочем, сегодня и это уже не актуально. Дробные величины превратились в очередную дурную бесконечность.

И покуда длиться ей, две России не станут родными друг для друга и не сольются воедино. Стало быть, не только меньшая из них, но и большая никого не сможет победить и ни в чем убедить по-настоящему. Кроме как – в стотысячный раз – в одной-единственной константе, давно, что называется, отскочившей и от русофобских, и от русофильских зубов. «...Мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке... Из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность» (П. Чаадаев).

И всё новые поколения русских интеллигентов с «российскими интеллектуалами», либералов и бунтарей – сколько их останется до полного расточения нации, так и не сумевшей за тысячу лет ничего понять о себе и о мире, – будут повторять заветные строки стихотворца, который на самом-то деле родину любил, как все они, странною любовью, вот только быть с ней, а главное, говорить с Богом по предписанным ею канонам – не смог.

– Как сладостно отчизну ненавидеть...

Примечания

1

Интересен послужной список Ильи Николаевича Ульянова. Он закончил Астраханскую гимназию с серебряной медалью в 1850 году и физико-математический факультет Казанского университета в 1854 со степенью кандидата математических наук – немалые достижения в 23 года. Столь же убедительна завершающая часть его биографии. Приведем извлечение из формулярного списка:

«Правительствующего Сената по департаменту Геральдий от 25 ноября 1871 г за № 5326 произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством с 11 ноября 1870.

ВСЕМИЛОСТИВНИШЕ награжден за отличную службу орденом Св. Станислава 2-й ст. 22 декабря 1872.

Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 17 августа 1874 г за № 16 назначен директором народных училищ Симбирской губернии 11 июля 1874.

ВСЕМИЛОСГИВЕЙШЕ награжден за отличную службу орденом Св. Анны 2-й ст. 25 декабря 1874.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден за отлично-усердную службу чином Действительного Статского Советника 26 декабря 1877.

Приказом Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения от 15 декабря 1880 г. за № 15 оставлен на службе на один год по выслуге 25-летнего срока с 11 ноября 1880.

Предложением Г. Товарища Министра Народного Просвещения от 27 апреля 1881 г. за № 6126 назначена ему, за выслугу 25-ти лет, в пенсию полный оклад жалованья одну тысячу р., со дня выслуги 25-ти летнего срока, сверх содержания на службе с 11 ноября 1880.

Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 7 декабря 1881 г. за № 10 оставлен на службе на четыре года с 11 ноября 1881.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден за отлично-усердную службу орденом Св. Владимира 3 степени 1 января 1882.

ВСЕМИЛОСГИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Станислава 1-й степени 1 января 1886. Состоя на службе, умер 12 января 1886».

2

Любопытна, однако, характерная деталь в изысканиях доморощенных психоаналитиков, приписывающих отцовскому влиянию особое пристрастие Сталина к сапогам, которые он, как известно, предпочитал любой другой обуви: лишь считанные портреты запечатлели вождя в ботинках, да и то при парадной форме генералиссимуса. С этой версией возможно согласиться постольку, поскольку в грузинском, как и в русском (в отличие от ряда других языков) слова, обозначающие мастера по шитью и ремонту обуви и саму обувь с высокими голенищами, являются однокоренными.

3

Дес. – десятина: примерно то же, что гектар в метрической системе; если совсем точно – 1,0925 га

4

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

5

Чрезвычайно интересно отметить факт, что в ходе первой (и пока единственной из-за кризисного ажиотажа) Всероссийской переписи населения 2002 года и многие поморы, и еще большее количество казаков (десятки тысяч!) именно так обозначили свою национальность, отделив себя тем самым от «большого» народа. Среди первых один человек указал даже, что для него русский язык не родной. Какой язык он считает своим, авторам установить, к сожалению, не удалось из-за общей невнятности этого раздела в постсоветском опросе. Ни в каких других региональных группах русского этноса подобный феномен не проявился за пределами статистической погрешности

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!